

801-11
744

РИМСКІЯ КАТАКОМБЫ

И

ПАМЯТНИКИ

ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ХРИСТИАНСКАГО ИСКУССТВА.

Срч. А. фонъ ФРИКЕНЪ.

..... miro sempre al fine ultimo dell'archeologia, che è di
confermare, rischiarare, avvivare, spesso anche creare la storia
e ricostruire l'ordine de'tempi coll'aiuto de'monumenti.
Bull. di Arch. Crist. G. B. de Rossi.

Часть первая.

Римскія Катакомбы.

Цѣна 1 руб.

МОСКВА.

Изданіе К. Т. Солдатовою.
1872.

НЕ КОПИРОВАТЬ

НЕ КОПИРОВАТЬ

Дозволено цензурою. Москва. 16 Августа. 1872 г.

6919-0

2007083616

ТИПОГРАФИЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЯЧИНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВЪЙ.

ПОСВЯЩАЮ ПАМЯТИ
ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА
БОТКИНА.

Посвящаю мой трудъ дорогой для меня памяти человека, который далъ направленіе моимъ занятіямъ, пробудилъ во мнѣ любовь къ изученію памятниковъ искусства и помогалъ своими совѣтами въ составленіи этого сочиненія.

ВВЕДЕНИЕ.

I.

Немногія историческія эпохи могутъ представить большій интересъ, чѣмъ тѣ времена, когда христіанское ученіе начало распространяться въ римской имперіи и находить послѣдователей въ ея столицѣ. Переворотъ, произведенный новымъ вѣрованіемъ въ жизни и нравахъ римскаго общества, тѣ особенности, которыя выразились въ пониманіи имъ христіанскихъ идей и принциповъ, все это факты и явленія громаднаго значенія, и памятники, удѣльшіе отъ этой необыкновенной эпохи, должны быть для насъ особенно драгоценны. Число ихъ притомъ очень ограничено; памятники литературы немногочисленны; въ первые вѣка христіане писали мало, а языческія историки, не предугадывая великой будущности вѣры въ Спасителя, выразились объ этой новой, по ихъ мнѣнію восточной сектѣ, съ презрительною краткостью. Все, что тѣ и другіе сказали о первыхъ временахъ распространенія христіанства, не можетъ разоблачить намъ скрытое броженіе, вызванное имъ въ языческомъ обществѣ, ни представить его тайный ходъ, его постепенное развитіе. Это было бы намъ не извѣстно, если бы первые христіане не оставили послѣ себя катакомбъ и въ нихъ произведеній своего искусства. Потому то эти гигантскія подземныя владѣнща, и все, что еще сохранилось въ нихъ, начиная отъ стѣнной живописи и мраморныхъ саркофаговъ до глиняныхъ лампъ и стеклянныхъ сосудовъ, до самыхъ ничтожныхъ повидимому вещей найденныхъ въ гробахъ, достойны подробнаго изученія. Подобно тому какъ въ Помпѣи мы возстановляемъ нравы и понятія Римлянъ по произведеніямъ ихъ искусства, по тѣмъ предметамъ, на которыхъ, можно сказать, еще теплы слѣды ихъ жизни, — точно также въ римскихъ катакомбахъ — христіанской подземной Помпѣи — первобыт-

ное христианское общество воскресает для насъ въ своихъ памятникахъ.

Въ устройствѣ и расположеніи этихъ кладбищъ, въ искусствѣ первыхъ послѣдователей новаго вѣрованія, въ манерѣ выраженія чувствъ и религиозныхъ идей, въ украшеніяхъ и надписяхъ гробницъ, въ вызваніяхъ начерченныхъ на стѣнахъ, въ малѣйшей чертѣ или знагѣ оставленныхъ ими въ этихъ подземельяхъ, которыя были имъ такъ дороги, проявляется характеръ ихъ вѣрованія, надеждъ и стремленій, открываются самыя современныя стороны, самыя душевные особенности ихъ необыкновеннаго нравственнаго состоянія.

Памятники катакомбъ можетъ быть очень мало удовлетворяютъ нашъ эстетическій вкусъ, но исторія искусства касается художественнаго достоинства произведенія лишь на столько, на сколько это можетъ опредѣлить его характеръ и объяснить условія, подъ вліяніемъ которыхъ оно создано. Одна эстетическая оцѣнка уважаетъ намъ красоту памятника, такъ какъ мы ее понимаемъ, или отсутствіе ея, но не всегда опредѣлнть его историческое значеніе, и не всегда способна увидѣть въ немъ выраженіе склада понятій современнаго ему общества. Въ красотѣ произведенія искусства однако, точно также какъ и въ его уродливости, которую эстетическая критика осудитъ, не входя въ ея дальнѣйшій разборъ и разсмотрѣніе, проявляется часть народнаго характера. Прекрасныя греческія статуи на столько-же объясняютъ намъ жизнь и вкусъ древнихъ Грековъ, на сколько безжизненная, противостественная и часто безобразныя фигуры египетскаго искусства разоблачаютъ намъ нравственное положеніе общества во времена фараоновъ; самыя упадокъ искусствъ является такимъ-же вѣрнымъ помощникомъ опредѣленія моральнаго состоянія народа, какъ и высшая стѣпень процвѣтанія ихъ.

Потому-то произведенія превосходныя въ эстетическомъ отношеніи такъ же важны для исторіи искусства, какъ и тѣ, которыя не выдерживаютъ никакой художественной критики. Эстетическая оцѣнка дѣлается такимъ образомъ отраслью исторіи искусства, вовсе не ея главною цѣлью.

Вообще одно отвлеченное, безусловное опредѣленіе законовъ прекраснаго едвали можетъ привести къ какому нибудь результату. Каждый народъ создаетъ себѣ свой идеалъ прекраснаго согласно со своими мыслительными способностями, нравственнымъ состояніемъ и подъ вліяніемъ тѣхъ условій, которыя даютъ направленіе, формируютъ его жизнь, его

развитіе, и не преувеличивая можно сказать, что сколько было народовъ на землѣ, сколько образованій, столько же различныхъ понятій, или по крайней мѣрѣ оттѣнковъ въ понятіи о прекрасномъ. Конечно между этими различными идеалами прекраснаго есть степени.—одни ближе стоятъ къ нашимъ понятіямъ, другіе дальше; одни выражаютъ больше общечеловѣческихъ разумныхъ началъ, другіе меньше; прекрасное одного народа болѣе удовлетворяетъ нашимъ стремленіямъ, болѣе нравится намъ, чѣмъ прекрасное другаго народа; но какъ бы близко оно не подходило къ складу нашихъ идей, въ немъ мы все-таки не найдемъ выраженія всѣхъ оттѣнковъ, всѣхъ особенностей чувствъ и мысли, которыя мы, сообразно съ нашею натурой и нашими понятіями, ищемъ въ своемъ идеалѣ прекраснаго. Мы постоянно будемъ удивляться красотѣ произведеній классическаго искусства. Всѣ благородныя способности человѣка, все разумное его природы никогда не развивалось съ такой гармонической полнотой, никогда не достигало такихъ богатыхъ результатовъ и никогда не выражалось въ болѣе прекрасной формѣ, какъ въ древней Греціи. Пока на землѣ будетъ существовать хотя одинъ образованный человѣкъ, изученіе всего, что оставили послѣ себя Греки, что выработали они для жизни, не можетъ прекратиться. Но выражаетъ ли прекраснострой и разумно-холодный классическій идеалъ искусства всѣ наши идеи, всѣ наши чувства и стремленія, отвѣчаетъ ли онъ вполне всѣмъ требованіямъ нашей нравственной природы?... Я не думаю, чтобы можно было отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ. Новые принципы вошли въ жизнь со времени греческихъ республикъ, горизонтъ знаній расширился, многія понятія измѣнились, новые элементы вошли въ нашъ моральный міръ, и нашъ взглядъ на прекрасное и на нравственное получили другое направленіе. Да и едвали мы можемъ теперь вполне понимать, классическое прекрасное, и извѣстно ли оно намъ по лучшимъ его образцамъ. Посредствомъ изученія мы поддѣлываемся подъ складъ понятій древнихъ Грековъ, приближаемся къ нему, но чувствовать и думать какъ они, намъ не возможно. Мы догадываемся, что они ощущали при видѣ изображеній своихъ боговъ и героев; во тысячи тонкостей, тысячи оттѣнковъ ихъ пониманія, ихъ оцѣнки ускользаютъ отъ насъ, и остаются намъ неизвѣстны. Одна часть ихъ идеаловъ для насъ умерла.

Потому-то такъ холодны, такъ безжизненны кажутся намъ произведенія искусствъ нашего времени, сюжеты которыхъ взяты изъ греческой мифологіи. Все, что художники могутъ теперь выразить, изображая гре-

ческих боговъ, будетъ столько же пусто, столько же безцвѣтно для насъ, сколько и далеко отъ понятий древнихъ Грековъ. Мы проходимъ равнодушно мимо подобныхъ картинъ и статуй и принимаемъ живѣйшій интересъ въ тѣхъ созданіяхъ современныхъ мастеровъ, которыя выражаютъ мысли, стремленія и наклонности нашего общества, нашего времени.

Но если нельзя себѣ представить существованіе одного прекраснаго на всѣ вѣка, народы и образованія, и постановить ему безусловные законы, то по различнымъ понятіямъ о прекрасномъ и по памятникамъ искусства, въ которыхъ это всего живѣе и ощутительнѣе выражено, дѣлается возможнымъ возстановить характеръ народа, опредѣлить степень его развитія, указать на его самобытныя силы и на вліяніе на него образованія другихъ народовъ.

Искусства идутъ неразрывно съ умственнымъ движеніемъ жизни общества и выражаютъ съ большею полнотою, чѣмъ другія проявленія его дѣятельности, всѣ особенности его характера и подробности его жизни. Сооруженіе монумента, постройка храма, собора, амфитеатра могутъ иногда дать болѣе опредѣленное, болѣе ясное понятіе о нравственномъ развитіи народа, о складѣ его идей, о его способностяхъ, стремленіяхъ и творческихъ силахъ, чѣмъ его войны и завоеванія. Потому-то памятники искусства, которые вообще гораздо труднѣе въ послѣдствіи измѣнить или поддѣлать съ какой бы то ни было цѣлью, чѣмъ памятники литературы, остаются самыми надежными свидѣтелями, самыми вѣрными представителями времени и общества, которое ихъ создало. Какою значительною помощію дѣлаются, напримѣръ, памятники искусства древнихъ Римлянъ для познанія и оцѣнки характера этого народа, и какъ не полно было бы наше понятіе о немъ, если бы не дошли до насъ произведенія его скульптуры, въ которыхъ чувственность и сила съ оттънкомъ суровости заглушаютъ иногда идеальную, предположенную разумности и благородства красоту искусства Грековъ, перенитую у нихъ вмѣстѣ съ ихъ культурой; если бы не сохранились развалины величественныхъ римскихъ построекъ, гдѣ самые камни плотно сплоченные, которыхъ не могли оторвать другъ отъ друга столѣтія, гдѣ каждый пиластръ, упорно стоящій, презирая невзгоды времени, гдѣ каждый сильнѣйшій взмахъ арки или свода дышатъ тою грандіозностью, тою любовью къ порядку, тѣмъ здравымъ практическимъ смысломъ и упорнымъ терпѣніемъ въ достиженіи цѣли, которыя лежали въ основаніи гражданскаго строя

этихъ великихъ завоевателей, превратившихъ весь извѣстный тогда свѣтъ въ римскую провинцію. И развѣ мы не видѣли, какъ въ послѣднее время эпохи доисторическаго дѣлались историческими, какъ цѣлые народы съ ихъ иногда богатымъ и разностороннимъ образованіемъ, давно погибшіе, какъ казалосъ безъ слѣда, отъ которыхъ до насъ не дошло ни одного живаго слова, снова воспресли, снова явились на свѣтъ со своими релігіозными идеями, со своими правами и социальными началами, со всѣми подробностями ихъ жизни, послѣ открытія памятниковъ ихъ искусства, или только обломковъ и остатковъ этихъ памятниковъ.

Исторія искусства, важность которой въ этомъ отношеніи была оцѣнена только въ послѣднее время, имѣетъ слѣдовательно главную цѣлью разъясненіе, обогащеніе и, при скудости или отсутствіи другихъ источниковъ, созданіе исторіи нравственнаго и умственнаго развитія извѣстнаго народа, общества, среды по памятникамъ ихъ искусства; она разсматриваетъ потому произведенія скульптуры, живописи, архитектуры не со стороны ихъ художественнаго достоинства, а по значительности характера эпохи, выраженнаго въ нихъ, и по болѣе или менѣе полному его представленію. Такъ напримѣръ, образъ Богородицы IV-го столѣтія (фреска въ катакомбахъ св. Агнии въ Римѣ), въ которомъ замѣтно начинается выражаться складъ релігіозныхъ понятий восточныхъ народовъ и элементъ идей Востока въ Римѣ христіанскомъ, первый шагъ преобразованія классическаго христіанскаго искусства въ стиль византійскій, для исторіи искусства имѣетъ столько же значенія, сколько и любая изъ Мадоннъ Рафаэля, не смотря на то, что въ художественномъ достоинствѣ ихъ, какъ легко себѣ можно представить, неизмѣримая разница. Равнообразно многія фрески и скульптурныя работы, оставленныя христіанами въ катакомбахъ, не выдерживаютъ художественной критики; онѣ исполнены по большей части неискусною рукою посредственнаго мастера; но не взирая на это, для насъ онѣ столько же важны, сколько и современные имъ произведенія римскаго языческаго искусства, которыя создавались не въ нѣдрахъ земли, а при свѣтѣ солнца, хотя послѣднія обыкновенно представляютъ красивыя формы и отличаются своею оконченностью, тогда какъ о первыхъ нельзя сказать того же самаго.

Но въ художественной нищетѣ первыхъ христіанъ, въ ихъ робкихъ и неискусныхъ попыткахъ выразить новое чувство, новое вѣрованіе старыми формами видишь слѣды тайной работы перерожденія общества,

видишь всё особенности нравственного состоянія этой необыкновенной эпохи, которая по своему значенію, по своимъ послѣдствіямъ едва ли имѣетъ себѣ подобную въ извѣстной намъ исторіи рода человѣческаго.

Но не взирая на свои несовершенства, работы художниковъ катакомбъ обладаютъ своего рода красотой и подобно тому, какъ произведенія первыхъ итальянскихъ мастеровъ періода возрожденія, не смотря на ихъ техническія погрѣшности, на неправильность рисунка, на отсутствіе перспективы, нравятся намъ своею искренностію, своею безыскусственною наивною и болѣе трогаятъ насъ, чѣмъ блистательная по колориту, по побѣжденнымъ трудностямъ рисунка и освѣщенія, но холодная, напыщенная и пустая по содержанию картины мастеровъ эпохи упадка искусства въ Италиі. Точно также памятники первыхъ временъ христіанскаго искусства иногда неудовлетворительные по формѣ, но вдохновенныя и глубоко прочувствованныя имѣютъ для насъ невыразимую прелесть.

Мы постоянно будемъ встрѣчать элементы римскаго языческаго искусства въ памятникахъ катакомбъ, и періодъ классическаго продолжается въ христіанскомъ искусствѣ до Константина. Въ эти три столѣтія въ немъ проявляется постепенный упадокъ. Исполненіе дѣлается менѣ тщательно, менѣ правильно, фигуры теряютъ выраженіе, жизнь и принимаютъ условное положеніе. Но въ четвертомъ столѣтіи христіанское искусство въ Римѣ и уже въ катакомбахъ начинаетъ измѣняться подъ вліяніемъ элементовъ до тѣхъ поръ совершенно чуждыхъ ему. Съ небрежностію въ исполненіи, съ постепенно возрастающею безжизненностію фигуръ и неузмѣнимъ представлять ихъ, соединяется и измѣненіе въ самой натурѣ религиозныхъ изображеній, въ пониманіи ихъ характера, измѣненіе въ идеяхъ и чувствахъ, которыя имъ придаютъ, и которыя стараются выразить, представляя ихъ. Не трудно замѣтить, что эта перемена происходитъ подъ вліяніемъ религиозныхъ идей и понятій о Божествѣ восточныхъ народовъ, равно какъ и элементовъ ихъ искусства. Тутъ необходимо сдѣлать слѣдующее поясненіе.

Коренное различіе въ пониманіи божества, и слѣдовательно въ образѣ представленія его фигуративно, постоянно существовало до христіанства между Востокомъ и Греціей или, лучше сказать, между греко-римскимъ міромъ съ одной стороны и симитическими народами съ другой; развитіе послѣднихъ основывалось на совершенно другихъ началахъ и шло изъ иныхъ источниковъ. Боги эллинической міеологіи заимствуютъ многое изъ природы человѣка, стоятъ ближе къ смертнымъ, болѣе способны по-

нимать ихъ и быть постигнуты ими, въ идею о нихъ входитъ больше философскихъ началъ; вообще они не такъ страшны для людей и не такъ произвольны съ ними, какъ божества Востока симитическаго и Египта. Различіе это могутъ объяснить слѣдующія причины.

Одно изъ главныхъ условий, подъ вліяніемъ которыхъ составлялись и послѣдствіемъ преобразовывались вѣрованія древняго міра, это—дѣйствіе климата, видъ и феномены окружающей природы, въ которыхъ богъ первобытнаго человѣка проявляется ему; и если филологія доказываетъ намъ, что божества многихъ міеологіей не что иное, какъ олицетвореніе явленной природы, то самое свойство послѣднихъ благоприятныхъ или враждебныхъ человѣку, большая или меньшая сила, съ которой она поражаетъ его разумъ и дѣйствуютъ на его чувство, опредѣляютъ характеръ самаго божества и обуславливаютъ понятіе составляющагося о немъ. Все необъяснимое для человѣка, котораго умъ невооруженъ знаніями и наукой, имѣетъ чудесный характеръ, такъ напримѣръ сдвиганіеся времена года, появленіе свѣта (восходъ солнца) и наступленіе тмы (ночи), жаръ и холодъ облечены въ божественные образы, враждующіе между собою почти во всѣхъ религіяхъ античнаго міра. Физическія явленія лежатъ потому въ основаніи міеологическихъ идей, а послѣднія составляются согласно впечатлѣнію производимому на человѣка феноменами природы. Слѣды этого вліянія не трудно найти во всѣхъ религіяхъ древнихъ народовъ, и оно не теряетъ своей силы при ихъ дальнѣйшемъ развитіи. Языческіе боги мѣняли въ главныхъ чертахъ свой характеръ и свои атрибуты, при дѣйствіи новыхъ климатическихъ условий, въ слѣдствіе переселеній тѣхъ людей, которые имъ поклонялись.

Умственные способности каждаго племени и ихъ особенное направленіе являлись также главными дѣятелями въ составленіи вѣрованій и опредѣляли характеръ переѣмъ, совершавшихся въ послѣднихъ съ теченіемъ времени при движеніи жизни, образованія и при дѣйствіи постороннихъ вліаній. Одинъ и тотъ же феноменъ природы, одно и то-же явленіе изъ моральнаго или матеріальнаго міра, поражая людей разныхъ племенъ, различнаго склада ума и свойствъ языка, одаренныхъ не въ одной степени способностію къ умственному соображенію, къ философскому размысленію, вызывали разнѣе разные результаты. Безъ сомнѣнія много другихъ причинъ участвовало въ форманціи античныхъ поклоненій, но нельзя не согласиться, что сумма впечатлѣній окружающей природы, вѣшняго міра, и складъ мыслительныхъ способностей человѣка, его спекулатив-

ния силы главным образом определяют характер его религиозных идей, которая постоянно имѣют такое значительное вліяніе на направленіе моральнаго развитія, на гражданскій строй и на социальную жизнь общества.

Природа сѣверныхъ береговъ Средиземнаго моря, преимущественно Греціи и южной Италиі, т. е. тѣхъ странъ, гдѣ при исключительно благоприятныхъ климатическихъ условіяхъ и столько-же необыкновенной даровитости племени, населявшаго ихъ, развивалась и процвѣтала классическая культура, прекрасная природа эта, богатая изысканными формами, разнообразіемъ и нѣжными оттѣнками колоритовъ, проявленія которой почти постоянно умѣренны и преисполнены гармоніи, рѣдко страшатъ и пугаютъ человѣка, должна была возбуждать въ немъ свѣтлое понятіе о божествѣ, благосклонно расположенномъ къ смертнымъ, заставляла его весело смотрѣть на небо, освобождала его мысль, вызывала его энергію и самостоятельность, создавала въ воображеніи людей бога красивыхъ формъ, близкаго имъ, щедро расточителя земныхъ благъ побуждала ихъ видѣть въ каждомъ своемъ проявленіи, въ своихъ пластическихъ формахъ такъ легко поддающихся, вызывающихъ на олицетвореніе, божественные образы. Этими свойствами, этими атрибутами обладаютъ боги классической міеологіи съ человѣческими прекрасными формами, сущность которыхъ постигается разумомъ людей, раздѣляющіе страсти и слабости смертныхъ, иногда грозные въ свѣдѣствіе дерзости и безрасудства послѣднихъ, но не постоянно ужасающіе, не постоянно пригибающіе ихъ къ землѣ. Если мы и встрѣчаемъ у древнихъ Грековъ мнѣе удаляющіеся отъ этого характера, — то это раннее вліяніе симетическаго Востока и Египта, или можетъ быть наслѣдствіе прежнихъ поколеній, составившихся въ Греціи во времена переселеній, послѣ оставленія центральной Азіи, общей колыбели всѣхъ арійскихъ народовъ, скоро сглаживается, пропадаетъ и такъ сказать остается побѣжденнымъ болѣе гуманными принципами, болѣе человѣческими образами міеологіи, развившейся на эллинической почвѣ.

Напротивъ природа Востока симетическаго, Египта, Индіи, представляла человѣку однообразныя, безжизненныя пустыни, или высокія горы, широкія рѣки, поражая его разсудокъ своими громадными размѣрами или своимъ монотоннымъ видомъ, всепоглощающе растительностію или загадочнымъ періодическимъ возвращеніемъ явленій, ужасая его силою своихъ феноменовъ, часто принимающихъ характеръ катаклизмовъ, без-

престанно повторяющимися наводненіями, засухами, ураганами или страшнымъ зноемъ, должна была пригибать смертнаго къ землѣ, убивать его силы, заставляя его смотрѣть на жизнь какъ на испытаніе и считать счастьемъ освобожденіе отъ нея, жаждать уничтоженія; или представляла ему божество какъ власть неумолимую, произвольную по преимуществу, часто губительную для людей, какъ существо строгое, грозное, загадочное, таинственное, не имѣющее ничего общаго съ человѣкомъ, не допускающее соперничества, требующее великихъ жертвованій со стороны людей, раздѣленное отъ нихъ непроницаемою далью, какъ силу невидимую, всеобъемлющую, всепоглощающую, абстрактную, образъ которой нельзя ни вообразить себѣ, ни представить, въ сущности которой пропадаетъ, уничтожается человѣкъ. Съ такимъ характеромъ является божество въ воображеніи Вигитанъ, Симитовъ, которые отличаются отъ племенъ арійскихъ инымъ складомъ ума, иными свойствами языка, инымъ направленіемъ нравственнаго развитія и иными основаніями гражданскаго устройства. Подобной-же натурой обладали иногда боги древнихъ Индійцевъ, особенно что касается религіи Брами въ дальнѣйшемъ ея развитіи, чему не мало способствовали климатическія вліянія необыкновенной силы.

Спекулятивная способность двухъ древнихъ народовъ, Индійцевъ и Персовъ, очень близкихъ между собою по происхожденію и характеру, были постоянно направлены на составленіе метафизическихъ религиозныхъ системъ, которая иногда, особенно въ минуту первоначальнаго ихъ развитія, приводилъ къ очень возвышенному и идеальному понятію о божествѣ, приближаясь въ свѣтлымъ религиознымъ идеямъ праотцевъ всѣхъ Индо-Европейскихъ племенъ, когда они жили нераздѣльно въ центральной Азіи. Религіи Зороастра и Буды во многихъ отношеніяхъ стоятъ выше греко-римскаго политеизма; но отличительной чертой культуры древнихъ Грековъ было проявленіе въ каждомъ движеніи нравственной жизни, въ каждомъ дѣйствиіи этого народа философскихъ идей вытекавшихъ не изъ религиозныхъ понятій, а изъ свободныхъ выводовъ человѣческаго разума, основанныхъ на наблюденіи и анализѣ. Можно сказать, что мораль эллиническаго міра была менѣе результатомъ религиозныхъ стремленій, чѣмъ философскихъ идей. Боги греческаго политеизма являлись иногда передъ судомъ смертныхъ, но если божество у древнихъ Грековъ не стояло на той высотѣ, какъ въ нѣкоторыхъ религіяхъ Персовъ и Индійцевъ, то человѣкъ стоялъ выше.

Точно такое-же различіе, какъ и въ религиозныхъ идеяхъ, постоянно существовало въ мірѣ античномъ, въ слѣдствіе тѣхъ-же причинъ, въ общемъ пониманіи прекраснаго и высокаго, между тѣми народами, тѣми центрами образованія, которые мы обозначили выше. На Востокѣ симетическомъ, въ Индіи, Египтѣ, въ области искусства никогда не могли представить красоту безъ преобладающаго чувственнаго, слабаго, извѣжнаго характера; сильное и энергическое, не прибѣгая къ неестественному, тяжелому, массивному; величественное, не создавая неподвижнаго, громаднаго, напыщеннаго; граціозное, не впадавъ въ манерное, переукрашенное. Характеръ божества при его изображеніи въ искусствѣ народовъ этихъ странъ не передавался моральнымъ образомъ, проявленіемъ его мудрости и силы въ разумномъ выраженіи красиваго лица и въ прекрасныхъ формахъ человѣческаго тѣла во всей благородной простотѣ ихъ, какъ въ классическомъ искусствѣ, а выражался болѣе матеріальнымъ способомъ, прибѣгая къ ненатуральнымъ, ужасающимъ фигурамъ, къ колоссальнымъ размѣрамъ, умножая человѣческіе члены, какъ напримѣръ руки для представленія силы, глаза для выраженія всевидѣнія, или соединяя еще болѣе противуестественнымъ образомъ людскіе и звѣриные члены для изображенія сверхчеловѣческой хитрости, прозорливости, могущества и т. д.

Произведеніе искусства въ хорошее его время въ Греціи выражало гармоніей размѣровъ и извѣсными формами оживлявшую его идею; напротивъ въ классическаго міра у древнихъ народовъ богатство украшеній и самаго вещества, роскошная вышность придавала моральное значеніе художественному созданію, а артистическое достоинство его опредѣлялось дороговизной матеріала, техническою трудностію обработыванія его, препятствіями побужденными при этомъ, или рабскимъ подражаніемъ природѣ, повтореніемъ каждой ея мелочи, всего, что она представляетъ второстепеннаго и незначительнаго; тогда какъ тѣло человѣческое часто уродовали, давая ему положенія, при которыхъ жизнь невозможна.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ первую минуту своего проявленія искусство въ Греціи имѣло нѣсколько восточный характеръ, но при самостоятельномъ развитіи оно скоро отъ него удалилось. неподвижныя фигуры, условныя позы, стереотипическія лица оживляются и вдохновляются подругою греческихъ мастеровъ. Будучи отброшены въ хорошее время классическаго художества, элементы искусства симетическихъ народовъ стояли, такъ сказать, у дверей странъ эллинической культуры и выража-

лись въ послѣднихъ при пониженіи артистическаго вкуса, обозначая этотъ упадокъ своимъ появленіемъ. Если мы разберемъ свойства, особенности, лишившія искусство Греціи чистоты и благородства и опредѣлившія его упадокъ, то не трудно будетъ увидѣть въ той извѣженности, чувственности, въ томъ стремленіи производить громадные образы, предпочитая массы красотѣ формъ и гармоніи линий, той наклонности къ пестротѣ, къ богатымъ украшениямъ и матеріалу, которая начинаютъ обозначаться въ эллиническомъ художествѣ со времени Александра Великаго, — элементы постоянно преобладавшіе въ искусствѣ народовъ Востока симетическаго и Египта.

Мы находимъ колоссальныя фигуры, употребленіе красокъ, разноцвѣтнаго дорогаго матеріала въ скульптурѣ почти постоянно во все періоды греческаго искусства, однако меньше въ цвѣтущую его эпоху. Но есть различіе между той легкой раскрашеною барельефовъ и статуй, къ которой иногда прибѣгали художники Греціи, есть также различіе между изображеніемъ боговъ больше натуральной величины человѣка, изъ золота и слоновой кости, обыкновенно по всей вѣрности перенятое Греками въ очень раннюю пору у народовъ Востока, и тою склонностію къ колоссальнымъ фигурамъ безъ соответствующаго выраженія моральной силы, къ украшениямъ перешитымъ, къ дорогимъ прикрасамъ, къ пестротѣ и къ богатому матеріалу, которая проявляется въ классическомъ искусствѣ при его упадкѣ. Однажды принятое обыкновеніе представлять высшія существа въ сверхъестественныхъ размѣрахъ изъ золота и слоновой кости продолжалось по традиціи; его нельзя было измѣнить изъ уваженія къ богамъ, — только въ этомъ случаѣ и то не постоянно употребляли эти драгоценныя матеріалы; людей изображали изъ мрамора и бронзы. Первый человѣкъ, котораго въ эллиническомъ искусствѣ начали изображать изъ золота и слоновой кости, придавая ему видъ и атрибуты божества, былъ Александръ Великій; и это обоготвореніе челоѣка имѣть вполнѣ восточный характеръ, не согласный съ идеями классическаго міра, въ которомъ скорѣе оцеловѣчивали бога.

Все это можно сказать не только про одно искусство. Элементы симетической цивилизаціи, идей, обычаевъ проявляются въ древнемъ мірѣ въ культурѣ и жизни арійскихъ народовъ, которые входили въ сношенія съ Симидами, преимущественно въ минуту ранней юности или старчества первыхъ, и почти всегда дѣйствовали не въ пользу нравственности и свободы арійскаго общества. Это уже произошло съ древними

Персами, когда они в слѣдствіе завоеваній сблизились съ симетическими племенами, наследовавъ имъ во владѣствѣхъ надъ западной Азіей. Подъ этимъ вліяніемъ національное вѣрованіе Персовъ утрачиваетъ свой возвышенный характеръ, (что дѣлается особенно замѣтно въ эпоху Сасанидовъ), нравы — свою первобытную чистоту, власть одного замѣняетъ личную самостоятельность каждаго, полигамія — моногамію и т. д. Неоспоримо также, что встрѣчаются въ очень раннія времена слѣды вліяній вышедшихъ изъ симетическихъ центровъ въ міеологію и гражданскія учрежденія древнихъ Грековъ, народа болѣе юного, чѣмъ симетическія племена. Но эти чуждыя начала были отброшены, удалены на второй планъ, или преобразовались при первыхъ шагахъ самостоятельнаго развитія эллинической жизни и культуры, представлявшей какъ нельзя болѣе совершенный и возвышенный типъ арійской цивилизаціи во всей ея чистотѣ безъ примѣси чуждыхъ элементовъ, типъ, который съ тѣхъ поръ едва ли еще разъ повторился.

Снова элементы Востока проявляются въ Греціи при первыхъ признакахъ разложенія общества и уже дѣйствуютъ неблагоприятно на послѣднее. Известно, до какой степени въ вѣка, предшествовавшіе паденію эллиническаго міра, чуждыя ему обычай, понятія и религіозныя идеи навондрили его, измѣнивъ даже характеръ грескихъ боговъ, придавъ имъ свойства и качества, которыхъ они не имѣли прежде, что заставляеть иногда при поверхностномъ знаніи классической міеологіи судить о нихъ чрезвычайно ошибочно. Завоеванія Александра Македонскаго и особенно его политика, главная цѣль которой было облагиченіе, или лучше сказать сплавленіе уже сильно осмигитизированныхъ Персовъ съ Греціей, имѣли результатомъ не столько эллинизацию Востока, сколько навондненіе Греціи восточными нравами и понятіями.

Строгий и правильный гражданскій строй Рима республиканскаго, въ тѣсной связи съ которымъ находились его религіозныя учрежденія, его оффіціальное поклоненіе, удерживавъ нѣкоторое время наплывъ восточныхъ идей и суевѣрій, но послѣднія не замедлили одолѣть эти препятствія. Сблагиченіе съ Востокомъ вслѣдствіе его покоренія оказалось пагубнымъ и для общества античнаго Рима; его социальное устройство, его вѣрованіе, его искусство окончили свое существованіе, навондненные элементами Востока. Пересаженное на римскую почву эллиническое искусство получило нѣсколько матеріальный отгнѣнокъ и приняло не столь возвышенный характеръ; въ послѣдніе дни своей жизни оно далеко удали-

лось отъ тѣхъ идеаловъ, которое стремилось осуществить въ свою цвѣтущую эпоху.

Приблизительно то же самое, разумѣется съ извѣстными ограниченіями, произошло въ области христіанскаго художества; но если въ религіозныхъ идеяхъ западныхъ и восточныхъ христіанъ опредѣлились и развились въ искусствѣ тѣ различныя понятія о характерѣ божества, составившіяся прежде среди народовъ арійскихъ и симетическихъ, то безъ сомнѣнія обозначилось въ новой вѣрѣ только то, что непротиворѣчить ея принципамъ, что совмѣстно съ христіанскимъ ученіемъ, которое вообще столь отлично отъ прежнихъ религій. Я еще разъ повторяю, что если въ произведеніяхъ художниковъ катакомбъ, равно какъ и въ искусствѣ восточныхъ христіанъ, просвѣчиваютъ идеи и элементы, преобладавшія до тѣхъ поръ въ мірѣ классическомъ и симетическомъ, то это дѣлается въ христіанскихъ предѣлахъ, нисколько не уменьшая религіознаго значенія тѣхъ или другихъ изображеній. Нельзя сказать, что первая имѣють болѣе христіанскій характеръ, чѣмъ вторыя, и на оборотъ, но въ каждомъ изъ нихъ выражены и развиты тѣ догматы и идеи вѣры Спасителя, которыя были болѣе понятны, встрѣчались болѣе сочувствія въ томъ обществѣ, и соответствовали больше натурѣ того народа, среди котораго она распространялась.

Въ катакомбахъ мы постоянно встрѣчаемъ элементы римскаго языческаго искусства; иначе и быть не можетъ, — первые христіане въ Римѣ по своимъ художественнымъ инстинктамъ, по своей природѣ, по складу своихъ понятій, по своему моральному развитію принадлежали къ міру классическому; притомъ религіи не могутъ рождаться съ готовой формой выраженія своихъ идей; изображенія ихъ принимаютъ формы уже существовавшія прежде, а послѣднія мѣняютъ въ извѣстной степени нѣкоторыя стороны своего характера подъ вліяніемъ новыхъ принциповъ явившейся религіи. Когда христіане Рима, повинувшись влеченію врожденному вообще жителямъ южныхъ странъ Европы къ фигуративнымъ изображеніямъ, которое не пропадаетъ у нихъ съ переменною вѣрованію, хотѣли украшать свои гробницы представленіемъ христіанскихъ символовъ и священныихъ событій, гдѣ могли они заимствовать формы для этого, какъ не въ средномъ имъ классическомъ художествѣ? Не удивительно потому, что въ живописи и скульптурѣ катакомбъ преобладаетъ та-же любовь къ природѣ, къ жизни, та-же наклонность къ украшеніямъ живаго, веселаго, игриваго характера, заимство-

ванньмъ изъ цвѣтущей южной природы, то-же понятие объ изящномъ и прекрасномъ, какъ и въ классическомъ искусствѣ. Справедливо, что многія изъ тѣхъ понятій и чувствъ, которыя представляли или желали представить первые христіане въ своихъ фрескахъ и барельефахъ, были совершенно новы. Ученіе Спасителя внесло въ языческой міръ принципы и идеи до тѣхъ поръ чуждые ему, они выражаются и преобладаютъ въ христіанскомъ искусствѣ, одушевляя его особеннымъ образомъ, придавая ему особенный характеръ. Можно сказать, что въ классическихкихъ формахъ у христіанъ этого времени свѣтятся иногда чувства незнакомаго обществу Рима античнаго. Эти группы мужчинъ и женщинъ написанные на стѣнахъ катакомбъ, съ поднятыми руками, въ положеніи молящихся, проникнутые необыкновенной вѣрой и преисполненные таинственного ожиданія, эти трогательные милосердые пастыри, пастухи, несущіе ягненка на плечахъ, (первоначальное изображение Спасителя), эти изображенія Богородицы, любящая матери съ ребенкомъ у груди или на рукахъ, эти вдохновленные пророки возвѣщающіе волю Бога и исполняющіе его повелѣнія, всѣ эти изображенія, хотя и сродныя міру классическому, одушевлены незнакомыми до того времени теплыми и нѣжными чувствами новаго вѣрованія. Христіанскія идеи несутся въ прекрасной, но холодной классической оболочкѣ и, если можно такъ выразиться, разрываютъ ее.

При всемъ этомъ однако нельзя незамѣтить, что въ христіанскомъ идеалѣ римскіе христіане увидѣли и развили преимущественно тѣ стороны, которыя были болѣе согласны съ стремленіями ихъ души, болѣе въ гармоніи съ ихъ нравственной натурой. Это проявляется не только въ одномъ перенесеніи формъ стараго искусства въ новое, но и въ задушевномъ характерѣ религиозныхъ изображеній, въ выборѣ сюжетовъ ихъ и въ манерѣ представлять божественныя лица.

Спаситель изображенъ въ катакомбахъ то молодымъ пастыремъ, добрымъ и милостивымъ, въ пастушеской одеждѣ, во всей классической простотѣ, среди прекрасной природы, цвѣтущихъ деревьевъ, зеленыхъ луговъ, свѣтлыхъ источниковъ, несущій на плечахъ заблудшую овцу; то Орфеемъ играющимъ на лирѣ и окруженнымъ звѣрьми, которыхъ онъ привлекаетъ къ себѣ, укрощая ихъ свирѣзью своимъ гармоническимъ пѣніемъ; то красивымъ юношею, задранированнымъ въ тогу, съ сверткомъ пергамента въ рукѣ, какъ законодатель; это образъ идеальный,

но близкій къ человѣку, взятый изъ окружающей природы, болѣе созданіе заимствованное изъ жизни, чѣмъ идея абстрактная и явленіе удаленное, небесное.

Богородица представлена въ катакомбахъ римскою матроною, любящею матерью, съ ребенкомъ у груди или на рукахъ; другія религиозныя изображенія подземнаго христіанскаго Рима имѣютъ тотъ-же характеръ.

Каково было искусство христіанъ при его появленія на Востокѣ эллиническомъ, равно какъ и на Востокѣ симетическомъ, сказать положительно пока трудно. *) Произведенія христіанскаго художества этихъ странъ, дошедшія до насъ и время созданія которыхъ можно опредѣлить, принадлежатъ не къ первымъ вѣкамъ распространенія новой вѣры, а къ четвертому, пятому, шестому и послѣдующимъ столѣтіямъ. Но въ Греціи, въ Малой Азійи, въ Сиріи, въ Египтѣ до Константина у христіанъ безъ сомнѣнія было фигуративное искусство. Это видно между прочимъ изъ слѣдующаго: многіе писатели церкви говорятъ о символическихъ изображеніяхъ, употребляемыхъ восточными христіанами еще до торжества церкви; притомъ по памятникамъ христіанскаго искусства Востока болѣе позднихъ вѣковъ можно заключить, что оно уже сформировалось прежде, имѣло предшествующее развитіе и потому должно было существовать раньше. **)

*) Созданія христіанскаго искусства первыхъ трехъ вѣковъ, открытыя до сихъ поръ, находятся, особенно что касается живописи, почти исключительно въ рисовкахъ катакомбахъ. Надписи, саркофаги и другія христіанскія памятники втораго вѣка, третьяго, но болѣе четвертаго и послѣдующихъ, сохранились также въ остальной Италіи, въ южной Франціи, въ Испаніи, въ Малой Азійи и въ северной Африкѣ. Въ послѣдней изъ этихъ странъ открыты разнаго рода церкви, построенныя какъ предположительно—до Диоклетиана.

**) Слѣдуетъ однако не упускать изъ вида, что искусство первыхъ Христіанъ, могло принять нѣкоторое развитіе только тамъ, гдѣ были катакомбы: въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ грунтъ земли не позволялъ выкапывать ихъ, гдѣ потому религиозныя изображенія не были скрыты отъ глазъ язычниковъ, тамъ христіане должны были ограничиваться символическими знаками, болѣе или менѣе тайнаго значенія. Катакомбы Востока, напримеръ Антиохіи, вѣроятно были украшены живописью. Изображеніе добраго пастыря совершенно подобно тѣмъ, которое видѣтъ въ Римѣ, наши въ Каренандѣ въ погребальныхъ пещерахъ. Около города Александріи въ Египтѣ открыты христіанскія катакомбы и въ нихъ фрески, по мнѣнію G. B. de Rossi, на чала четвертаго столѣтія, и можетъ быть даже раньше, но частію реставрированными въ вѣстоки. На Кавказѣ и въ Крыму также открыли болѣе vollständig христіанскія пещеры и подземныхъ комнатъ, иногда расписанныхъ стѣною живописью, выложенныхъ гробницами и надписями, и хотя вѣтъ достаточно основаній отнести

В Греции и в тех странах Востока, где в большей или в меньшей чистоте своей отразилось классическое искусство, религиозные изображения Христиан вранто немногим отличались от тех, которые мы видим в катакомбах Рима. Если в Италии, стране классического искусства, христианское искусство приняло его направление, то в Греции, где первое проявилось и развилось, второе при своем появлении должно было получить тот же классический характер.

Но также не без основания можно предположить, что христианское искусство среди народов Востока симетического уже заключало в себя те начала, те элементы, которые вошли в состав, из которых впоследствии образовался особенный стиль искусства, сохранившийся до наших дней во многих странах и преобладавший в несколько столетий во всем христианском мире; я говорю о стиле византийском, который сформировался в следствии нового обилия греко-римского мира с Востоком симетическим, на их границах. Памятники его начинают появляться вскорд послд перенесения столицы Империи Константином в Византию; в них соединились и дошли до полного своего выражения формы, внешность классического искусства вместе с восточными идеями о Божестве. Христиане Востока подобно западным заимствовали стороны идеала христианского, которые были больше в характере их моральной натуры и религиозных мечтаний и изобразили эти особенности в искусстве по своему понятию о прекрасном. Подъ этимъ видениемъ создались колоссальные и грандиозные образы Христа, Богородицы и Святыхъ представленные мозаикой въ абсидахъ, въ куполахъ и на стѣ-

происхождение самых древних между ними во временах гонений, однако некоторые из них должны принадлежать к первым столетиям торжества церкви. В Константинополе найден в 1870-м году небольшая статуя (52 сантиметра вышины) из белого мрамора, изображающую доброго пастыря, по мнению С. В. de Rossi 3-го столетия. Она находится теперь в древней церкви Св. Ирины, где собран небольшой музей древностей. Все это может служить доказательством, что на Востоке у христиан было свое искусство в первые века распространения новой веры. Но нужно прибавить, что в тех странах, где жители не были законопослушны, не чувствовали влияния из опургативному искусству, где оно было запрещено законами превлихъ религій, какъ напримеръ, въ Иудей, христианское искусство не могло принять такое развитие, какъ въ Италии. Если до окончанія изданія остальныхъ частей этого труда будутъ открыты другіе памятники христианскаго искусства первыхъ вѣковъ на Востоке, то описание ихъ войдетъ въ послѣдній отдѣлъ всего сочиненія, гдѣ мы снова возвратимся къ этому предмету, и будемъ говорить о немъ съ болѣею подробностію.

нахъ византийскихъ церквей и базиликъ, преисполненные высокой торжественности, царскаго величія, на золотомъ фонѣ, или окруженные золотыми нимбами, сияющие украшениями, въ классической драпировкѣ, въ драгоценныхъ одеждахъ, внушающіе невольный страхъ и уваженіе, фигуры выразительныя, изображающія божество могущественное, удаленное отъ человѣка, недоступное ему, на которыя трудно смотрѣть равнодушно и въ которыхъ нельзя также не видѣть выраженіе идей о Божествѣ согласно понятіямъ народовъ Востока.

Въ те продолжительные вѣка, когда весь христіанскій міръ былъ погруженъ въ варварство, въ одной Византіи продолжалась художественная дѣятельность; въ ея искусствѣ сохранились христіанскіе типы и сбереглись традиціи техническаго исполненія. Величественные и колоссальныя образы византийскаго стиля, производя глубокое впечатленіе на первобытныя народы, входившіе въ сношенія съ образованнымъ тогда міромъ, и поража я ихъ воображеніе, не разъ способствовали ихъ обращенію въ христіанство, и следовательно цивилизаціи. Византийское искусство въ продолженіе свое существованіе, никогда не мѣняла своего внутренняго, задушевнаго характера, имѣло различныя фазы цвѣтущаго состоянія и упадка. Судить о немъ невозможно только по произведениямъ одной эпохи или страны, какъ напримеръ по памятникамъ сохранившихся отъ Константинополья провинцій имперіи, или по тому, что сохранилось въ Италиі отъ періода преобладанія византийскаго стиля. Точно также мнѣніе о послѣднемъ, основанное единственно на мозаикахъ и фрескахъ, оставая въ сторонѣ мелкія произведенія какъ напримеръ, миниатюры рукописей, эмали, работы изъ слоновой кости, изъ металловъ, шитье церковныхъ одѣжаній и т. д., должно привести къ ошибочнымъ выводамъ. Религиозныя изображенія византийскаго искусства значительно размѣровъ достигаютъ иногда необыкновеннаго величія и грандиозности, а въ фигурахъ встрѣчающихся на небольшихъ барельефахъ изъ слоновой кости и металловъ, на эмаляхъ и преимущественно въ книжной живописи проявляются иногда та благородная простота формъ, те преисполненные достоинства и спокойныя поэмы, та чистота и гармонія линий, особенно что касается драпировки одѣждъ, которыя напоминаютъ произведенія классическаго искусства Греціи въ его цвѣтущее время, и какъ бы указываютъ на рядъ непрерывныхъ традицій, идущихъ отъ эллинскаго искусства къ византийскому.

Понятие о Божестве и элементы искусства народов Востока обозначаются в христианских памятниках Рима, как мы уже сказали, еще в катакомбах. Первые следы их проявления уже заметны в 4-м столетии и можно предположить, что они одновременны с образованием византийского стиля. Под влиянием их, религиозные изображения римских христиан постепенно преобразовываются, меняя тип и характер. Богородица представляется величественной Царницей небесной, часто съ короной на голове, в восточном одянии, в великодушных тканях, покрытая драгоценными украшениями, в условных позах; между младенцем, который также принимает как бы официальный вид, и ею мало общего, ее материнские чувства уступают место ее представительному царственному характеру.

Спаситель из добраго пастыря также мало по малу превращается въ небеснаго владыку, царящаго въ облакахъ, въ славѣ, преисполненнаго торжества и достоинства, характера болѣе побѣдоноснаго и величественнаго, чѣмъ умирительнаго; сядущаго на богатомъ тронѣ, подобно восточному властелину, и окруженнаго ангелами какъ стражей готовой исполнять его повелѣнія. Природа, все, что приближаетъ къ жизни и къ земному существованію, пропадаетъ въ этихъ небесныхъ, внушающихъ страхъ и благоговѣніе образахъ.

Вліяніе элементовъ Востока на искусство римскихъ христіанъ идетъ постоянно возрастающае и наконецъ, когда въ Италиі гаснутъ традиціи пренянаго развитія и замѣраетъ самостоятельная жизнь, совершенно превращаетъ классическій стиль искусства катакомбъ въ стиль византийскій. Преобладаніе послѣдняго въ Римѣ, въ Италиі, во всемъ Западѣ продолжается съ рѣдкими исключеніями до возрожденія искусствъ. По памятникамъ катакомбъ, которые стали извѣстны публикѣ только въ послѣднее время, и по мозаикомъ римскихъ церквей можно прослѣдить шагъ за шагомъ это постепенное преобразованіе и борьбу двухъ различныхъ элементовъ римско-классическаго и восточнаго, борьбу, продолжавшуюся нѣсколько столѣтій.

Зыческое искусство въ Римѣ одновременно съ христіанскимъ идетъ къ упадку, въ немъ также отражается вліяніе вкуса восточныхъ народовъ; наводненное имъ оно умираетъ вмѣстѣ съ языческимъ міромъ, чтобы болѣе не воскреснуть, тогда какъ христіанское классическое искусство воскресаетъ вмѣстѣ съ Италией въ эпоху возрожденія, и можетъ быть даже раньше того періода, которому обыкновенно даютъ это названіе.

Всегда и всюду, гдѣ проявлялась самостоятельная жизнь въ Италиі въ средніе вѣка, гдѣ пробуждалась итальянская мысль, — начиналось также и возрожденіе искусства, т. е. выражалось возвращеніе къ классическому вкусу и создавались религиозные образы болѣе согласные съ природою Итальянцевъ, съ складомъ ихъ идей. Нѣчто подобное можно сказать происходило и въ Италиі среди франко-германскихъ племенъ, принявшихъ вмѣстѣ съ христіанствомъ религиозныя изображенія византийскаго стиля. По мѣрѣ того какъ эти народы достигали извѣстной степени умственнаго и художественнаго развитія, у нихъ разрабатывалась своей артистической вкусъ и они представляли божество по своимъ понятіямъ, удаляясь отъ восточныхъ идеаловъ и типовъ.

Это выказалось уже въ нѣкоторой степени въ эпоху Карла Великаго, но гораздо полнѣе нѣсколько столѣтій спустя въ франко-германскихъ странахъ въ періодѣ готическаго полувозрожденія: статуи Спасителя, Мадонны, святыхъ и т. д. украшающія входы, т. е. порталы готическихъ соборовъ этой эпохи, имѣютъ иной характеръ, чѣмъ византийскія фигуры, и хотя нѣсколько грубую, но сильную и живую натуру, взятую изъ окружающаго міра.

Самобытное созданіе религиозныхъ изображеній, изученіе природы, жизни при представленіи ихъ, началось вѣроятно въ нѣкоторыхъ франко-германскихъ странахъ раньше чѣмъ въ Италиі, но среди Итальянцевъ, народа болѣе способнаго къ передачѣ своихъ идей и стремленій фигуративнымъ искусствомъ, чѣмъ жители сѣвера, возрожденіе получало болѣе полное развитіе и увлекло за собой, давъ ему свой отпечатокъ, художественное движеніе, проявившееся въ средніе вѣка не въ столь значительныхъ размѣрахъ въ северныхъ странахъ.

Въ то долгое время, когда византийскій стиль преобладалъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, встрѣчаешь иногда въ искусствѣ Италиі, равно какъ и въ другихъ странахъ, фигуры народнаго типа, въ національныхъ одеждахъ, которыя нѣсколько удаляются своимъ наружнымъ видомъ отъ византийскихъ изображеній; но эта перемена была совершенно внѣшняя, поверхностная; внутренняя сторона ихъ не терла своего характера и оставалась по прежнему вполнѣ византийскаю. Возрожденіе проявляется не столько въ измѣненіи формъ религиозныхъ изображеній, сколько въ переобразованіи идей, которыя ихъ оживляютъ.

Первые лучи восходящаго солнца возрожденія въ Италиі освѣтили южныя части этой страны, и въ неаполитанскихъ провинціяхъ, гдѣ пре-

жде чѣм на остальномъ полуостровѣ начинаетъ развѣтвлять итальянскую цивилизація, формируется итальянскій языкъ и проявляется самостоятельное моральное и гражданское развитие, возрождается также и искусство.

Несомѣнно, что на югѣ Италіи, въ эпоху, начинающуюся образованіемъ муниципальных республикъ и кончающуюся паденіемъ Суабскаго дома, было своего рода художественное возрожденіе. Оно всего больше выразилось въ архитектурѣ; но и немногіе памятники фигуративнаго искусства, дошедшіе до насъ отъ этого періода, нельзя въ этомъ не согласиться, одушевлены новою жизнью. Водвореніе Французовъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ вскорѣ приостановило. Это нравственное и художественное пробужденіе, въ то самое время, когда въ центральной Италіи началась та артистическая самостоятельная дѣятельность, которая должна была принести столь богатые результаты.

Всего полнѣе развились всѣ способности, всѣ стороны жизни народа итальянскаго въ муниципальных средневѣковыхъ республикахъ. Вместе съ ними начинается возрожденіе искусствъ, и упадокъ послѣднихъ наступаетъ въ то самое время, когда первая утрачиваютъ свободу. Флоренція дала инициативу художественному развитію этой эпохи. Ея мастера съ конца 13-го вѣка постепенно освобождаются отъ традиціи византійскаго стила; и въ слѣдующія два столѣтія монастыри, соборы, церкви и общественныя зданія Италіи покрываются фресками, изображающими сцены изъ Вѣтхаго и Новаго Заветъа, изъ жизни святыхъ и т. д. Въ этихъ произведеніяхъ нисколько не уменьшается, напротивъ возрастаетъ и увеличивается религиозное чувство, но вмѣстѣ проявляется изученіе человѣческой души, природы; лица дѣйствующія оживляются, отбѣиваются различныя свойства ихъ нравственной натуры; они представлены окруженными земною жизнью и ея предметами.

Этотъ характеръ неизмѣнно преобладаетъ въ художественныхъ созданіяхъ возрожденія. Различіе между ними и памятниками византійскаго искусства замѣтно особенно въ выборѣ религиозныхъ сюжетовъ. Въ послѣднихъ преимущественно изображаются Христа, Богородицу, святыхъ или въ славѣ на небѣ, или въ земной жизни, или дѣйствія, какъ напримѣръ, рядомъ фигуръ въ облакахъ безъ отношенія другъ къ другу, въ повелительной позѣ, въ церемональномъ шествіи, или въ сюжетахъ торжества и величія. Въ первыхъ, т. е. въ живописи и скульптурѣ возрожденія, всего чаще встрѣчаешь сцены страданій и земной жизни Спасителя, Богоматери среди мірскаго обстановки, какъ напримѣръ тайная вечеря, мо-

леніе о чашѣ, бичеваніе, шествіе на Голгофу, снятіе со креста и положеніе во гробъ, эпизод Самаритянки, блудницы, вопрошающаго съ молитвой, рожденіе Богородицы, пощеніе ею Св. Елизаветы, Благовѣщеніе, въ которомъ ангель является Св. Дѣвѣ пораженной и испуганной ея избраніемъ; или-же самыя сюжеты эти поняты различными образомъ въ искусствѣ Византіи и возрожденія; и если невозможно не видѣть различія между добрыми пастырями катакомбъ и изображеніями Спасителя абсидъ византійскихъ базиликъ, то точно также нельзя не замѣтить различія между византійскими изображеніями распятія, въ которыхъ Христосъ представленъ часто торжествующимъ, не страдающимъ, и представленіями Спасителя испивающаго горькую чашу до дна; на крестѣ въ искусствѣ возрожденія, между преобраніемъ такъ, какъ его полагалъ Рафаэль въ известной своей картинѣ, и изображеніемъ того-же сюжета въ абсидѣ базилики S. Apollinare in Classe около Равенны; послѣднее исполнено символизма, постоянно болѣе преобладающаго въ византійскомъ искусствѣ, чѣмъ въ искусствѣ возрожденія; но возможно также не видѣть различія въ характерѣ, въ идеяхъ выраженныхъ въ Тайной вечери Леонардо да Винчи (всѣмъ известная по гравюрамъ фреска трапезной монастыря S. Maria delle Grazie въ Миланѣ), въ которой проявляется глубочайшій анализъ человѣческой души и тонкое опредѣленіе разнообразныхъ чувствъ, возбужденныхъ словами Спасителя въ апостолахъ, и исполнѣ мистической Тайной вечери Фра Беато Анжелико, гдѣ Христосъ разноситъ причастіе апостоламъ помѣщеннымъ вокругъ стола, въ положеніи молящихся, или стоящимъ на колѣняхъ (фреска въ монастырѣ св. Марка во Флоренціи)^{*)}. Религиозное чувство столь-же искренно и столь-же сильно въ томъ и другомъ художественномъ произведеніи, но только одинъ изъ лучшихъ талантовъ возрожденія и доминиканскій

^{*)} Въ византійскихъ мозаикахъ и въ итальянской живописи до возрожденія есть много изображеній Тайной вечери подобнаго мистическаго характера, какъ напримѣръ въ соборѣ св. Марка въ Венеціи, въ соборѣ Монтеале около Палермо и въ другихъ италіанскихъ церквяхъ. Мы привели фреску Беато Анжелико, потому что она известна болѣе другихъ. Интересно прослѣдить, какъ исполненная церемоніальности и мистичизма византійская Тайная вечеря, постепенно развивалась въ эпоху возрожденія, превращается въ ту драматическую сцену, которую представлялъ Леонардо да Винчи на стѣнѣ монастыря Santa Maria delle Grazie. Надо замѣтить, что изображеніе Тайной вечери встрѣчается чаще въ живописи возрожденія, чѣмъ въ искусствѣ Византіи.

монахъ представили этотъ сюжетъ согласно своимъ понятіямъ, каждый съ своей точки зрѣнія.

Византійскія идеи выражаются въ живописи Беато Анжелино, но онѣ облечены въ прекрасныя итальянскія формы; божественныя свѣтлые образы Христа, Мадонны, Ангеловъ идеальной чистоты, представленны имъ часто на золотомъ фонѣ, чужды всего земнаго и удалены въ небесныя пространства. Традиціи византійскаго искусства никогда, можно сказать, не угасли совершенно въ монастыряхъ Италіи, строй которыхъ составилъ въ эпоху полного преобладанія въ этой странѣ восточныхъ началъ. Это однако не вызвало антагонизма между искусствомъ свѣтскимъ и монастырскимъ, — лучшіе образцы послѣдняго составляютъ миниатюры, написанныя монахами и украшающія церковныя книги. Духовенство Италіи не только не смотрѣло враждебно на искусство возрожденія, но даже во многомъ способствовало его развитію; иначе и быть не могло, потому что оно было слишкомъ въ характерѣ итальянскаго народа, слишкомъ присуще его натурѣ.

Въ итальянской живописи возрожденія никогда не проявлялся въ такой степени мистическій характеръ, какъ въ картинахъ испанской школы, которая развивалась на почвѣ проникнутой религіозной фанатической страстью, въ странѣ, гдѣ католицизмъ принялъ направленіе чисто восточной симметрической нетерпимости. Только съ упадкомъ искусства возрожденія въ производеніяхъ итальянскихъ мастеровъ, подъ вліаніемъ реакціи, вызванной въ католицизмѣ реформаціей, начинаютъ выражаться ими порывы, и изображенія необыкновенныхъ чудесъ и видѣній святыхъ предпочитаютъ сюжетамъ земнымъ, религіозно-гражданскимъ.

Христіанскіе идеалы искусства каталокомъ воскресаютъ въ созданіяхъ художниковъ возрожденія въ Италіи. Абсиды, стѣны церквей и ихъ приделы, гдѣ прежде обыкновенно въ колоссальномъ видѣ изображали Христа, апостоловъ и т. д., въ церквяхъ возрожденія раздѣляются на части какъ потолки и стѣны въ катакомбинныхъ комнатахъ, и въ нихъ представляютъ сцены изъ Ветхаго и Новаго Завета, изъ жизни святыхъ и т. д. Спаситель снова изображается съ милосерднымъ и трогательнымъ характеромъ добраго пастыря, со всей его простотой, въ скромной одеждѣ, среди прекрасной природы, преисполненнымъ попеченіемъ о людяхъ, которыми онъ окруженъ, страдающимъ для ихъ блага и заботящимся о ихъ спасеніи.

Богоматерь вновь изображена съ младенцемъ у груди или на рукахъ, какъ Мадонны въ катакомбахъ, съ преобладающими материнскими чувствами, безъ пышныхъ облаченій и царскаго вида. Этимъ я не хочу сказать, что по византійскому представленію Богородица не можетъ быть одушевлена нѣжными чувствами и любовью къ младенцу Спасителю, съ которымъ иногда представляется. Есть Мадонны византійскаго стиля, выражающія большое состраданіе къ людямъ, глубокую скорбь о ихъ печаляхъ вмѣстѣ съ невыразимо грустною о ихъ паденіи и грѣхахъ, или съ ребенкомъ у груди; но въ нихъ преобладаетъ прежде всего царственный характеръ и онѣ постоянно удалены отъ всего свѣтскаго. Сравните изображенія Богоматери византійскаго стиля съ Мадоннами возрожденія; первыя преисполнены достоинствомъ и величія, мѣсто ихъ на небѣ, ничто земное лично не касается ихъ, титулъ Царицы небесной никогда нельзя отнять у нихъ. Вторыя часто изображены среди веселыхъ ландшафтовъ, прекрасной природы, оживленіемъ присутствіемъ постороннихъ людей, или въ домахъ среди земной обстановки, окруженныя проявленіями обыкновенной жизни и предметами, которые улаждаютъ ее; онѣ одѣты въ простое платье средневѣковыхъ Итальянокъ и относятся къ Спасителю младенцу совершенно какъ каждая мать къ своему ребенку. Онѣ иногда находятся въ объятіяхъ Мадонны, прижать къ ея сердцу, иногда играютъ съ нею или въ ея рукахъ различными предметами, забавляется младенческими играми, увеселяя ее своею дѣтскою рѣзвостію. Легкая тѣнь задумчивости и тихой безмысливой грусти, намекающая на предназначеніе и будущую участь Спасителя, заброшена на эти живыя, граціозныя семейныя сцены, взятая изъ близкаго намъ міра. Даже и тѣ Мадонны возрожденія, которыя представлены окруженныя ангелами, святыми, на небесахъ, не приближаются къ Мадоннамъ византійскимъ; но въ славѣ, торжествѣ сохраняютъ свою простоту и продолжаютъ выражать чувства одушевлявшія ихъ на землѣ, нѣжную любовь къ младенцу, печаль о судьбѣ ожидающей его, испугъ своего избранія, скромное недовѣріе своимъ силамъ вмѣстѣ съ восторгомъ участвовать въ спасеніи людей своею жертвой. Точно также ангелы возрожденія представляются не вооруженные и съ мечами, какъ часто въ византійскомъ искусствѣ, а безоружные съ цвѣтами въ рукахъ, или съ музыкальными инструментами, на которыхъ они иногда играютъ. Не слѣдуетъ предполагать, что Мадонны возрожденія, большинство которыхъ мы видимъ теперь въ музеяхъ Европы, имѣли въ Италіи мало религіознаго значенія, а были созданы для украсенія

свѣтскихъ зданій; напротивъ всѣ произведенія лучшихъ мастеровъ этого періода, фрески, картины, статуи, барельефы украшали алтари и святилища, были назначены для монастырей, церквей, часовень и часто до сихъ поръ еще находятся въ нихъ. Мадонна della Seggiola Рафаэля и Христосъ отвѣчающій вопросителю съ монетой Тиціана,—картины одушевленные идеями возрожденія, выражающія какъ нельзя полнѣе характеръ придаваемый Спасителю и Богородицѣ въ эту эпоху,—были бы столько же на своемъ мѣстѣ надъ престоломи итальянскихъ церквей, сколько и на стѣнахъ Palazzo Pitti и въ картинной галерей Дрездена, гдѣ мы теперь ихъ видимъ. Народъ молился подобнымъ религиознымъ изображениямъ, какъ у насъ молился Богородицѣ, какъ въ катакомбахъ молился Мадоннамъ классическаго стиля, какъ до сихъ поръ молился безчисленнымъ изображениямъ Спасителя, Богородицы, Святыхъ того-же характера возрожденія, изъ мрамора, дерева, обожженной глины, написанныхъ красками на стѣнѣ, на полотнѣ, на доскахъ, которые безпрестанно встрѣчаешь въ Италіи на всѣхъ углахъ и перекрѣстахъ, передъ которыми не рѣдко горятъ еще лампады.

Разумѣется, памятники катакомбнаго художества не имѣютъ artisticaческаго достоинства произведеній искусства лучшаго времени эпохи возрожденія и не встрѣчаются въ такомъ значительномъ количествѣ, какъ эти послѣднія; но при сравненіи тѣхъ и другихъ, не нельзя замѣтить, сколько вообще точекъ соприсоюзовенія въ задуманномъ характерѣ созданій мастеровъ возрожденія и неизвѣстныхъ художниковъ первыхъ вѣговъ Христіанства; сколько сходства въ ихъ взглядѣ на жизнь, на искусство, на прекрасное, сколько тождества въ складѣ ихъ понятій. Первымъ было неизвѣстно существованіе и работы послѣднихъ, но какъ наследники ихъ развитія, какъ жители той-же природы, какъ братья ихъ по племени, они встрѣтились въ своихъ наклонностяхъ, въ своихъ вкусахъ, въ общемъ своихъ религиозныхъ идей и выразили въ изображенияхъ Христа, Богородицы, пророковъ и т. д. одни чувства, однѣ мысли преимущественно передъ другими.

Эпоха возрожденія становится непонятною, про нее больше нельзя говорить, если оставить въ сторонѣ, безъ вниманія памятники христіанскаго искусства въ катакомбахъ.

Мы видимъ слѣдовательно, что если каждый народъ создаетъ себѣ свой идеалъ прекраснаго согласно со своими моральными способностями и подъ вліяніемъ тѣхъ условий, которыя формируютъ его понятія и даютъ

направленіе его развитію, то въ пониманіи и усвоеніи христіанскихъ идей проявилась натура, выказался характеръ народовъ, сдѣлавшихся христіанами, и это мы всего яснѣе видимъ въ ихъ искусствѣ.

Напрасно потому было бы говорить, что такой то идеалъ искусства болѣе христіанскій, чѣмъ какой либо другой, что эта архитектура, этотъ стиль живописи имѣютъ болѣе христіанскій характеръ, чѣмъ остальные,—каждый изъ нихъ удовлетворялъ наклонностямъ и понятіямъ известнаго народа, известнаго общества. Религиозное настроеніе жителей Сѣвера чувствуетъ влеченіе къ полусвѣту, къ сплетающимся подъ острыми углами и убѣгающимъ вверхъ линіямъ, готическихъ соборовъ, къ ихъ мистически-мечтательной архитектурѣ, а ясно выведенныя линіи, смѣлые своды и арки, ширина и пространства наводненныя свѣтомъ и красками церквей и соборовъ эпохи возрожденія отвѣчаютъ характеру религиозныхъ чувствъ южныхъ народовъ; перенявъ готическій стиль послѣдніе преобразовывали его по своему вкусу. Обѣ эти архитектуры между тѣмъ христіанскія, и каждая-изъ нихъ произвела въ своемъ родѣ прекрасные памятники, которымъ мы никогда не перестанемъ удивляться. Точно также каждый изъ стилей христіанской живописи: стиль классическій въ катакомбахъ, веселый, вѣчно-дохновенный и умилятельный; стиль византийскій, преисполненный строгаго величія, высокой торжественности и божественнаго удаленія; стиль возрожденія блистательный по формамъ, выражающій болѣе земныя чувства и глубоко философскія мысли, изображающій одни христіанскіе принципы и идеи преимущественно передъ другими. Всѣ эти стили соотвѣтствовали своему времени, удовлетворяли религиознымъ потребностямъ различныхъ обществъ, въ средѣ которыхъ ооздались, и имѣютъ свою исторію, свое значеніе, свое достоинство, свои заслуги.

Первая часть этого сочиненія, которую читатель видитъ передъ собою, заключаетъ исторію происхожденія и постепеннаго образованія катакомбъ въ Римѣ, равно какъ и описаніе этихъ первобытныхъ христіанскихъ кладбищъ. Въ послѣдующія части войдетъ объясненіе религиозныхъ изображеній, символовъ и надписей первыхъ христіанъ, изслѣдованіе составленія главныхъ типовъ и исторія христіанскаго искусства съ появленія его въ катакомбахъ до окончательнаго преобразованія въ византийскій стиль.

II.

Исторію римских катакомбъ можно раздѣлить на слѣдующіе четыре періода: періодъ ихъ постепеннаго образованія; періодъ посѣщенія богомольцами; періодъ забвенія, и наконецъ періодъ ихъ изученія. Послѣдній продолжается до нашихъ дней.

О первыхъ двухъ періодахъ я буду говорить въ самомъ сочиненіи, но о двухъ послѣднихъ слѣдуетъ сказать тутъ нѣсколько словъ.

Забвеніе катакомбъ начинается съ IX столѣтія, — опустошенныя Готами, Вандалами, Лонгобардами, Саррацинами, онѣ раздѣлили судьбу всѣхъ памятниковъ Рима. Тѣла мучениковъ, которыя не могли болѣе покониться въ своихъ первобытныхъ гробницахъ, не подвергавшихся оскверненію варваровъ, уже съ седьмага столѣтія, и можетъ быть нѣсколько раньше, начали переносить въ церкви и базилики Рима. Богомольцы, стлавшіеся со всѣхъ концовъ свѣта, для поклоненія мощамъ святыхъ, перестали посѣщать катакомбы, мало по малу ихъ стали забывать.

Въ эти темныя печальныя для Рима времена, феодальныя фамиліи въ междоусобныхъ войнахъ опустошали городъ и Кампанію, довершая начатое варварами. Памятники прежней столицы міра падали и разрушались; ихъ имена, воспоминанія, которыя были съ ними связаны, забывались и потухали. Дорога заросла и къ катакомбамъ, входы ихъ засыпались землею и были потеряны.

Съ первыхъ годовъ девятаго столѣтія до пятнадцатаго не видно слѣдовъ ихъ посѣщенія. Только катакомбы св. Севастіана, въ которыхъ спускались въ церквя того же имени, были постоянно открыты и извѣстны. Нужно также предполагать, что небольшія части нѣкоторыхъ другихъ катакомбъ, находящіяся въ сообщеніи съ базиликами, построенными надъ ними, были по временамъ посѣщаемы богомольцами.

Но съ 1432 года въ катакомбы снова начинаютъ проникать монахи разныхъ орденовъ и странъ, какъ это видно по надписямъ оставленнымъ ими; за ними слѣдуютъ люди другого рода, также начертившіе свои имена на стѣнахъ катакомбъ. Это были члены известной римской Академіи Pomponio Leto, которые въ царствованіе папы Павла II были обвинены, можетъ быть только въ слѣдствіе излишней для того времени любви къ древностямъ и къ классической культурѣ, въ вѣроотступничество, въ составленіи секты враждебной христіанству и въ заговоръ противъ

жизни св. отца. Процессъ ихъ не обошелся безъ пытокъ, но кончился однако совершеннымъ оправданіемъ Pomponio и его друзей. Вѣроятно, надежда найти въ катакомбахъ римскіе памятники привела этихъ любителей классическаго искусства въ христіанскія подземныя кладбища. Они посѣтили многія отдаленныя галереи и комнаты ихъ, и въ надписяхъ называли себя любителями и изслѣдователями древностей. Pomponio Leto иногда даетъ себѣ титулъ pontifex maximus (первосвященникъ), а одинъ изъ его спутниковъ sacerdos (жрецъ) римской академіи. Доказываютъ ли это существованіе секты, выражаетъ ли иронію противъ папскаго сана, или есть только обыкновеніе совершенно невиннаго характера, которое имѣли въ тѣ времена президенты и члены академіи — давать себѣ подобные титулы, сказать теперь довольно трудно. Во всякомъ случаѣ, появленіе членовъ гонимой академіи въ катакомбахъ фактъ довольно интересный. Какъ любители классической древности, они вѣроятно не обратили никакого вниманія на христіанскія памятники, по крайней мѣрѣ въ ихъ сочиненіяхъ ни разу не упоминается ни о катакомбахъ, ни объ искусствѣ первыхъ христіанъ.

Но если съ пятнадцатаго до конца шестнадцатаго столѣтія проникали въ катакомбы, отъ времени до времени, отдѣльныя лица, богомольцы и монахи, то вовсе не для изслѣдованія и описанія ихъ. Существованіе катакомбъ было извѣстно по памятникамъ церковной литературы, но мѣсто, гдѣ они находились, потеряно; предполагали даже, что время, варвары, обвалы и вода если не уничтожили ихъ совершенно, то сдѣлали доступъ къ нимъ невозможнымъ. Какъ часто бываетъ въ дѣлахъ подобнаго рода, случай помогъ открытію ихъ.

Тридцать перваго мая 1578 года нѣсколько работниковъ, копяя поцолану не далеко отъ дороги Salaria, приблизительно въ двухъ миляхъ отъ Рима, открыли входъ въ христіанское подземное кладбище, украшенное живописью, саркофагами, надписями; эта неожиданная находка обратила на себя всеобщее вниманіе; распространился въ Римѣ слухъ, что найдены подземный городъ, и люди всѣхъ классовъ общества спѣшили удостовѣриться въ этомъ собственными глазами.

Ученый того времени, кардиналъ Варапіо говоритъ о необыкновенномъ впечатлѣніи, которое видъ этого крипта производилъ на посѣтелей. Но такъ велика была въ тѣ времена небрежность обращенія съ христіанскими памятниками, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ совершенно опустошенъ и разрушенъ работниками въ копахъ поцоланы.

Христианский Рим воскрес послѣ языческаго, и послѣдній, поглощая внимание ученыхъ и археологовъ того времени, заставляя ихъ пренебрегать памятниками искусства первыхъ послѣдователей учения Спасителя. Нашлись однако люди, которые описали и сняли копии съ фресокъ, саркофаговъ и надписей этой катакомбы до ея опустошенія. Судя по нимъ, легко можно себѣ представить, какъ она была интересна и богато украшена. Надписи имѣли простой и трогательный характеръ эпиграфическихкихъ памятниковъ первыхъ времяхъ христіанства, и были частью на латинскомъ, частью на греческомъ языкѣ; послѣднее почти всегда есть признакъ большой древности ихъ. Фрески были чрезвычайно разнообразны по содержанию и представляли почти всѣ первоначальныя христіанскія символическія фигуры: добраго пастыря, женщину въ положеніи молящейся (Orante *), Ноя въ ковчегѣ, Деніла между львами, Моисея избегающаго воду изъ скалы, Иону поглощеннаго и выброшеннаго чудовищемъ; жертвоприношеніе Исаака Авраамомъ, трехъ отроковъ въ огненной печи и т. д. На саркофагахъ были изображены религиозныя иррешства первыхъ христіанъ (агаре) и пастушескія сцены.

Можно сказать, что со дня открытія этой замѣчательной катакомбы начинается изученіе христіанскаго искусства. Памятники, вышедшіе такимъ неожиданнымъ образомъ изъ неизвестности и забвенія, заинтересовали нѣкоторыхъ археологовъ того времени; они начали проникать въ другія сосѣднія катакомбы и копировать въ нихъ фрески и надписи. Самые замѣчательные между этими учеными были: доминиканскій монахъ Ciaccopio, фламандецъ Wingleh, также фламандецъ L'Heugheux, болѣе извѣстный подъ именемъ Masario, и Помпео Угоніо, профессоръ литературы въ Римѣ. Сочиненія ихъ не представляютъ однако ничего важнаго; они видѣли только пять или шесть катакомбъ, и не могли опредѣлить ихъ прежнія названія. Величайшая заслуга этихъ людей состоитъ въ томъ, что въ средѣ ихъ образовался Bosio, котораго справедливо называютъ Колумбомъ римскихъ катакомбъ.

Antonio Bosio родился около 1576, на островѣ Мальтъ, и получилъ образованіе въ Римѣ, гдѣ въислѣдствіи находился въ качествѣ агента мальтійскаго ордена. Почти ребенкомъ сопровождалъ онъ Помпео Угоніо

* Она представляетъ иногда Богородицу, иногда церковь, иногда просто молящуюся, или душу умершаго; о значеніи этого изображенія мы будемъ говорить въ отдѣлѣ исторіи христіанскаго искусства.

въ его прогулкахъ по катакомбамъ, и съ самой ранней молодости началъ изучать ихъ самостоятельно,—занятіе, къ которому, какъ онъ самъ говоритъ, чувствовалъ непреодолимое влеченіе. Всю свою жизнь и все свое состояніе посвятилъ Bosio этому труду и положить основаніе методу изслѣдованія подземнаго христіанскаго Рима.

Не довольствуясь системой своихъ предшественниковъ, ихъ частными и случайными открытіями, онъ началъ дѣлать розыскы съ цѣлью возстановить прежнее названіе, исторію и опредѣлить топографическое положеніе катакомбъ. Для этого Bosio собралъ всѣ свѣдѣнія о древнихъ христіанскихъ кладбищахъ, которыя заключались въ церковныхъ книгахъ, въ дѣяніяхъ мучениковъ, въ жизнеописаніи папъ, и старался примѣнить эти данныя въ памятникамъ. Послѣ опустошенія и забвенія катакомбъ, разумѣется, трудно было угадать ихъ положеніе и найти ихъ имена. Ученый шестнадцатаго столѣтія, августинскій монахъ Panvino, опредѣляя число катакомбъ только по литературнымъ памятникамъ, не входя въ топографическія изслѣдованія, насчитывалъ ихъ 43; но только розыскы на мѣстѣ могли дать вѣрное понятіе о ихъ колѣществѣ и протяженіи.

Документы церковныя были для Bosio руководителями; узнавъ, напримеръ, изъ дѣяній мучениковъ, что многіе изъ нихъ были похоронены въ Римѣ, въ катакомбѣ, находящейся подъ Аппіевой дорогой, въ трехъ миляхъ отъ города, онъ старался открыть въ виноградникахъ этого мѣста входъ въ подземное кладбище. Иногда обвалъ, колодець или яма для добыванія пощоланы помогали его розыскамъ и указывали ему путь въ катакомбы.

Объясненіе всего, что Bosio встрѣчалъ въ нихъ, живописи, скульптуры, надписей, символическихъ знаковъ и изображеній, гробницъ и другихъ памятниковъ, онъ искалъ въ твореніяхъ писателей церкви, въ литературѣ христіанской и языческой, въ сравненіи произведеній христіанскихъ художниковъ съ памятниками классическаго искусства.

Это былъ трудъ громадный, требовавшій постоянной катакомбной и кабинетной работы, глубокаго знанія пастасей церкви и римской литературы и искусства. Но только съ помощью подобной системы можно было достигнуть положительныхъ результатовъ. По мѣрѣ того, какъ дѣлается извѣстно имя, топографическое положеніе и исторія образованія каждой катакомбы, изученіе ея памятниковъ получаетъ хронологическій порядокъ и опредѣленную систему. Тридцать шесть лѣтъ посвятилъ Bosio изслѣдованію катакомбъ, проводя въ нихъ дни и ночи, и не

разъ подвергаясь опасности быть задавленными обвалами или заблудиться въ безконечномъ лабиринтѣ подземныхъ галерей и навсегда остаться въ нихъ. Онъ самъ раскопавъ, какъ однажды, увеченный изученіемъ въ обществѣ нѣсколькихъ друзей, удалился въ катакомбы, не принявъ должныхъ предосторожностей, такъ что потомъ быть въ большомъ затрудненіи, и только послѣ долгихъ усилій и розысковъ успѣлъ найти выходъ. Но опасности и препятствія не останавливали его; онъ привязывалъ конецъ отъ клубка веревокъ у входа въ катакомбы, разматывая ихъ по мѣрѣ того, какъ шелъ впередъ, и, взявъ съ собою инструменты, съѣстные припасы и большое количество свѣчей, удалялся на нѣсколько дней въ эти подземелья, ползая въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обвалы преграждали ему путь, и руками разчищая себѣ дорогу.

Bosio занимался болѣе определеніемъ топографическаго положенія катакомбъ и составленіемъ ихъ исторіи, чѣмъ описаніемъ памятниковъ христіанскаго искусства; но онъ ничего не пропускалъ безъ вниманія и копировалъ все, что попадалось ему на глаза. Только нѣкоторыя, небольшія части четырехъ или пяти подземныхъ кладбищъ были извѣстны до него, — онъ открылъ ихъ около тридцати и нѣкоторыя изслѣдовалъ довольно подробно. Bosio сдѣлалъ все, что было возможно въ его время и съ его средствами. Всѣ ученые, которые послѣ него писали о катакомбахъ, пользовались его трудами или документами, собранными и цитированными имъ; онъ далъ какъ нельзя болѣе правильное и вѣрное направленіе изслѣдованію христіанскихъ древностей; онѣ пріуготовительныя работы его изумляли своею колоссальностью. Но въ его время наука эта только что начиналась, многіе материалы, пока не открыты, лежали въ различныхъ бібліотекахъ Европы, многіе другіе не были оцѣнены надлежащимъ образомъ. Потому результаты, достигнутыя Bosio, не вполнѣ соответствуютъ его продолжительнымъ трудамъ; онъ успѣлъ опредѣлить только одну группу историческихъ гробницъ, и только двумъ или тремъ катакомбамъ возвратилъ ихъ первобытныя имена.

Bosio умеръ пятидесяти четырехъ лѣтъ, не доживъ до изданія своей книги. Мальтійскіе рыцари, которымъ онъ завѣщалъ свое имущество и манускрипты, приняли на себя издержки изданія его сочиненій и поручили P. G. Severano напечатать ихъ. Пять лѣтъ послѣ смерти Bosio была издана его книга на итальянскомъ языкѣ; съ гравюрами, подъ заглавіемъ Roma Sotterranea. Это первое полное сочиненіе о римскихъ катакомбахъ произвело впечатлѣніе въ ученую мѣрѣ того времени; на

латинскій языкъ оно было переведено въ 1657 году, и хотя переводчикъ Aringhi назвалъ книгу Roma Subterranea novissima, но не помѣстилъ въ ней однако ничего новаго.

Противники Bosio не замедлили явиться; его открытія бросили новый свѣтъ на исторію первобытнаго христіанскаго общества, и были встрѣчены съ недоброуміемъ по ту сторону Альпъ, особенно между протестантскими учеными; они не вѣрили искренности и правдоподобию показаній Итальянца-католика и утверждали, что катакомбы — не что иное, какъ ямы выкопанная Римлянами для погребенія рабовъ и бѣдныхъ людей, что только послѣ торжества церкви, въ четвертомъ столѣтіи, стали хоронить въ нихъ Христіанъ, что всѣ памятники этихъ кладбищъ подѣланы монахами, и тому подобныя неистинности.

Послѣ Bosio изученіе подземнаго Рима не прекращалось, но послѣдователи его, частью увлеченные полемикой съ иностранными писателями, частью испуганные громадностью знаній, какія требовались, чтобы идти по сдѣдамъ Колумба римскихъ катакомбъ, оставили его ученую систему и начали отдѣльное описаніе памятниковъ, не разсматривая того мѣста, гдѣ они находились, и пренебрегая также изученіемъ самыхъ катакомбъ. Дальнѣйшія открытія дѣлались въ нихъ не столько съ археологической цѣлью, сколько для религіозной пропаганды и для опроверженія протестантовъ; надписи, остатки живописи и скульптуры собирали безъ всякой системы, при чемъ не всѣ фрески и эпитафій копировались, такъ что многія изъ нихъ безвозвратно пропали. Даже и эти частныя раскапыванія были оставлены, когда, по мнѣнію археологовъ того времени, набралось достаточное количество памятниковъ, чтобы дать понятіе объ искусствѣ первыхъ Христіанъ. Не всѣ изслѣдователи подземнаго Рима придерживались этой системы, такъ напримѣръ: Raffaele Fabretti, изданій въ 1700 году собраніе христіанскихъ надписей и описаніе двухъ катакомбъ, не открытыхъ Bosio, нѣсколько приближился къ его методу; но труды Fabretti можно считать только какъ исключеніе. Въ его время, въ 1720 году, появилась въ Римѣ книга Boldetti о катакомбахъ, подъ заглавіемъ Osservazioni Sopra i Sacri Cemeteri di Roma; это сочиненіе плодъ тридцатилѣтней работы, заключаетъ въ себѣ много открытій, не смотря на то, что авторъ описалъ только малую часть памятниковъ, найденныхъ имъ, и содержитъ большое количество матеріаловъ собранныхъ однако безъ всякой системы. Marangoni сотрудникъ и помощникъ Boldetti пытался описывать открытія въ катакомбахъ по

порядку и примѣнять къ нимъ историческія числа и топографическія данныя. Нѣсколько сочиненій о памятникахъ христіанскаго искусства написали иезуитъ Lupi и Buonarroti; самое замѣчательное изъ нихъ: «*Osservazioni sopra alcuni frammenti di vasi antichi di vetro, ornati di figure trovati nei Cimiteri di Roma*», принадлежитъ послѣднему. Но въ серединѣ прошлаго столѣтія система Bosio пришла въ такое забвеніе, что Bottari, издавая въ 1754 году гравюры изъ его книги, не счелъ необходимымъ приложить къ нимъ его текстъ. Подобное очень странное мнѣніе можно объяснить только тѣмъ, что археологи этого вѣка изучали катакомбы въ своемъ кабинетѣ, никогда не посѣщая ихъ; громадныя матеріалы, собранныя Bosio, казались потому ненужными.

Bottari издалъ его рисунки безъ системы и хронологическаго порядка, такъ что одинъ памятникъ не помогаетъ объясненію другого, и не присоединилъ къ нимъ отдѣльнаго толкованія. Не спускаясь самъ въ катакомбы, чтобы осматривать предметы, которые описывалъ, онъ принялъ фрески послѣдователей восточныхъ сектъ (подземное кладбище которыхъ случайно соединилось съ катакомбами) за христіанскія символическія изображенія и помѣстилъ ихъ въ своемъ сочиненіи.

Seroux d'Agincourt, въ томъ отдѣлѣ своего замѣчательнаго труда: *Histoire de l'art par les monuments depuis le IV-me siècle jusqu'au XVI-me s.*, гдѣ онъ говоритъ о памятникахъ катакомбъ, издалъ нѣсколько неизвѣстныхъ еще фресокъ, и хотя немного увеличилъ этимъ матеріалы исторіи христіанскаго искусства, но, такъ какъ въ его время почти только онъ одинъ говорилъ о новыхъ открытіяхъ въ катакомбахъ, то каждое слово его получаетъ значеніе.

Подобное пренебреженіе изученія на мѣстѣ самыхъ катакомбъ давало о нихъ чрезвычайно ошибочное понятіе и привело во многомъ фальшивымъ выводомъ, которые были обнаружены и опровергнуты только въ наши дни. Такъ напримѣръ, въ концѣ прошлаго и въ началѣ этого столѣтія казалось неоспоримо истинно, что катакомбы образовались постепенно въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, съ самаго основанія Рима, по мѣрѣ того какъ Римляне добывали изъ земли камни и другія строительныя матеріалы, что потому эти оставленныя каменоломни и копи поцоланы, превращенныя въ кладбища, нельзя считать работою самихъ Христіанъ, тѣмъ болѣе, что они будто бы похоронены тамъ не одни, а въ смѣшеніи съ язычниками и послѣдователями другихъ сектъ. Даже сочи-

ненія, имѣющія большія достоинства, какъ напримѣръ: «*Sinnbilder und Kunstvorstellungen der alten Christen, Münster. Altona 1825*», — не совершенно свободны отъ подобныхъ заблужденій. Но въ то время, когда Münster издавалъ свою книгу, это неправильное объясненіе происхожденія катакомбъ, которое съ перваго взгляда кажется чрезвычайно правдоподобнымъ, уже было отчасти опровергнуто въ сочиненіяхъ математика и вмѣстѣ Археолога Settele, *Atti della pontificia Accademia d'Archeologia T. II*; въ статьѣ Röstel'а о катакомбахъ, помѣщенной въ известномъ описаніи Рима, *Beschreibung der Stadt Rom, von Platner und Bunsen*, и отчасти въ сочиненіи Bellermann'а о катакомбахъ Неаполя: «*Ueber die ältesten Christlichen Begräbnisstätten und besonders die katakomben zu Neapel*». Окончательно уничтожилъ это мнѣніе, и можно сказать возвратилъ христіанамъ ихъ катакомбы P. Marchi въ своемъ сочиненіи *Monumenti delle arti cristiane primitive Roma 1844*.

Объясненіе христіанскихъ памятниковъ Raoul Rochette'а, въ его книгахъ: «*Tableaux des Catacombes de Rome 1853*», «*Sur les types imitatifs de l'art chrétien*» и въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 13 томѣ «*Memoires de l'Académie des inscriptions et belles lettres*», о христіанской живописи, овецъ, найденныхъ въ катакомбахъ и т. д., заслуживаютъ вниманія, хотя не со всеми мнѣніями и выводами автора можно согласиться.

Мы видимъ такимъ образомъ, что если со времени Bosio и появились замѣчательныя сочиненія о христіанскомъ искусствѣ, и если изслѣдователи первобытныхъ христіанскихъ кладбищъ приближались иногда къ его системѣ, изучая ихъ на мѣстѣ, а не въ своемъ кабинетѣ, то никто изъ нихъ не думалъ продолжать работу Колумба римскихъ катакомбъ. Но въ наши дни ученый, имя котораго неразрывно связано съ катакомбами, Giovanni Battista de' Rossi, убѣдившись, что только слѣдуя системѣ Bosio можно достигнуть полнаго пониманія и оцѣнки христіанскихъ древностей, возвратился къ ней, и уже успѣлъ вполне доказать на дѣлѣ справедливость своего мнѣнія. Rossi можно назвать прямымъ наследникомъ Bosio, и между этими двумя учеными, не смотря на три столѣтія, которыя ихъ разделяютъ, невольно мысленно проводишь черту соединенія.

Собирая христианские надгробные надписи *), Rossi замечал, насколько они делаются понятнее и какую значительность приобретают, лишь только делается известно место, где их наши. Он начал с того, что перечитал все написанное о древних христианских кладбищах; все церковные и литературные документы, которыми руководился Bosio, равно как и открытые после него подверглись изучению и оценкам Rossi.

Не преувеличивая можно сказать, что нет библиотеки Европы, в которой Rossi или друзья римского археолога по его поручению не делали розысков, собирая документы для истории подземного христианского Рима.

Трудность добывания материалов этого рода и их необыкновенная редкость объясняются тем, что в последнее большое гонение Диоклетиана, столько же губительное для самих христиан, сколько и для их памятников, было сожжено множество церковных книг, и уничтожены христианские архивы, так что из документов того времени, прямо касающихся римских катакомб, почти ничего не дошло до нас, и все сведения о них приходится собирать в деяниях мучеников, в жизнеописаниях пап, в указателях их гробниц, и в других сочинениях подобного рода, сохранившихся в небольшом количестве, и принадлежащих преимущественно к тем временам, когда гонения прекратились и церковь торжествовала.

Большою помощью для исследований Rossi служили очень интересные путеводители по святым местам Рима, составленные богомольцами, которые приходили иногда из отдаленных стран поклониться праху мучеников. Их навные рассказы и описания содержат часто драгоценные сведения о топографическом положении христианских кладбищ, тем более, что некоторые из этих странствователей видели катакомбы до перенесения мощей мучеников в церкви и базилики Рима. Не доверяясь популярным названиям катакомб, Rossi делает розыски по указанию этих богомольцев, идя по их следам, и взяв их как бы в путеводители. Если они соглашались в своих показаниях, и говорят например, что в таком то месте, в такой то катакомбе видели что нибудь замечательное: гробницу мученика, папы,

подземную часовню и т. д., то Rossi старается найти указанный пункт и открыть остатки или развалины этих памятников. Когда имя и положение катакомбы определены таким образом, он снимает ее план, открывая те пункты, с которых началась сеть подземных галерей, и если встречает памятник, то прежде всего восстанавливает историю того места, где он был найден, и потом уже объясняет его.

Фрески, саркофаги и надгробные надписи катакомб, взятая отдаленно, изученны порознь, без связи с другими соседними памятниками, без исследования места, где они были открыты, и потому без точного определения времени их создания, способны дать только совершенно поверхностное понятие о христианском искусстве, и имеют для нас очень мало значения; идеи, выраженные в них, темны и непонятны, и постепенное развитие символов ускользает от нас. Чтобы памятники эти заговорили живым понятным языком, необходимо знать положительное их отношение между собою и время их появления, что возможно только с помощью методы G. B. de Rossi. Изучение катакомбы может объяснить нам, под влиянием каких условий, каких потребностей она началась и впоследствии разрослась; чего избегали и чего искали в различные времена христиане, устроивая подземные кладбища; а определение исторического пункта, гробницы известного мученика, замечательной часовни, надгробной надписи с выставленным числом и т. д. делается свѣтлѣея точкою, направляющей дальнейшие розыски, указывающей путь к новым открытиям; фаяелом, который расширяет историческую тему, окружающую памятники первых времен христианства. Разумеется самый стиль живописи и скульптуры, шрифт и характер надписей, способ выкапывать гробницы, формы и размеры галерей и комнат указывают на эпоху их создания. Но если можно определять время памятника по тому, что сказано о нем в путеводителях богомольцев, или по расположению частей катакомбы, в которой она находится, по историческим гробницам, или по числам соседних эпитафий, если, например, осматривая места занимаемыя фресками и гробницами, можно доказать, что такая то живопись, такая то надпись уже существовали, когда был погребен такой то мученик, или папа,—то эти точки опоры несравненно надежнее всяких других предположений. Изучая катакомбы, G. B. de Rossi пришел к тому заключению, что около уважаемых могил мучеников, к которым стекались богомольцы со всех христианских стран,

*) Первая томъ этого собранія вышелъ въ 1861 году: Inscriptiones Christianae urbis Romae Septimo saeculo antiquiores.

непремѣнно должны находиться развалины, или хотя только слѣды тѣхъ памятниковъ, которыми ихъ украшали, и что эти гробницы не могутъ быть до такой степени удалены отъ входовъ въ подземныя кладбища, потеряны въ лабиринтъ ихъ галерей, чтобы доступъ къ нимъ былъ совершенно невозможенъ. Предположеніе это вполнѣ оправдалось, — прежде только случайно и потому чрезвычайно рѣдко открывали историческія могилы, теперь почти каждый годъ находятъ въ катакомбахъ мѣсто, гдѣ покоился прахъ извѣстнаго мученика, папы или замѣчательнаго лица.

Такимъ образомъ Rossi идетъ впередъ и намѣренъ остановится только тогда, когда всѣ христіанскія катакомбы Рима будутъ открыты, опредѣлены и изслѣдованы; всѣ памятники ихъ объяснены и скопированы. Какъ легко себѣ представить, это трудъ колоссальныхъ размѣровъ, ужасавшій своею громадностью ученыхъ предшественниковъ римскаго археолога, трудъ способный наполнить всю жизнь человека усерднаго и здороваго. Но понятно также, какъ важны для исторіи первыхъ временъ христіанства эти работы, и сколько онѣ открываютъ для насъ новаго. Подземный Римъ воскресаетъ уже не въ отдѣльныхъ своихъ памятникахъ, какъ прежде, а въ совершенной полнотѣ своей, и разоблачаются нравы, религиозныя идеи, стороны жизни первобытнаго христіанскаго общества, представляющія величайшій интересъ, и до сихъ поръ еще очень мало извѣстныя намъ.

Что касается собственно исторіи первоначальнаго христіанскаго искусства, то оно не составляетъ главной цѣли G. V. de Rossi; онъ собираетъ для нея материалы и говоритъ о ея памятникахъ по мѣрѣ того, какъ встрѣчается съ ними. Преимущественно онъ занятъ собраніемъ и объясненіемъ надписей, открытіемъ, раскопкой, подробнымъ описаніемъ катакомбъ и всего, что находитъ въ нихъ, равно какъ и исторіей образованія этихъ кладбищъ. Разумѣется, не всѣ памятники, погребенные въ подземномъ Римѣ, найдены и описаны; но уже по тому, что собрано Rossi и его предшественниками, сдѣлалось возможно составить себѣ очень ясное понятіе о раннемъ христіанскомъ искусствѣ; будущія открытія могутъ пополнить его, но никакъ нельзя предположить, что они измѣнятъ кореннымъ образомъ мнѣніе, уже составившееся объ этомъ предметѣ. Если-же до изданія слѣдующихъ частей этого труда будутъ сдѣланы открытія, касающіяся исторіи происхожденія катакомбъ, которой посвящена первая книга, то мы не забудемъ упомянуть о нихъ.

Rossi издалъ уже томъ собранія надписей и два тома своего сочиненія *Roma Sotterranea Cristiana*, въ которыхъ описаны главная часть катакомбы Каллиста, замѣчательной многочисленностью и разнообразіемъ своихъ памятниковъ. Кромѣ этихъ трудовъ Rossi издалъ еще собраніе изображеній Богородицы и нѣсколько другихъ мелкихъ сочиненій. О новыхъ постепенныхъ открытіяхъ онъ отдаетъ отчетъ въ особенномъ журналѣ *Bullettino di Archeologia Cristiana* *). Рисунки, приложенные ко всѣмъ этимъ сочиненіямъ, отличаются вѣрностью, съ которою они передаютъ оригиналы.

Помощникомъ въ трудахъ Rossi, особенно что касается топографической части и подземныхъ съѣмокъ, сдѣлался братъ его *Michele Stefano de Rossi*; машина, изобрѣтенная имъ для измѣренія подземныхъ галерей, получила медалю на лондонской выставкѣ 1862 года. Къ концу обихъ томовъ *Roma Sotterranea Cristiana*, *Michele de' Rossi* присоединилъ замѣчательныя статьи о происхожденіи и постепенномъ развитіи катакомбъ.

Открытія G. V. de' Rossi получили права гражданства въ наукѣ и признаны по ту сторону Альпъ; но я буду постоянно приводить мнѣнія извѣстныхъ ученыхъ другихъ странъ, особенно если они не соглашаются съ мнѣніями и выводами римскаго археолога, дѣлая однако различіе между писателями, которые сами видѣли катакомбы, и тѣми, которые изучаютъ ихъ памятники по копіямъ, или со словъ другихъ, которые вовсе не бывали въ катакомбахъ, или знаютъ ихъ только поверхностно. Исключая вышепоименованныхъ сочиненій я пользовался еще слѣдующими: *Martigny, Dictionnaire des Antiquités Chrétiennes. Paris. 1865.* — *Le Blant, Inscriptions Chrétiennes de la Gaule antérieures au 8-me siècle 2. v.* — *Piper, Mythologie und symbolik der christlichen Kunst; Einleitung in die Monumentale Theologie*, того-же автора, и другими книгами, которыя я буду называть по мѣрѣ надобности.

Гравюры на деревѣ, приложенныя къ этой части, заимствованы изъ сочиненія de Rossi, Martigny, и изъ другихъ изданій. На гравюры съ оригинальныхъ рисунковъ я буду указывать. — Главными моими руководителями были материалы и свѣдѣнія, которыя я почерпнулъ изъ книгъ

* Его переводить на французской языкъ abbé Martigny, авторъ очень полнаго сочиненія о христіанскихъ древностяхъ: *Dictionnaire des antiquités chrétiennes*.

G. V. de Rossi или слышалъ отъ него лично. Талантливыя сочиненія его столько-же извѣстны всѣмъ изучающимъ христіанскія древности, сколько и его любезная готовность помогать совѣтомъ и дѣлиться своими знаніями съ тѣми, которые въ нему обращаются, и я не могу начать своей книги, не выразивъ ему моей благодарности, и не вспомнивъ съ удовольствіемъ тѣ прогулки по катакомбамъ и римскимъ музеямъ, въ которыя я, сопровождая его и слушая его объясненія, приобретаю столько свѣдѣній для этого труда.

РИМСКІЯ КАТАКОМБЫ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

I.

Въ Римѣ, въ городѣ великихъ воспоминаній, имя котораго никто не произнесетъ равнодушно, гдѣ по словамъ поэта говорятъ камни, въ нѣдрахъ земли этой прежней столицы міра находятся памятники интересные не менѣе его величественныхъ развалинъ, грандіозные не менѣе тѣхъ триумфальныхъ арокъ, водопроводовъ, храмовъ, дворцовъ, мавзолеевъ, на которые мы до сихъ поръ не можемъ смотрѣть безъ грусти и удивленія, безъ особеннаго чувства, знакомаго всѣмъ, кто задумывался передъ этими разрушающимися и заброшенными теперь свидѣтелями послѣднихъ дней пышной и богатой жизни античнаго міра, преисполненнаго для насъ каинитъ особеннымъ очарованіемъ. Подъ этими величѣйными постройками находятся скромныя, но столько же привлекательныя памятники той вѣры, которая, начавшись въ презрѣніи и изгнаніи, должна была впоследствии охватить собою всю вселенную. Я говорю о неизмѣримомъ лабиринтѣ подземныхъ галерей, постепенно въ продолженіи трехъ столѣтій вырытыхъ римскими христіанами, гдѣ они хоронили своихъ умершихъ, молились, совершали религіозные обряды и иногда скрывались во время преслѣдованій; гдѣ еще до сихъ поръ живы слѣды ихъ пребыванія.

Многіе изъ моихъ читателей вѣроятно были въ Римѣ и спускались въ катакомбы; но конечно очень немногіе осматривали подробно эти подземныя кладбища, представляющія съ перваго взгляда очень мало привлекательнаго. То, что обыкновенно показываютъ въ Римѣ путешест-

венникамъ въ трехъ доступныхъ публичъ катакомбахъ, даетъ о нихъ только самое поверхностное понятіе. Надо долго бродить въ этихъ подземныхъ галереяхъ, то высокихъ и относительно просторныхъ, то узкихъ и низкихъ, гдѣ едва можетъ пройти человѣкъ; надо проникать въ отдаленные углы катакомбъ, и спускаться въ ихъ послѣдніе этажи, чтобы получить полное понятіе о громадности этого подземнаго міра, и вмѣстѣ убедиться, что въ немъ мы еще можемъ узнать много новаго о тѣхъ людяхъ, которые его выкопали, оставили трогательное выраженіе своихъ чувствъ, вѣрованій, надеждъ и были въ немъ скоронены.

Катакомбы должны были начаться въ Римѣ съ распространеніемъ христіанскаго ученія; образованіе нѣкоторыхъ частей ихъ, по характеристикѣ памятниковъ и по именамъ, выставленнымъ на надгробныхъ надписяхъ, слѣдуетъ отнести къ первому столѣтію. Притомъ нѣтъ слѣдовъ существованія въ этомъ городѣ другаго христіанскаго кладбища древнѣе катакомбъ. Постоянной заботой первыхъ христіанъ было удаленіе своихъ гробницъ отъ мѣстъ погребенія язычниковъ и послѣдователей другихъ вѣрованій, равно какъ и приличное, по возможности, преданіе землѣ умершихъ братьевъ. Мѣста, гдѣ были похоронены мученики, сдѣлались особенно дороги христіанамъ; около этихъ уважаемыхъ могилъ они молились, совершали свои религиозные обряды, около ихъ сгруппировались гробницы другихъ вѣрующихъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что, какъ кажется, не было закона или правила, обязывающаго христіанъ хоронить въ известномъ мѣстѣ, общія кладбища являются въ Римѣ въ первыя времена распространенія новой религіи; большая часть фамильных христіанскихъ склеповъ (subicula), т. е. комнатъ, вырытыхъ въ землѣ или высѣченныхъ въ туфѣ, въ которыхъ были устроены гробницы, расширялись, соединялись между собою галереями, по мѣрѣ того какъ росла община, и давали покой всемъ христіанамъ безъ различія. Такъ образовался подземный Римъ, громадность котораго до сихъ поръ не перестаетъ удивлять насъ. Но принадлежалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ христіанамъ, и былъ ли онъ вырытъ ими? На этотъ вопросъ необходимо отвѣтить, прежде чѣмъ описывать эти кладбища и все, что въ нихъ находится.

II.

Только въ послѣднее время было неоспоримо доказано, что катакомбы выкопаны христіанами и составляли ихъ собственность. Мнѣніе совершенно противоположное этому существовало до нашихъ дней. Ошибочное объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ дѣяній мучениковъ и другихъ церковныхъ книгъ, въ которыхъ говорится о катакомбахъ, но всего болѣе то обстоятельство, что галереи ихъ иногда начинаются, а иногда встрѣчаются и соединяются съ пещерами, изъ которыхъ Римляне брали пощолану, ввело въ заблужденіе исслѣдователей подземнаго Рима, и заставляло ихъ предполагать, что христіане воспользовались галереями, образовавшимися при добычаніи строительныхъ матеріаловъ, и выкопали въ бокахъ ихъ гробницы. Это предположеніе казалось тѣмъ основательнѣе, что существованіе подземныхъ пещеръ, копей пощоланы или аренарій (arenaria), какъ ихъ называли Римляне, было извѣстно до появленія христіанства, или въ первые годы его распространенія. Цицеронъ, защищая Клоевція, говоритъ, что въ его время молодой человѣкъ, нѣкто Asinio, былъ предательски увлеченъ въ arenarias, и тамъ умеривленъ. Точно также Светоній рассказываетъ, что когда Неронъ былъ низверженъ и бѣжалъ преслѣдуемый, отпущеникъ и любимецъ его Фаонъ предлагалъ ему скрыться на время въ пещерахъ, изъ которыхъ добывали песокъ; но Неронъ не согласился на это, говоря, что онъ не хочетъ похоронить себя живымъ. Сверхъ того, въ дѣяніи мучениковъ и въ Книгѣ Папъ (Liber Pontificalis) нѣсколько разъ упоминается, что христіане не только хоронили умершихъ въ arenariae, т. е. колахъ пощоланы, но и имѣли обыкновеніе собираться въ нихъ. Казалось притомъ невозможнымъ, чтобы общество, незначительное, бѣдное, преслѣдуемое, предприняло такую гигантскую работу; откуда могло оно взять на это средства, и куда прятало землю изъ вырытыхъ галерей. Напротивъ, было весьма вѣроятно, что христіане воспользовались подземными пещерами, выкопанными гораздо раньше ихъ съ торговою цѣлью, мало извѣстными и очень удобными, чтобы скрываться. Вожаками и помощниками ихъ могли быть самые работники этихъ подземелій, рабы и люди изъ низшихъ слоевъ общества, между которыми, какъ предполагали, христіанское ученіе нашло своихъ первыхъ послѣдователей.

Но болѣе подробное и болѣе тщательное изученіе катакомбъ, и особенно грунта земли, въ которомъ онѣ выкопаны, на что прежде не обращали никакого вниманія, совершенно опровергнули эти предположенія, такъ ни правдоподобны они казались съ перваго взгляда.

III.

Почти всѣ римскія катакомбы вырыты въ вулканическомъ слоѣ, который бываетъ трехъ различныхъ свойствъ и дѣлится на слѣдующія три сорта: туфель каменный, туфель зернистый и туфель разсыпчатый. Слоѣ туфа каменистаго даетъ камень упругій, довольно легкій и чрезвычайно удобный для построекъ. Древніе Римляне называли его *Saxum quadratum, lapis rubeus* (камень четырехугольный, камень красный), по его цвѣту и по формѣ, которую ему давали для болѣе удобной и правильной кладки. Онъ постоянно былъ въ большомъ употребленіи у Римлянъ, и въ первыя вѣка существованія Рима составлялъ почти единственный строительный матеріалъ. Изъ него сложены подстроики и фундаменты Капитолия, тюрьма Сервія Туллія и многія другія зданія.

Туфель разсыпчатый, теперешняя поццолана, называлась у Римлянъ *агаена*,—это земля красноватаго цвѣта; будучи смѣшана съ извѣсткомъ, она даетъ превосходный цементъ, которому римскія зданія обязаны своею прочностью.

Туфель зернистый составляетъ переходъ отъ туфа каменистаго къ туфу разсыпчатому и бываетъ различной твердости, такъ что иногда мало отличается отъ туфа каменистаго (въ этомъ послѣднемъ видѣ онъ назывался у древнихъ *torhus*), но чаще приближается къ поццоланѣ. Онъ не имѣетъ достоинствъ ни туфа каменистаго, ни туфа разсыпчатого и содержитъ въ себѣ много земляныхъ постороннихъ частей, такъ что изъ него можно добывать поццолану только очень плохого качества. Въ рыхломъ состояніи онъ ни на что негоденъ; но если представляетъ нѣкую твердость, то можетъ быть употребленъ въ тѣхъ частяхъ зда-

ній, куда не проникаютъ лучи солнца и воздухъ. Въ постройкахъ временъ упадка Имперіи имъ иногда наполняли толщину стѣнъ и фундаментовъ.

Римляне добывали туфель каменный, т. е. твердый камень, и туфель разсыпчатый, или чистую поццолану; только эти матеріалы могли быть годны для ихъ построекъ. Такимъ образомъ произошли тѣ подземныя пещеры и обширныя каменоломни, находящіяся въ окрестностяхъ Рима, о которыхъ говорятъ Цицеронъ и Светоній, и гдѣ христіане только въ рѣдкихъ случаяхъ устраивали гробницы. Туфель зернистый даетъ непрочный камень и плохую поццолану; онъ не могъ быть поцезенъ Римлянамъ, и они постоянно оставляли его въ сторонѣ, находя возлѣ матеріалы лучшаго качества. Ни одна изъ древнихъ каменоломней или аренарій не находится въ слояхъ туфа зернистаго; совершенно напротивъ, галереи римскихъ катакомбъ проведены почти исключительно въ этомъ пластѣ вулканическаго грунта. Если туфель зернистый не былъ годенъ какъ строительный матеріалъ, то былъ вполне годенъ для выкапыванія катакомбъ.

Въ слояхъ каменистаго туфа или чистой поццоланы христіане находили землю слишкомъ рыхлую, которая осыпалась и не могла держаться въ сводахъ безъ подпорокъ и построекъ, или камень до того упругій, что въ него надо было вѣрзаться съ большими усилиями и съ значительной потерей времени. Туфель зернистый былъ напротивъ достаточно рыхлъ для легкаго прокапыванія галерей и вмѣстѣ на столько твердъ, чтобы держаться въ сводахъ гробницъ, галерей и даже довольно обширныхъ комнатъ. Въ сопоставленіи съ воздухомъ онъ высыхалъ и получалъ большую твердость.

По направленію галерей въ катакомбахъ не трудно замѣтить, что христіане постоянно искали слоя туфа зернистаго и удалялись отъ слоевъ твердаго камня и чистой поццоланы. Слѣдовательно, нельзя предположить, что катакомбы образовались по мѣрѣ того, какъ Римляне добывали изъ земли строительные матеріалы,—туфель вынутый изъ нихъ не могъ идти ни на какое употребленіе, ни въ какую торговлю.

Если и встрѣчаются иногда, впрочемъ очень рѣдко, галереи катакомбъ проведенныя въ пластахъ чистой поццоланы или рѣдшаго зернистаго туфа, годнаго на постройку, то они не начинаются въ этихъ слояхъ, а встрѣчаютъ ихъ на пути своего развитія, притомъ протяженіе ихъ такъ незначительно, что они должны считаться исключеніемъ.

Два катакомбы, Ponziano al Monte Verde и Valentino возл дороги Фламиния, находящаяся не въ волянническомъ грунтѣ, а въ слояхъ морского и рѣчнаго осадка, выкопаны также въ такой землѣ, которая не была годна ни на какое употребленіе.

IV.

Архитектурная форма катакомбъ еще болѣе, чѣмъ свойства земли, гдѣ онѣ находятся, подтверждаетъ ихъ христіанское происхожденіе.

Сравнивая аренаріи и каменоломни древнихъ Римлянъ съ катакомбами, находишь между ними большую разницу, — первая произошли отъ добыванія изъ земли строительныхъ матеріаловъ, въ слѣдствіе торговаго предпріятія, и это постоянно проявляется въ ихъ формѣ и расположеніи. Широкая и просторная галереи ихъ проведены въ одинъ этажъ и имѣютъ почти всюду одинакую вышину. Въ каменоломняхъ онѣ разбѣрены и устроены съ тою тщательностію, можно даже сказать съ тою изящностію, которую отличаются работы древнихъ Римлянъ, не исключая самыхъ грубыхъ, всего менѣе способныхъ принять правильную и красивую форму. Ширина и просторъ были необходимы въ этихъ подземныхъ пещерахъ, для движенія работниковъ, нагруженныхъ матеріаломъ, и для болѣе обильнаго добыванія его. Въ коняхъ поццоланы бока галерей представляютъ кривую вогнутую линію, потому что поццолана по причинѣ своей рыхлости не могла держаться и осыпалась.

Катакомбы напротивъ имѣютъ постоянно одну и ту-же форму, совершенно различную отъ каменоломней или аренарій. Онѣ вырыты въ нѣсколько, иногда въ пять этажей; галереи ихъ различно вышины, пересякаются почти всегда подъ прямыми углами, и до того узки, что идя занимаешь всю ширину хода, рѣдко два человека могутъ идти въ нихъ рядомъ. Бока галерей совершенно прамы въ катакомбахъ, какъ стѣны дома, и разбѣрены по числу нишей, которыя въ нихъ высѣчены; не трудно также замѣтить, что ходы вырыты для извѣстнаго количества

гробницъ, а не эти послѣднія устроены въ прежде существовавшихъ подземельяхъ. Иногда галереи не много превышаютъ обыкновенный человѣческой ростъ, но часто въ три или четыре раза выше; потолка ихъ обыкновенно плоски, иногда нѣсколько сводисты.

Добываніе какаго бы то ни было матеріала въ этихъ ходахъ, гдѣ съ трудомъ можетъ вернуться одинъ человѣкъ, или въ небольшихъ комнатахъ, соединенныхъ съ галереями узкими дверями, не только было бы трудно, но и положительно невозможно. Что прежде всего бросается въ глаза даже и поверхностному наблюдателю въ катакомбахъ, это — желаніе, выкапывая галереи, какъ можно меньше добыть зернистаго туфа, при возможно большемъ устройствѣ гробницъ; ни одинъ футъ земли не пропадаетъ даромъ, все разчитано такъ, что отъ верха до низа, отъ поворота до поворота, приходилось извѣстное число нишей. Ка-меноломни, приближающіяся по своимъ формамъ къ подземнымъ кладбищамъ, такъ не найдено еще катакомбъ пустыхъ, совершенно не занятыхъ гробницами.

Такимъ образомъ самыя формы катакомбъ, постоянно неизмѣнныя во всѣхъ свойствахъ грунта земли, какъ нельзя лучше доказываютъ, что только одна мысль занимала ихъ работниковъ: проводить узкія и по возможности высокія галереи, и высѣкать въ стѣнахъ ихъ горизонтальныя гробницы, одна надъ другой, въ нѣсколько ярусовъ.

До какой степени копи поццоланы древнихъ Римлянъ различны отъ катакомбъ, очень хорошо видно въ подземномъ кладбищѣ Св. Агніи, надъ которымъ находится аренарія, соединенная съ нимъ посредствомъ вѣстниці и колодезь.

Подобныя сообщенія встрѣчаются впрочемъ довольно часто. Изъ аренарій во времена преслѣдованій были проведены скрытыя ходы въ катакомбы, когда посѣщеніе послѣднихъ было запрещено специальными эдиктами императоровъ.

Весьма вѣроятно, что во времена гоненій нѣкоторыя галереи начались отъ аренарій. Есть даже примѣры превращенія ихъ въ кладбище; въ такомъ случаѣ оставшіяся копи поццоланы составляютъ верхній этажъ катакомбы, или только часть его, дальнѣйшее-же развитіе и нижшіе ярусы — работа однихъ христіанъ.

Нѣсколько подобныхъ катакомбъ найдено уже въ римской кампаніи, — это именно тѣ, которые въ дѣяніяхъ мучениковъ названы: ad arenarium,

in arenario, суграе arenariae, что ввело въ заблужденіе многихъ изслѣдователей подземнаго Рима и заставило ихъ предполагать, что катакомбы—безъ исключенія пещеры, образовавшіяся въ слѣдствіе добытія пощоланы.

Но эти превращенія аренарій въ кладбища встрѣчаются довольно рѣдко, оно и не могло быть удобно, потому что, по причинѣ рыхлости пощоланы, нельзя было устраивать гробницы въ нѣсколько ярусовъ; въ нѣкихъ мѣстахъ ихъ даже вовсе не выкапывали, вѣроятно изъ опасенія, что обрушатся своды хода. Иногда рядъ могилъ вдругъ прерывается у каменной стѣны, пересѣкающей широкую галерею аренарія, которая безъ сомнѣнія была тутъ построена, чтобы прекратить погребеніе въ такомъ неудобномъ и опасномъ мѣстѣ. Возлѣ одной изъ подобныхъ стѣнъ былъ найденъ спускъ въ катакомбу, находящуюся ниже, въ слѣбъ зернистаго туфа, обыкновенной формы и размѣровъ.

Но всего лучше доказываютъ, что аренаріи были неудобны для устройства гробницъ, и что христіане только въ случаѣ необходимости пользовались ими, работы, произведенныя для приспособленія ихъ къ погребенію, или лучше сказать, чтобы придать имъ форму катакомбы. Они раздѣляли пополамъ широкія галереи оставленныхъ копей пощоланы, выпрямляли ихъ по возможности, строили по срединѣ и съ боковъ галереи толстыя каменные стѣны, и въ нихъ устраивали гробницы, совершенно подобныя находящимся въ катакомбахъ.

Сообщенія съ аренаріями вѣроятно также помогали Христіанамъ скрывать во время гоненій туфъ, накопавшійся въ катакомбѣ по жѣрѣ того, какъ ее выкапывали; иногда онъ долженъ былъ очень затруднять христіанъ, и они принуждены были оставлять его въ подземельѣ. Есть галереи снова до верха заваленныя землей, послѣ того какъ гробницы ихъ были заняты. Осѣвъ отъ времени она оставляетъ небольшое пространство на верху хода; изслѣдователи подземнаго Рима пользуются имъ пробираясь ползкомъ и копируя надробныя надписи. Не трудно догадаться, что этотъ матеріалъ сложенъ тутъ первыми христіанами въ тѣ времена, когда выносить его изъ катакомбъ было опасно. Такимъ образомъ наполнялась галерея, исполнившая свое назначеніе, и открывалась новая.

Въ исторіи постепеннаго образованія подземныхъ кладбищъ, мы увидимъ другія подтвержденія, если они еще нужны, христіанскаго происхожденія катакомбъ.

У.

Всѣ римскія катакомбы находятся внѣ предѣловъ древняго города. Въ Римѣ языческомъ, точно также какъ и христіанскомъ, существовали законы, запрещавшія хоронить умершихъ и жечь ихъ тѣла въ городскихъ стѣнахъ, и не смотря на частое нарушеніе этихъ правилъ язычниками, первые Христіане, не желая вѣроятно увеличивать опасности своего положенія, устраивали кладбища внѣ Рима. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ хоронили они тайно мучениковъ въ городѣ, въ церквахъ и домахъ своихъ.

Катакомбы расположены за первой и не дальше третьей мили отъ стѣнъ Сервія Туллія, преимущественно вдоль большихъ дорогъ, которыя изъ столицы шли во всѣ концы Имперіи. *) Вѣроятно онѣ начались въ одно время во многихъ мѣстахъ кругомъ Рима, и впоследствии со всѣхъ сторонъ оцѣпили городъ, по обѣ стороны Тибра. Онѣ не соединены между собою ни самою стѣною галерей, ни отдѣльными ходами, какъ это прежде предполагали. Вырытыя большею частью въ холмахъ, катакомбы отдѣлены одна отъ другой глубокими и иногда болотистыми долинами, подъ которыми, если и возможно было прокапывать галереи, для погребенія жертвыхъ, то слишкомъ сырыя и подверженныя затопленію во время разливовъ Тибра; христіане хорошо это знали, и устраивали свои кладбища въ склонахъ и скалахъ холмовъ, въ мѣстахъ сухихъ и высокихъ. Они давали галереямъ обыкновенно чрезвычайно правильное горизонтальное направленіе, и ничто въ катакомбахъ не указываетъ на желаніе соединять ихъ между собою; это не дѣлалось даже и тогда, когда было возможно. Каждая катакомба имѣетъ свое названіе и развивается самостоятельно, независимо одна отъ другой.

Величину всѣхъ катакомбъ нельзя опредѣлить точнымъ образомъ, многія изъ нихъ извѣстны только по имени и еще не найдены; цѣлыя

*) Въ исторіи Рима языческаго консульской Аппіевой дорогѣ дано торжественное названіе Матери римскихъ дорогъ; ее можно также назвать дорогою отившихъ, потому что она была съ обѣихъ сторонъ на большое пространство отъ Рима устлана великолѣпными гробницами аристократическихъ едмалій; тутъ-же и около развиваются подъ землей самыя замѣчательныя христіанскія катакомбы: Praetextati ad Casuchbas, Domitillae, Basilide и Callisti. Часті очень замѣчательныя и не лишнія посѣдній обыкновенно показываютъ туристамъ.

части уже открытых пока завалены землей; во многія галереи их доступъ или совершенно невозможен, или сопряженъ съ большими трудностями и опасенъ по причинѣ обваловъ.

Долго существовало совершенно ошибочное и преувеличенное понятіе о протяженіи катакомбъ; до сихъ поръ есть въ Римѣ повѣрье, что онѣ соединены галереями подходящими подъ Тибръ, что съѣтъ ихъ идетъ до морскаго берега, даже до Неаполя и т. д. Открытія, произведенныя въ послѣднее время, опровергли эти басни; катакомбы представляютъ отдѣльныя группы и не распространяются далѣе нѣсколькихъ миль отъ Рима.

Основываясь на глубинѣ и обширности того слоя земли и той мѣстности, въ которыхъ христіане Рима выкапывали подземныя кладбища, и принимая въ соображеніе ихъ обыкновенные размѣры, можно предположить, что галереи катакомбъ, вытннутыя въ одну линію, представляли бы 860 верстъ длины. Разумѣется цифра эта приближительная. Что же касается до числа гробницъ, то его нельзя обозначить даже и приближительно. Такимъ образомъ мы видимъ, что величина катакомбъ и число христіанъ, погребенныхъ въ нихъ, пока еще не могутъ быть опредѣлены; но имѣть ли это большую важность; какъ бы то ни было, катакомбы все таки изумляютъ насъ своею громадностью, — только однѣ извѣстныя галереи ихъ представляютъ протяженіе въ нѣсколько сотъ верстъ и заключаютъ въ бокахъ своихъ миллионы гробницъ.

Катакомбъ около Рима насчитываютъ 42, *) которая дѣлается слѣ-

*) Всѣ христіанскія катакомбы Рима, или почти всѣ, извѣстны по имени, по крайней мѣрѣ надо такъ предполагать. Но не всѣ еще найдены, и не всѣ уже открыты извѣданы во всѣхъ ихъ частяхъ. Работы постоянно идутъ въ Римѣ, и каждый день происходятъ новыя раскопки и новыя открытія, такъ напримѣръ въ 1866-го году нашли очень замѣчательную катакомбу, находящуюся между консулярными дорогами Арриа и Ардеаліна вѣзлѣ катакомбы Каллиста, извѣстную подъ именемъ Balbine, и замѣчательную своими прекрасными архитектурными формами. Про это кладбище нѣсколько разъ говоритъ въ древнихъ указателяхъ слѣдующая мѣста Рима и въ надписяхъ; оно было найдено случайно еще въ прошломъ столѣтіи, но по принятому тогда археологами общепонятію не было сдѣлано никакихъ розысковъ для восстановления его имени и исторіи. Его лишили тѣхъ памятниковъ, которые можно было перенести на поверхность земли, и потомъ снова предала забвенію. Boldetti говоритъ въ своемъ сочиненіи, что нашелъ большую добычу христіанскихъ надписей, фресковъ, саркофаговъ и т. д. въ комнатахъ и галереяхъ большого подземнаго кладбища, которое судя по указаніямъ этого ученаго и есть катакомба Balbine.

дующимъ образомъ: 26 большихъ, но почти каждая изъ нихъ составилась изъ отдѣльныхъ частей (т. е. группъ ходовъ и комнатъ), которыя прежде существовали независимо одна отъ другой и имѣли каждая свое названіе; 11 малыхъ, — это большею частью гробницы мучениковъ, окруженныя незначительною стѣною галерей, и 5 вырытыхъ послѣ торжества христіанской религіи, т. е. послѣ Константина. Мы не будемъ перечислять ихъ; длинный рядъ именъ утомитъ читателя и имѣла и ничего не объяснить ему. Описывая катакомбы, мы будемъ называть ихъ, опредѣлять топографическое положеніе и время образованія ихъ.

Катакомбы вырыты обыкновенно въ нѣсколько, иногда въ пять этажей, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго толстыми слоями туфа и соединенныхъ посредствомъ лѣстницъ или колодезевъ.

Ничего въ этихъ подземныхъ кладбищахъ не указываетъ на случайность въ исполненіи работъ, въ распредѣленіи галерей и гробницъ; напротивъ всюду проявляется проникательное соображеніе, вѣрный расчетъ, можно даже сказать, иногда нѣкоторый артистическій смыслъ, особенно въ работахъ первыхъ временъ христіанства. Галереи развиваются довольно правильно одна надъ другою, съ меньшимъ по возможности уклоненіемъ отъ горизонтальнаго направленія, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, больше въ слѣдствіе обваловъ, переходить изъ одного этажа въ другой не замѣчая этого.

Верхніе ярусы находятся почти всегда въ глубинѣ 7-ми или 8-ми метровъ, но при неровности земли иногда не глубже 5-ти и даже 3-хъ метровъ. Средніе этажи, которые обыкновенно обширнѣе и правильнѣе остальныхъ, вырыты на глубинѣ отъ 10-ти до 15-ти метровъ, самыя же низшія обыкновенно не очень обширныя, отъ 18-ми до 20-ти метровъ, и иногда ниже, но это бываетъ очень рѣдко. Одно изъ самыхъ глубокихъ мѣстъ въ римскихъ катакомбахъ—это низшій этажъ кладбища Каллиста вѣзлѣ Аппіевой дороги,—онъ находится 25 метровъ подъ землею; на такой глубинѣ дѣлается трудно дышать и почти постоянно стоитъ вода.

Въ первыя вѣка христіанства въ катакомбы сходили прямо съ поверхности земли, по лѣстницамъ нисколько не скрытымъ во времена гоненій, изъ аренарій, или черезъ потаенныя отверстія; въ настоящее время въ нихъ спускаются по очень удобнымъ лѣстницамъ, построеннымъ или въ наши дни, или вскорѣ послѣ торжества христіанской вѣры. Пройдя всѣ ступени лѣстницы, входишь прямо въ темную галерею, и въ бокахъ ея видишь горизонтальныя гробницы, высѣченныя въ туфъ одна надъ другой, иногда во всей первобытной цѣлости, какъ ихъ заложили плитами семнадцать или восемнадцать столѣтій тому назадъ, но чаще уже разрушенныя невольными изслѣдователями подземнаго Рима и искастелами драгоценностей, открытыя и наполненыя костями, которыя рассыпаются и падаютъ въ прахъ отъ прикосновенія. Ошибочно было бы предполагать, что это подземное царство мертвыхъ производитъ непріятное впечатлѣніе, когда въ него проникаешь. Съ перваго взгляда кажется, что подземелья лишеныя свѣта, гдѣ можно ходить только съ факеломъ въ рукахъ, наполненыя могилами и воспоминаніями мученій, преслѣдованій, темныя пещеры, которыя вѣроятно видѣли послѣднюю развязку не одной кровавой трагедіи, не одной ужасной драмы, не могутъ возбудить ничего кромѣ тяжелаго и непріятнаго ощущенія. Совершенно напротивъ, чувства прямо противоположныя этимъ наполняютъ вашу душу, когда вы бродите по безмолвнымъ катакомбамъ; ничего въ нихъ не напоминаетъ вамъ перенесенныхъ страданій, ни даже смерти, и все, что васъ окружаетъ, отъ религіозныхъ изображеній до надписей, имѣетъ утѣшающее, обнадеживающее значеніе, и скорѣе радостный и веселый характеръ, чѣмъ печальное настроеніе. Ни разу вы не увидите представленія мученія или только инструментальнаго казни и чрезвычайно рѣдко прочтете слово «мученикъ» на надписи.

Изображеніе страданія и смерти не было также и въ характерѣ классическаго міра и его искусства; колумбаріи и языческія гробницы, открытыя теперь въ большомъ количествѣ около Рима, въ Кампаніи, часто украшены фресками и лѣпными работами, представляющими пастушескія сцены, деревья, плоды, цвѣты, птицъ и другіе предметы, нисколько не напоминающіе смерть, а скорѣе жизнь и ея тихія свѣтлыя

удовольствія, и дышатъ тою любовью къ природѣ, которой преисполненъ былъ міръ классическій.

Въ катакомбахъ точно также встрѣчаешь живопись веселаго и живаго характера въ чисто классическомъ вкусѣ; но по выбору сюжетовъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, представленныхъ на стѣнахъ ихъ, и по надписямъ гробницъ видно, что христіане вовсе не были озабочены мыслію удалить все, что напоминаетъ смерть и разрушеніе, подобно Римлянамъ, но что ихъ особенно занимала идея другаго рода, неясная для язычниковъ и понятная христіанамъ, именно: обѣщаніе воскресенія. Милліоны людей не лежатъ тутъ мертвыми, а скорѣе уснули, преисполненные великаго упованія и какого-то особеннаго таинственнаго ожиданія.

Надежда воскреснуть заставляла христіанъ считать смерть проходящимъ сномъ, и всюду въ катакомбахъ, вмѣстѣ съ выраженіемъ того спокойствія, которое испытываетъ человѣкъ, добросовѣстно исполнившій свою работу, свой долгъ, и отдыхающій въ ожиданіи обѣщаннаго награжденія, встрѣчаешь также представленія, намекающія на воскресеніе. Рядомъ съ изображеніемъ пальмовой вѣтви *) видишь представленія, обещающія помощь небесную во время несчастій и гоненій, какъ напримѣръ излѣченіе расслабленнаго, Давидъ въ положеніи молящагося между львами; три отрока также молящіеся въ огненной печи, но всего чаще тѣ событія, въ которыхъ просвѣчиваетъ мысль воскресенія, какъ напримѣръ Лазарь подымающійся по слову Спасителя, Иона поглоченный и изверженный чудовищемъ и другія тому подобныя представленія. Оно и не могло быть иначе, — вѣра въ воскресеніе тѣла, представляющая столько утѣшительнаго, особенно во времена страданій общества, во времена гоненій, должна была сдѣлаться однимъ изъ главныхъ догматовъ христіанской религіи, съ первыхъ минутъ ея появленія и всего болѣе способствовать ея распространенію. Это не было болѣе то неопредѣленное, темное понятіе о загробномъ существованіи, о продолженіи жизни въ гробницѣ, и тѣ неясныя идеи о безсмертіи души, болѣе философскія чѣмъ догматическія, Римлянъ язычниковъ, — это было положительное обѣщаніе воскресенія тѣла и жизни будущей, въ такой опредѣленной формѣ, какую не давала ни одна изъ существовавшихъ прежде религій, идея понятная

*) Въ Римѣ языческомъ она была символомъ побѣды; первые христіане выражали ею также побѣду надъ жизнью и ея искушеніями, побѣду надъ смертію, предвѣстную воскресенія, и часто рисовали ее послѣ надгробныхъ надписей.

каждому, которая глубоко западала въ душу и открывала новые горизонты. Эта мысль всего болѣе занимала первыхъ христіанъ и была особенно пріятна имъ.

Потому-то мы замѣчаемъ такое различіе во взглядахъ на смерть между первыми христіанами и язычниками. Языческія надгробныя надписи наполнены жалобами оставшихся и сожалѣніями умершихъ о жизни; мертвые у нихъ находятся въ глубокой и непроницаемой тѣмѣ и не перестаютъ упрекать боговъ, что они отторгли ихъ отъ близкихъ и отъ жизни. У христіанъ совершенно напротивъ, не встрѣчаешь ничего подобнаго. Вообще тонъ нѣжный и примирительный преобладаетъ въ ихъ памятникѣхъ и надписяхъ; въ нихъ никогда не выражено сожалѣнія о жизни, смерть не названа несчастіемъ, а переходомъ (transitus). Про умершихъ сказано, что они покоятся въ мѣстахъ свѣта, прохлажденія, мира (requiescit in loco refrigerii, luminis, pacis), что умершіи спятъ въ мирѣ (dormit in pace, in somno pacis), что тѣло его только поручено землѣ, что такой-то спитъ тутъ въ мирѣ (dormit hic in pace). Самыя катакомбы называются у христіанъ соеметеріумъ, отъ греческаго *κοιμητήριον*, что на этомъ языкѣ означаетъ мѣсто, гдѣ спать, и соответствуетъ русскому — усыпальница. Такъ иногда названы подземныя кладбища въ дѣлшіи мучениковъ и на надписяхъ. Комнаты въ катакомбахъ, по большей части фамильные склепы, гдѣ собирались христіане для совершенія религиозныхъ обрядовъ, носили у нихъ названіе *cubiculum*, *cubicula*, какъ покои у Римлянъ язычниковъ, назначенные для отдохновенія и сна. Слова *depositio*, *deposuit*, часто начерченные на гробницахъ христіанъ, означающія «положенъ на время», «временно порученъ», имѣютъ чисто христіанскій смыслъ и не встрѣчаются у язычниковъ. Гробница у послѣднихъ названа вѣчнымъ домою, *domus aeterna, domus aeternalis*.

Все въ катакомбахъ говорить намъ о снѣ умершихъ, и ничто не напоминаетъ смерти и разрушенія.

Названіе *Coemeterium*, которое мы объяснили выше, давали у христіанъ всякому кладбищу частному или общему, иногда одной гробницѣ. *Cryptae* (крипты), т. е. подземелье, въ которомъ хоронятъ, назывались въ Римѣ христіанскія кладбища, вырытыя въ землѣ. Слово это на греческомъ языкѣ означаетъ тайный, скрытый.

Въ первые вѣка христіанства, катакомбы назывались всего чаще *soemeterium* и *crypta*. Происхожденіе слова катакомбы (*catacumbae*)

неизвѣстно, и объясняется различнымъ образомъ. Это названіе давали прежде только той части кладбища св. Севастіана (*ad catacumbas*) вольѣ *Via Arria*, гдѣ, согласно древней легенды западной церкви, были положены на время тѣла апостоловъ Петра и Павла, отнятыя у восточныхъ христіанъ, которые, узнавъ ихъ кончину, пришли за этой драгоценной святыней, и уже уносили ее изъ Рима. Слово «катакомбы» ни разу не встрѣчается въ христіанскихъ надписяхъ первыхъ временъ. Только въ среднія вѣка стали называть катакомбами безъ различія всѣ подземныя христіанскія кладбища, находящіяся въ римской Кампаніи, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Неаполѣ, въ Кьюзи, въ Миланѣ и т. д.

Прямыхъ послѣдствіемъ вѣры въ воскресеніе тѣла было уваженіе къ праху умершаго, которому надлежало воскреснуть, и потому гробницы у первыхъ христіанъ получаютъ особенное значеніе. Главной заботой ихъ становится погребеніе умершихъ; мертвые дѣлаются имъ особенно дороги, и всѣ заботы живыхъ направлены на приготовленіе себѣ могилы, гдѣ они послѣ смерти будутъ ожидать воскресенія.

Фамильные склепы, богатые и украшенные фресками и саркофагами, являются у христіанъ уже въ первая времена распространенія новой религіи въ Римѣ; но изъ этого не слѣдуетъ, что бѣдные не имѣли гробницъ, что тѣла ихъ не были похоронены отдѣльно, приличнымъ образомъ; напротивъ, рядомъ съ мѣстами погребенія богатыхъ видны въ катакомбахъ и могилы немущихъ. Церковь не разъ выражала мнѣніе, что нѣтъ обязанности болѣе священной, какъ преданіе землѣ тѣлъ мучениковъ и вообще христіанъ; для этого разрушалась даже продажа драгоценной церковной утвари. Общая казна шла на содержаніе вдовъ, сиротъ и на погребеніе бѣдныхъ. Но христіане сами заботились при жизни о приготовленіи себѣ гробницы. По надписямъ видно, какую важность они придавали попеченіямъ этого рода. Часто родственники дѣлали гробницу умершему и упоминали объ этомъ, какъ бы радуясь, что исполнили свой долгъ предъ покойникомъ. На одной изъ такихъ надписей сказано, что жена своими попеченіями приготовила мѣсто успокоенія для себя, для мужа и для дѣтей. На другой, родители говорятъ про ихъ «сладчайшаго», *dulcissimus* (такъ часто названы умершія въ катакомбныхъ эпитафіяхъ), сына, что онъ при жизни купилъ себѣ гробницу на деньги заработанныя имъ. Иногда гробницу получали въ даръ, какъ

это видно изъ слѣдующей надписи: «Эту гробницу я получилъ отъ такого-то дражайшаго друга.»

Вмѣстѣ съ этимъ пощеченіемъ о могилѣ соединялась также забота, чтобы тѣло по возможности во всей цѣлости было положено въ гробницу; это происходило отъ повѣрья очень распространеннаго, можно даже сказать съ раннихъ временъ христіанства, что если тѣло будетъ сожжено, схоронено по частямъ, или разбросано, то воскресеніе его сдѣлается невозможнымъ. Мученики иди на казнь заботились о томъ, чтобы члены ихъ были собраны и положены вмѣстѣ въ землю, а не сожжены; просили объ этомъ друзей своихъ, палачей и иногда платили послѣднимъ за это. Съ своей стороны гонители, чтобы продлить послѣ смерти наказаніе упорныхъ христіанъ, и испугать еще живыхъ, не позволяли иногда хоронить мучениковъ, сжигали ихъ тѣла и раскидывали ихъ члены.

Мольбами и угрозами защищали христіане свои гробницы отъ разоренія и прахъ свой отъ оскверненія. Надгробныя надписи полны подобными просьбами и угрозами; *) онѣ впрочемъ принадлежатъ по большей части къ четвертому и слѣдующимъ столѣтіямъ, когда вошло въ обыкновеніе пользоваться старыми гробницами, вмѣсто того, чтобы выкапывать новыя. Въ первыя времена это только просьбы иногда довольно наивныя и трогательныя не тревожить сладкій сонъ ихъ, не нарушать спокойствія ихъ праха, который пишутъ часто отъ имени умершаго; но впоследствии тожъ мѣняется, и разрушительно гробницы, тому, кто ее откроетъ, кто положить въ нее другой трупъ, грозятъ проклятіемъ, пророчатъ ему, что онъ умретъ послѣднимъ изъ своихъ, не будетъ погребенъ и не воскреснетъ, — призываютъ его на судъ Божій и т. д.

Подобныя угрозы встрѣчаются и въ языческихъ надписяхъ, и они иногда заключаютъ слѣдующее: Да будутъ Боги неба и ада озлоблены противъ того, кто нарушитъ мое спокойствіе; да оскорбятъ его прахъ другіе; какъ онъ оскорбилъ мой и т. д. Римляне точно также озабочивали мысль успокоенія ихъ праха, и если они могли предвидѣть, что тѣло ихъ послѣ смерти не будетъ прилично похоронено, не удостоится

*) Ихъ встрѣчаютъ преимущественно въ эпитаціяхъ гробницъ расположенныхъ на поверхности земли, какъ бѣже катакомбныхъ подверженныхъ разрушенію и уничтоженію.

костра, сдѣлается добычею хищныхъ птицъ или звѣрей, то это было для нихъ предметомъ большихъ безпокойствъ; можно сказать, что весь античный міръ наполненъ тревожной заботой о судьбѣ тѣла послѣ смерти.

Но причина этихъ пощеченій не одна и та-же у язычниковъ и у христіанъ. Первые вѣрили въ какое то неопредѣленное продолженіе существованія послѣ смерти и боялись, что руна святотатца обезпокоитъ ихъ загробную жизнь или сдѣлаетъ ее невозможной, уничтоживъ ихъ тѣло; христіане же боялись, что расстаніемъ ихъ праха и раздѣленіемъ ихъ членовъ будетъ положено какъ бы нѣкоторое препятствіе воскресенію тѣла.

Но если и проявляется въ катакомбахъ эта нѣсколько тревожная забота о сохраненіи праха умершихъ для воскресенія, и если она принимаетъ иногда характеръ суевѣрія, то надо сознаться, что это въ то-же время создавало въ первобытномъ христіанскомъ обществѣ родъ равенства передъ могилой, заставляло смотрѣть съ одинаковымъ уваженіемъ на прахъ людей всѣхъ состояній и давало бѣднымъ право на гробницу.

Этимъ особенно отличается христіанскій способъ погребенія отъ языческаго. Въ древнемъ Римѣ было полное пренебреженіе въ трупу умершаго бѣднаго, о тѣлѣ богатаго заботились его наследники; что-же касается до погребенія неимущихъ, рабовъ и вообще всѣхъ, кому родные или друзья не могли доставить роскоши костра и гробницы, общество брало на себя обязанность уничтожать ихъ остатки.

Тѣла ихъ бросали одно на другое вмѣстѣ съ трупами животныхъ въ нарочно для того вырытыя ямы (puticoli), гдѣ они гнили и иногда дѣлались добычею хищныхъ звѣрей. Гораций въ одной изъ своихъ сатиръ съ отвращеніемъ говоритъ объ этихъ общихъ гробницахъ, которые находились на Эсквилинскомъ холмѣ; онѣ были перенесены оттуда Августомъ въ видахъ общественнаго здоровья. Впоследствии мѣсто ихъ заняли дворцы и сады Мелпата.

Для бѣдныхъ существовали также въ Римѣ общественныя костры (ustrinae publicae). Они находились за городомъ, въ мѣстахъ окруженныхъ каменными стѣнами, гдѣ безъ всякихъ обрядовъ сжигали кучами тѣла рабовъ и неимущихъ, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ смолистаго дерева, дымомъ своимъ очищавшаго воздуху.

У христіанъ не встрѣаешь ничего подобнаго, ихъ катакомбы имѣютъ по преимуществу общественный характеръ. Ни экономія мѣста, ни какія бы то ни было другія причины и соображенія не заставляютъ ихъ об-

ращаться презрительно съ прахомъ бѣднаго. Каждый покойникъ, кто бы онъ ни былъ, имѣетъ свою отдѣльную гробницу, остатки его не смѣшаны съ прахомъ другихъ; община заботится объ этомъ, и даетъ ему мѣсто, гдѣ онъ будетъ лежать въ ожиданіи великаго дня.

Только христіане поняли и возвели въ принципъ уваженіе къ праху мертваго, вслѣдствіе вѣры ихъ въ воскресеніе тѣла.

VI.

Если читатель никогда не видѣлъ катакомбъ, то легко можетъ себѣ представить ихъ. Это сѣть подземныхъ галерей, о размѣрахъ которыхъ мы уже говорили выше, соединяющихъ комнаты различной формы и величины, также высѣченныя въ туфѣ. Катакомбы прежде всего назначены были для погребенія и потому онѣ устроены такъ, чтобы дать по возможности мѣсто большому числу гробницъ. Галереи въ нихъ не служатъ для перехода изъ одной части въ другую, онѣ составляютъ самое кладбище; въ бокахъ ихъ, равно какъ и въ бокахъ комнатъ, высѣчены въ туфѣ горизонтальныя ниши въ длину погребеннаго тѣла. Эти углубленія, которыя можно сравнить съ полками шкафа, расположены ярусами, иногда до двѣнадцати, и занимаютъ всю сторону галереи и комнаты отъ верха до низу. Стѣнка въ нѣсколько дюймовъ толщины, оставленная въ туфѣ, отдѣляетъ ихъ одну отъ другой; они нѣсколько шире въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ голова, и на столько высоки, чтобы дать свободное помѣщеніе тѣлу умершаго.

Гробницы такой формы назывались locus, loculus. *) Онѣ вырыты обыкновенно для одного трупа; иногда впрочемъ, когда грунтъ земли позволялъ выкапывать болѣе глубокія ниши, въ нихъ находилось до пятинадцати тѣлъ, положенныхъ одно возлѣ другого и заботливо отдѣленныхъ.

*) Слова эти часто встрѣчаются на христіанскихъ и языческихъ надписяхъ, и означали собственно мѣсто, куда вложи тѣло покойника.

Это случается довольно рѣдко. Гробницы двойныя (bisomus), тройныя (trisosomus), четверныя (quadrisomus) попадаются чаще. На многихъ надписяхъ въ родѣ слѣдующей говорится о гробницахъ двойныхъ, тройныхъ и т. д. «Hic est locus quem se viva Gentia bisomu com. paravit». Это мѣсто при жизни купила Gentia для двойной гробницы.

Locus выкапанъ обыкновенно такъ, чтобы тѣло умершаго лежало въ немъ вытянутымъ, не въ искривленномъ положеніи. Если есть гробницы кривыя, то они встрѣчаются очень рѣдко. Вѣроятно для болѣе правильнаго распредѣленія loculi, можетъ быть также, для сбереженія мѣста, людей одного возраста хоронили вмѣстѣ, такъ напримѣръ въ катакомбахъ Киріаки можно видѣть три параллельныя яруса гробницъ, для взрослыхъ, для средняго возраста и для младенцевъ.

Отверстія loculus закрывали плитами (tabulae), которыя вставляли въ карнизъ, нарочно для того оставленный въ туфѣ съ наружной стороны, и замазывали ихъ цементомъ, такъ что гробница была герметически запѣрta, и гніеніе тѣла не заражало воздуха. Благодаря этой предосторожности и свойству зернистаго туфа, втягивать и поглощать всякую влажность, галереи и комнаты катакомбъ были постоянно доступны не только для посѣщенія, но и для продолжительнаго пребыванія въ нихъ, не смотря на то, что ихъ наполнили мертвыя тѣла. Плоскія и довольно тонкія черепицы, которыми Римляне крыли кровли зданій, часто служили христіанамъ, чтобы закрывать loculi; ихъ обыкновенно было три, иногда онѣ замѣнялись мраморными плитами или сплошною мраморною доскою. На этихъ плитахъ или черепицахъ, вырѣзывали или писали надгробную надпись, имя усопшаго, его возрастъ, день его смерти, погребенія и изображали нѣсколько символическихъ знаковъ.

Рис. 1.

Приложенный рисунокъ № 1., взятый изъ сочиненія Martigny, Dictionnaire etc., изображаетъ гробницу (loculus) запѣртую съ надписью: «Киріакъ сладчайшей покойной съ миромъ; жила 35 лѣтъ; иды марта».

и съ четырьмя символическими знаками, очень часто употребляемыми первыми христианами, — монограмма Христа, пальмовая вѣтвь, голубь съ оливковою вѣткой и якорь.

Рис. 2.

На рисунокъ № 2, взятъ изъ сочиненія Martigny, Dictionnaire etc., читатель видитъ *loculus*, у котораго вынуты двѣ плиты, такъ что можно видѣть положеніе тѣла въ гробницѣ; на цементъ, соединяющемъ плиты, изображеніе пальмовой вѣтви.

Рис. 3.

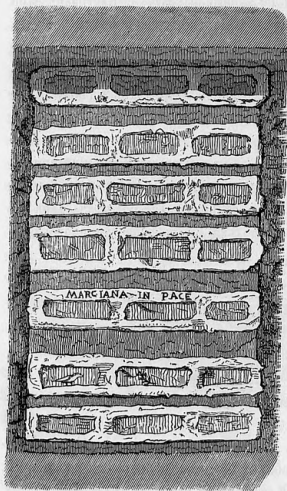
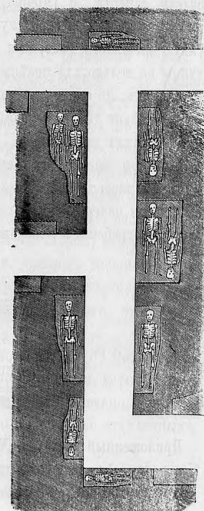

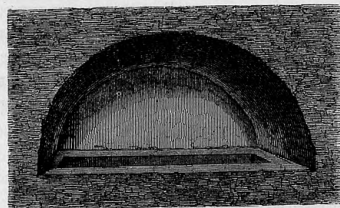
Рис. 4.

Рисунокъ № 3, взятый изъ сочиненія P. Marchi, Monumenti etc., изображаетъ заложенныя гробницы, одна надъ другою, какъ ихъ находятъ въ галереяхъ катакомбъ; а рисунокъ № 4, взятый изъ сочиненія P. Marchi Monumenti etc., горизонтальный разрѣзъ гробницъ въ галереяхъ и положеніе тѣлъ умершихъ.

Кромѣ горизонтальныхъ нишъ (*loculus*) встрѣчаются также гробницы, имѣющія форму арки и называемыя *arcosolium*. Онѣ также высѣчены въ бокахъ галерей, и подъ аркой въ толщинѣ туфа вырыта самая гробница, имѣющая видъ четырехугольнаго продолговатаго углубленія, какъ это видно на рисунокѣ № 5, взятомъ изъ сочиненія G. B. de Rossi, Roma Sotterranea T. II. Ея мѣсто иногда занималъ саркофагъ.

Рис. 5.

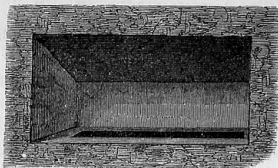
Арка надъ подобными гробницами образовалась вѣроятно потому, что для выкапыванія ихъ, для помѣщенія покойника въ саркофагъ и для утвержденія на послѣднемъ его верхней части или крышки необходимо было сдѣлать небольшое углубленіе въ туфѣ, въ которомъ могъ бы работать могильщикъ. Этому углубленію давали форму арки, отчего и произошло названіе *arcosolium*. (*Solium* называли Римляне-язычники богатые саркофаги или погребельныя урны. Христіане давали иногда это названіе саркофагамъ, въ которыхъ лежали мощи святыхъ, и которые стояли подъ престолами.) Само *arcosolium* сдѣлалось извѣстно изъ многочисленныхъ христіанскихъ надписей въ родѣ слѣдующей: «*Aur Celsi et Aur Maritatis compari mees fecimus nobis et nostris et amicis arcossolio cum pariculo suo in pasem*» и т. е. Авр. Кельсь и Авр. Маритасъ (собственныя имена мужа и жены) сдѣлали для себя, для нашихъ и для друзей этого *arcossolio* съ его стѣнкой; въ мирѣ. (Этими послѣдними словами очень часто кончаются надгробныя

надписи въ катакомбах). Стѣнка, о которой говорится въ надписи, отдыала углубленіе, т. е. то мѣсто, гдѣ лежалъ покойникъ, отъ галерей, и по большей части оставалась въ толщинѣ туфа; но иногда была сложена изъ кирпичей или плитъ; наружная часть ея, равно какъ и глубина ниши или арки, и ея внутреннія стороны часто украшены живописью, изображающею сцены изъ Вѣтова завѣта, Добраго пастыря, Богородицу, христіанскія событія, молящихся и т. д.

Argosolium дѣлился иногда на нѣсколько частей, и былъ своего рода семейной гробницей, какъ это видно по надписи приведенной выше и по многимъ другимъ подобнымъ, въ которыхъ сказано, что онъ сдѣланъ на счетъ своихъ хозяевъ для близкихъ и друзей.

Встрѣчаются также въ катакомбахъ гробницы, у которыхъ нижняя часть совершенно похожа на argosolium, но верхняя вмѣсто арки имѣетъ четырехугольную продолговатую нишу; *) иногда ее закрывали плитами у отверстія, и тогда она снаружи имѣла видъ обыкновеннаго запертаго loculus. Гробницы подобной формы принадлежатъ къ первымъ временамъ христіанства; тогда ихъ дѣлали чаще, чѣмъ argosolium,

Рис. 6.

который только впоследствии вошелъ въ большое употребленіе; но не смотря на то, что слово argosolium не встрѣчается въ римскихъ христіанскихъ надписяхъ, гробницы съ арками и четырехугольными продолговатыми нишами были известны Римлянамъ, Евреямъ, послѣдователямъ восточныхъ вѣрованій, и видны въ ихъ скелетахъ. Слѣдуетъ потому предположить, что христіане переняли у нихъ гробницы этой формы, давъ имъ особенное названіе.

*) См. рисунокъ № 6-ой взятый изъ сочиненія Г. В. de Rossi, Roma Sotterranea, Т. II.

Но что несомнѣнно принадлежить христіанамъ, это превращеніе argosolium со сводистой или четырехугольной нишей въ престолъ.

Съ первыхъ временъ распространенія христіанства въ Римѣ, послѣдователи новой религіи собирались въ своихъ подземныхъ кладбищахъ къ могиламъ мучениковъ въ день ихъ смерти, украшали ихъ цвѣтами, зажигали около нихъ небольшія глиняныя лампы съ различными символическими изображениями, и на гробницахъ этихъ героевъ вѣры, вспоминая ихъ подвиги, поддѣрживали себя ихъ примѣромъ и молились. За этимъ слѣдовало общественныя братскія пиршества, называемыя «агаре» (слово означющее на греческомъ языкѣ любовь, милосердіе). А такъ какъ argosolium можно было высѣкать въ туфѣ только въ нижнемъ ярусѣ гробницы, непосредственно надъ землей, то таинства совершались надъ прахомъ мученика (если онъ лежалъ въ argosolium, а не въ обыкновенной гробницѣ loculus) на мраморной доскѣ, называемой mensa, которая покрывала саркофагъ или, если его не было, гробницу argosolium. Эти доски не всегда были крышами; ихъ переносили съ одной гробницы на другую, въ день поминованія умершаго, какъ это видно по кощамъ, часто прикрученнымъ къ нимъ.

Такимъ образомъ вошло въ употребленіе, принятое впоследствии во всей церкви, совершать таинство надъ мошами мучениковъ или святыхъ, и въ катакомбахъ слѣдуетъ искать первоначальный типъ христіанскихъ престоловъ. Очень рѣдко совершали таинство не надъ прахомъ мученика, а на мраморной доскѣ, нарочно вдѣланной возлѣ его гробницы въ туфѣ. Въ нѣкоторыхъ катакомбныхъ комнатахъ, въ сторонѣ находящейся противъ входа, сдѣлана первоначально только одна гробница, формы argosolium, или съ четырехугольной нишей, и въ этомъ можно видѣть какъ бы намѣреніе устроить престолъ. Есть саркофаги, выступающіе нѣсколько впередъ изъ подъ арки, безъ сомнѣнія назначенные служить престоломи; въ католической церкви престолы до сихъ поръ сохранили форму продолговатыхъ саркофаговъ. Въ комнатахъ большаго размѣра, гдѣ собиравались не только для поминованія мучениковъ и вообще христіанъ въ день ихъ смерти, но также для проповѣдей и церковныхъ церемоній, были найдены престолы четырехугольные, стоящіе не у стѣны, а по серединѣ комнаты. Противъ нихъ находится обыкновенно кресло епископа, въ особенной нишѣ высѣченное въ туфѣ. Престолы отдѣльно стоящіе, не гробницы, вѣроятно переняты христіанами у Евреевъ, находить въ катакомбахъ гораздо рѣже, чѣмъ престолы гробницы.

Саркофаги вошли въ употребление у христіанъ съ самыхъ раннихъ временъ *) и хотя большая часть гробовъ этого рода принадлежитъ къ четвертому и послѣдующимъ столѣтіямъ, но нѣкоторые изъ нихъ, найденные цѣлыми или въ кускахъ, по стилю ихъ барельефовъ слѣдуетъ отнести къ предшествующимъ вѣкамъ, и даже къ хорошему періоду римскаго искусства. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего неправдоподобнаго.

Если христіане до торжества церкви т. е. до Константина, во времена спокойствія и болѣе, иногда довольно продолжительна, могли строить въ Римѣ церкви не въ катакомбахъ, и на поверхности земли, нисколько не скрываясь, то тѣмъ болѣе богатые и знатные Римляне (въ средѣ которыхъ христіанское ученіе съ первой минуты своего распространенія нашло гораздо большее число покровителей, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ) могли устраивать себѣ богатые гробницы изъ мрамора на подобіе тѣхъ, которыми употребляли Римляне не христіане.

Въ Римѣ языческомъ саркофаги, перенятые у сосѣднихъ Этрусковъ, были въ употребленіи съ самыхъ раннихъ временъ существованія этого города, но число ихъ стало умножаться съ перваго вѣка имперіи, когда обыкновеніе сжигать тѣла мало по малу стали оставлять, и древній обычай хоронить ихъ, который никогда не прекращался совершенно, снова началъ распространяться. Это были продолговатые, четырехугольные гробы, формы высокихъ ящиковъ, мраморные или каменные (у Этрусковъ изъ обожженной глины), часто вырубленные въ одномъ кускѣ, и покрытые крышею изъ того-же матеріала. Они бывали различныхъ размѣровъ, начиная отъ величинъ обыкновеннаго гроба, въ который можно помѣстить только одно тѣло, до большихъ, для нѣсколькихъ умершихъ, раздѣленные внутри. Иногда въ саркофагъ колоссальныхъ размѣровъ помѣщали только одно тѣло, но въ такомъ случаѣ лица чрезвычайно значительнаго при жизни, какъ напримѣръ императора, папы или члена царствующаго дома. Тѣ два громадные саркофага изъ цѣльнаго куска порфира, которые находятся теперь въ Ватиканскомъ музеѣ, служили,

*) Мы увидимъ ниже, что нѣкоторые части катакомбъ, образованіе которыхъ слѣдуетъ отнести къ первымъ временамъ распространенія новой религіи въ Римѣ, не имѣютъ ни горизонтальныхъ гробницъ, ни аггловіи, а только «ниши» для постановки саркофаговъ. Aggrolum съ аркой или съ четырехугольной нишей есть также своего рода саркофагъ, вырубленный въ туфѣ, и составляетъ, такъ сказать переходъ въ нушу отъ loculus.

какъ предполагаютъ, гробницами—одинъ Констанціи, дочери императора Константина; другой его матери, св. Елены.

Барельефы иногда видны на наружныхъ частяхъ саркофаговъ; рѣдко на всѣхъ четырехъ сторонахъ его, чаще на одной продолговатой и двухъ боковыхъ. Обыкновеніе украшать подобныя гробницы скульптурными работами существовало у многихъ народовъ древнаго міра, у Египтянъ, Этрусковъ и т. д., и Римляне вѣроятно переняли его у послѣднихъ.

Сюжеты, изображенныя на языческихъ саркофагахъ по большей части заимствованы изъ мифологіи, но иногда изъ ежедневной жизни, и въ нихъ виденъ намекъ на занятія умершаго; часто представлены работы Геркулеса, охота Мелеагра, Музы и т. д. или главное событіе существованія покойника, какъ напримѣръ его свадьба, триумфъ. Очень обыкновенны также сцены символическаго значенія, какъ напримѣръ Діана, будящая Эндиміона поцѣлуемъ, Бахусъ приближающійся въ сплывѣ Аріаднѣ: явное выраженіе надежды на загробное существованіе, начинающееся въ ту минуту, когда умершій проснется въ объятіяхъ любящаго божества. Истребленіемъ семейства Нюбидовъ и похищеніемъ Прозерпины Плутонъ выразена менѣе утѣшительная мысль о жестокомъ производѣ боговъ, умерщвляющихъ смертныхъ и отторгающихъ ихъ отъ близкихъ, отъ жизни и друзей. Второе изъ этихъ изображеній могло имѣть и не столь печальный смыслъ, если принять въ соображеніе возвращеніе Прозерпины на землю. Въ средѣ между этими сценами не рѣдко видны барельефные портреты или бюсты погребенныхъ, поддерживаемые крылатыми гениями, обыкновенно мужа и жены, руки которыхъ соединены, какъ бы для послѣдняго прощанія, или для нѣжнаго утѣренія въ продолженіи загробномъ супружеской любви и вѣрности. На крышкахъ нѣкоторыхъ саркофаговъ супруги представлены въ полудлечемъ положеніи, иногда во весь ростъ.

Барельефныя работы саркофаговъ по большей части имѣютъ мало артистическаго достоинства. Очень вѣроятно, что они дюжинами изготовлялись въ мастерскихъ, и выбирались потомъ покупателемъ по его вкусу. Христіанскіе саркофаги имѣютъ совершенно форму языческихъ, но только вмѣсто мифологическихъ фигуръ на барельефахъ ихъ представлены сцены изъ Ветхаго Завета или изъ жизни Спасителя, имѣющія символическій смыслъ, какъ напримѣръ превращеніе воды въ вино и умноженіе хлѣбовъ, что изображало таинство евхаристіи; воскрешеніе Лазари, какъ мы уже говорили, выраженіе надежды на возстаніе изъ мертвыхъ,

или просто сельскія сцены, не без скрытаго смысла, какъ напримѣръ: жатвы, что могло означать вознагражденіе послѣ смерти за труды жизни; времена года, — зима изображала у христіанъ конецъ человѣческой жизни, а весна — жизнь будущую.

Фигуры и сцены, представленныя на саркофагахъ, почти всегда имѣютъ болѣе темный, болѣе тайный смыслъ, чѣмъ фрески въ подземныхъ кладбищахъ; и въ Римѣ, гдѣ христіанское искусство, скрытое въ катакомбахъ приняло въ первыя три столѣтія такое значительное развитіе, совершенно различны были изображенія живописи и скульптуры. Въ первой мы встрѣчаемъ историческія сцены изъ Ветхаго и Новаго Завета, символическаго значенія, фигуры Христа, Богородицы, Апостоловъ и вѣрующихъ въ положеніи молящихся, иногда даже представленіе таинствъ евхаристіи и крещенія. Совершенно напротивъ въ скульптурѣ до Константина мы не находимъ подобной ясности; аллегорія и параболы преимущественно преобладаютъ въ ней. Причину болѣея свободы выраженія догматовъ въ живописи, чѣмъ въ скульптурѣ, не трудно угадать. Саркофаги можно было работать только внѣ катакомбъ, часто передъ глазами язычниковъ, отъ которыхъ благоразумно было скрывать изображеніе христіанскихъ сказаній, надеждъ и вѣрованій даже во времена спокойствія и относительной терпимости. Въ живописи-же, писавшейся въ самыхъ катакомбахъ, которую видѣли только люди, посвященные въ таинства христіанскаго ученія, или готовившіеся принять ихъ, не было ни какой нужды прибѣгать къ фигурамъ, и сценамъ скрытаго значенія. Есть барельефы саркофаговъ, символическія изображенія которыхъ до того темны и неопредѣленны и до того приближаются къ классическому искусству Римлянъ и даже къ ихъ мифологіи, что они вѣроятно были заказаны христіанами языческимъ мастерамъ, которые конечно нисколько не подозрѣвали, что работаютъ для послѣдователей ученія Спасителя. Случалось также, что послѣдніе употребляли саркофаги Римлянъ, имѣвшіе менѣе языческій характеръ, и при этомъ сбивали или скрывали нѣкоторыя фигуры или прибавляли къ нимъ христіанскія изображенія и надписи *).

*) Даже мы будемъ говорить съ болѣею подробностію о саркофагахъ; описаніе и объясненіе ихъ барельефовъ пойдетъ въ отдѣлъ исторіи христіанскаго искусства; тутъ мы только хотѣли дать понятіе читателю о сѣрѣ этихъ гробовъ, перенятыхъ христіанами у Римлянъ язычниками.

Въ катакомбахъ саркофаги помѣщали подъ аркой *arcosolium* и въ этомъ положеніи они, какъ мы видѣли, иногда служили престоломи; или ставили ихъ на землю къ сторонамъ галерей и комнаты. Внѣ катакомбъ они стояли въ полусводѣ абсиды базиликъ, или вдоль стѣнъ, съ наружной или внутренней стороны, часто подъ портиками и на кладбищахъ, которыя окружали первобытныя христіанскія церкви.

Послѣ Константина начали хоронить въ полу церквей, и при этомъ тѣло лежало въ могилахъ, выложенныхъ плитами, или въ саркофагахъ; но послѣднее только въ рѣдкихъ случаяхъ; обыкновенно эти мраморныя гробницы, украшенныя скульптурными работами, не были зарыты въ землю, а стояли на виду. До постройки базиликъ саркофаги ставили въ небольшія зданія (*cella*) погребальнаго назначенія, или около нихъ.

УШ.

По надписямъ видно, что христіане иногда покупали мѣсто въ катакомбахъ для устройства гробницы; съ какихъ поръ начинается это обыкновеніе, опредѣлить теперь довольно трудно. Слѣдуетъ предположить, что было время, когда они ничего не платили за свои могилы; по крайней мѣрѣ, какъ мы уже сказали, въ катакомбахъ нѣтъ и слѣда того, что называли бы въ наше время кладбищемъ бѣдныхъ (*fosse commune*), гдѣ похоронены немнущіе съ болѣею небрежностію и скудностію, чѣмъ люди богатые. Въ тѣ времена, когда катакомбы еще не составляли собственности христіанской общины, богатые христіане въ Римѣ, устроивъ себѣ ипогей т. е. подземелье, назначенное для погребенія, позволяли бѣднымъ проводить галереи и хоронить около ихъ безвозмездно; такимъ образомъ и начались катакомбы, какъ доказали послѣднія открытія. Но изъ этого не слѣдуетъ предполагать, что только одни бѣдные похоронены въ грубыхъ нишахъ галерей; напротивъ по надписямъ видно, что иногда знатные люди скромно положены въ простыхъ *loculi*. Когда подземныя кладбища стали переходить въ руки церкви и начали принадлежать ей, еще до торжества христіанства, она хоронила бѣдныхъ, и тѣ надписи, найденныя до сихъ поръ, въ которыхъ говорится о покупкѣ мѣста въ ка-

катакомбах, относятся къ четвертому и последующим столѣтіямъ. Но очень вѣроятно также, что люди достаточные всегда имѣли возможность на свой счетъ и по своему вкусу устроить себѣ фамильную гробницу въ галереяхъ катакомбъ. На надписяхъ многихъ *arcosolia*, гробницы больше дорогой, чѣмъ обыкновенная горизонтальная ниша, часто упоминаютъ, что онѣ сдѣланы на счетъ своихъ хозяевъ, какъ бы желая этимъ сказать, что общественная казна не была обременена ихъ устройствомъ. Съ четвертаго столѣтія число эпитафій съ означеніемъ продажи мѣста въ катакомбахъ идетъ возрастая. Въ нихъ рѣдко означена самая цѣна, а сказано только, что за мѣсто заплачено; на одной изъ подобныхъ надписей, очень интересной своими подробностями, названы свидѣтели покупки, и хорошо опредѣлено то мѣсто, гдѣ находится гробница; на другой сказано, что куплена третья часть тройнаго *loculus* (*loculus trisomus*), въ которомъ уже схоронены два другихъ христианина, названные по имени.

Изъ эпитафій также видно, что мѣста въ катакомбахъ покупались у *fossores*, т. е. могильщиковъ. Это были люди посвятившіе себя прокапыванію галерей, гробницъ и погребенію умершихъ. Они появляются въ христіанской общинѣ въ Римѣ въ первые годы ея существованія, и въ началѣ, особенно во времена гоненій, должны были пользоваться большимъ уваженіемъ между христіанами. Ихъ названіе происходитъ отъ слова «*foedere*», копать, и встрѣчается на надписяхъ, какъ напримѣръ въ слѣдующей: «*Felix Fossarius in pace*». (Феликсъ могильщикъ въ мирѣ.) По всей вѣроятности они раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ: одни выкапывали галереи, превращали, когда было нужно, добытый туфъ въ песокъ, и выносили его изъ катакомбъ; другіе приносили тѣла умершихъ; третьи копали могилы, хоронили мертвыхъ, писали надписи и т. д.

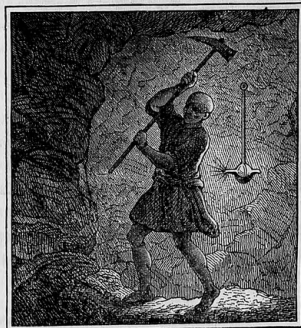
Неутомимые работники подземнаго Рима и вмѣстѣ самые вѣрные, самые отважные послѣдователи христіанскаго ученія, они вѣроятно не разъ рисковали жизнью, исполняя свою темную обязанность; собирая во времена гоненій части мучениковъ передъ глазами судей и палачей, на площадяхъ, въ амфитеатрахъ, переноса трупы изъ домовъ въ катакомбы, и проникая въ нихъ, когда входъ въ эти ипогеи былъ запрещенъ, подъ страхомъ смертной казни, особенными эдиктами императоровъ.

Уже во времена Траяна, папа Еваристъ, раздѣлилъ Римъ на известное число приходоу, постановилъ, что каждый изъ нихъ долженъ имѣть

отъ восьми до десяти могильщиковъ и свое отдѣльное кладбище. Императоръ Константинъ опредѣлялъ имъ особенныя жилища, въ различныхъ кварталахъ Рима, и на надписяхъ ихъ гробницъ означены части города, къ которымъ они принадлежали, какъ напримѣръ «*Junius fossor Aventinus*». (Юній могильщикъ Авертинскій). Можетъ быть они имѣли мѣсто въ церковной іерархіи, когда она образовалась, и принадлежали къ низшимъ степенямъ духовенства.

Въ катакомбахъ довольно часто представлены могильщики во время работы, какъ видно на рисункѣ № 7, взятомъ изъ сочиненія *Martigny, Dictionnaire etc. Fossor* ударяетъ ломомъ въ зернистый туфъ, который округляется и принимаетъ видъ свода надъ его головою; лампа особенной формы свѣтитъ ему въ подземельѣ. Иногда *fossor* изобра-

Рис. 7.

женъ въ ту минуту, когда онъ начинаетъ выкапываніе свода на поверхности земли, въ скатѣ холма, что также можетъ служить доказательствомъ христіанскаго происхожденія римскихъ катакомбъ. Въ кладбищѣ Каллиста, находящемся вблизи Аппиевой дороги, нашли желѣзный ломъ, очень похожій на тѣ, которые представлены въ рукахъ могильщиковъ.

Въ той-же катакомбѣ было открыто изображеніе *fossor*'а, сдѣланное на его гробницѣ; на надписи (читатель можетъ видѣть ее на при-

ложенномъ рисунокѣ № 8., взятомъ изъ сочиненія Boldetti, Osservazioni etc.) сказано слѣдующее:— «Диогенъ могильщикъ, въ мирѣ, положенъ въ восьмой день октябрскихъ календъ.»— Это молодой человѣкъ съ коротко остриженными волосами, какъ носили Римляне, въ туникѣ; на краяхъ ея и на правомъ плечѣ видны знаки приближающагося къ формѣ креста; *) въ правой рукѣ онъ держитъ ломъ, а въ лѣвой заж-

Рис. 8.

женную лампу. Другіе инструменты его промысла разбросаны у его ногъ. Онъ представленъ во вѣнцѣмъ знанія, вѣроятно въ одной изъ тѣхъ ча-

*) Совершенно такіе же знаки употреблялись съ самыхъ древнихъ временъ въ Индіи, гдѣ они встрѣчаются на памятникахъ Браманизма а Будизма, но чаще на послѣднихъ. Это были знаки благословенія, счастливаго предзнаменованія, процвѣтанія, привѣствія и на санскритскомъ языкѣ назывались *свастика* (Svastika). Надписи въ пещерахъ восточной Индіи, посвященныя погловенію Буды, по большей части начинаются или кончатся ими, подобно тому какъ христіанскія надписи шестаго столѣтія заключаются крестомъ или иудей отъ него. Такіе-же знаки употреблялись въ западной Азіи, въ Греціи и встрѣчаются на Греческихъ вазахъ, въ Италіи и въ Римѣ во времена императоровъ. Въ христіанской археологіи они называются „сгиг gammata“, потому что составлены сращеніемъ четырехъ греческихъ буквъ Г (gamma). Мы будемъ говорить о происхожденіи и употребленіи ихъ христіанами въ отдѣлѣ символическихъ знаменъ этого сочиненія.

совенъ, которыя стояли надъ катакомбами, въ ту минуту, когда готовъ спуститься въ подземелье. Нѣтъ сомнѣнія, что эта фреска была написана послѣ торжества церкви; прежде могильщиковъ изображали за работой, когда они копали землю и рублили туфъ въ узкихъ галереяхъ.

Осматривая гробницы въ катакомбахъ, ихъ размѣры и систему расположенія, нельзя не замѣтить, что могильщики высѣкали ихъ, снявъ мѣрку съ тѣла умершаго. Онѣ бываютъ различной величины, начиная отъ самыхъ незначительныхъ для младенцевъ до большихъ для людей высокаго роста; только при подобной системѣ возможно было не терять напрасно мѣста и экономичности распределять его.

Послѣ Константина церковь съ каждымъ годомъ все менѣе и менѣе пропавшая новыя галереи въ подземныхъ кладбищахъ; эти послѣднія, какъ видно по надписямъ, перешли въ руки могильщиковъ и сдѣлались ихъ собственностью; они производили въ нихъ работы на свой счетъ, продавали мѣста и даже передавали по наслѣдству это право своимъ потомкамъ, какъ это видно по надписи, въ которой сказано, что гробница куплена у «fossores discendentibus» (у потомковъ могильщика).

Въ послѣдній разъ говорится на надписяхъ о fossores въ 454-мъ году (т. е. около того времени, когда прекращается погребеніе въ катакомбахъ) по поводу гробницы не выкопанной, а сложенной или построенной пертъ гробницей свяятаго Емерита и проданной за дорогую цѣну. Послѣ торжества церкви общество fossores завладѣло также и землями, которыя окружали базилики, построенныя надъ катакомбами. Было ли оно уничтожено римскимъ епископомъ или распалось само, неизвѣстно; но съ середины пятаго столѣтія, въ актахъ продажи, уступки и постройки гробницъ, расположенныхъ на поверхности земли, о нихъ больше не упоминается; ихъ мѣсто занимаютъ священники, а въ базиликѣ Ватикана самъ папа.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ первые вѣка христіанства fossores были усердными послѣдователями новой религіи, но въслѣдствіи сдѣлались торговцами и продавали гробницы въ тѣхъ катакомбахъ, которыя предшественники ихъ прокопали съ опасностію жизни, поддерживаемые не надеждою на выгоду, а великою вѣрой, безъ которой никогда не образовался бы этотъ подземный гигантскій городъ мертвыхъ.

Впрочемъ не одинъ этотъ фактъ, а исторія всѣхъ христіанскихъ памятниковъ, какъ мы это увидимъ въслѣдствіи, постоянно будетъ свидѣтельствовать, что идеальная чистота нравовъ христіанскаго общества

первыхъ времяхъ не сохраняется въ послѣдующіе вѣка, и слабѣетъ съ каждымъ годомъ. Тамъ напирѣмъ общественная братскія трапезы первыхъ христіанъ, аганы (агаре), въ началѣ чрезвычайно чистаго и мило-сердичаго характера, превратились въ четвертомъ столѣтіи, даже нѣсколько раньше, въ оргіи, и были запрещены епископами. Послѣ торжества христіанской религіи это паденіе дѣлается особенно замѣтно. Минута триумфа была роковой минутой для христіанскихъ правовъ. До Константина огонь гоненій по временамъ очищалъ общину, но послѣ него, когда церковь вышла изъ опасности, сдѣлалась богата подъ покровительствомъ императоровъ и сама начала пріобрѣтать власть, когда принятіе вѣры Спасителя происходило въ слѣдствіе расчета, часто въ угоду императорамъ, ея послѣдователи были люди равнодушные, чуждые ей во времена гоненій.

IX.

Тамъ, гдѣ позволяли обстоятельства, мѣстность и грунтъ земли, христіане выкапывали подземныя кладбища; этотъ родъ гробницъ они предпочитали всѣмъ другимъ, и катакомбы найдены не только въ Римѣ, но и въ Италіи—въ Тосканѣ около Ньюзи (гдѣ также открыты замѣчательныя Этрусскіе шоген), около Неаполя, *) въ Сициліи около городовъ Сиракузы и Мессины, на островѣ Мальтѣ, на Востокѣ—въ Антиохіи, на островѣ Кипрѣ, и въ Египтѣ—около города Александріи; катакомбы существовали и въ Африкѣ, въ Испаніи—около городовъ Севильи, Сарагоссы, Эльвиры недалеко отъ Гренады, въ Галліи—около Кельна, Трира и т. д.

*) Послѣ римскихъ христіанскихъ катакомбъ самая обширная и самая замѣчательная изъ до сихъ поръ открытыхъ кладбищъ этого рода находится возлѣ Неаполя, въ холмѣ Capo di Monte, и имъ не считаемъ лишнимъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Если вѣрять Carlo Celano, составившему описаніе города Ньюзи въ 17-мъ столѣтіи (Notizie del bello antico e curioso della città di Napoli 1692.), то большая часть холма Capo di Monte изрыта ходами и галереями, наполненными христіанскими гробницами первыхъ вѣвовъ. Весьма незначительная часть этихъ катакомбъ, теперь извѣстная и доступная, находится возлѣ или подъ церквами

Но не смотря на то, что христіане отдавали преимущество подземнымъ кладбищамъ, у нихъ раньше торжества церкви были также гробницы на поверхности земли. По формамъ и расположенію этихъ послѣднихъ можно замѣтить, что устройная ихъ, послѣдователи ученія Спаси-

San Severo, San Vito, Santa Maria Della sanita, san Gennaro dei Poveri. Возлѣ первой изъ этихъ церквей, немного ниже ея уровня, была въ послѣдніе годы открыта P. G. Galante четырехъугольная комната съ тремя агосолия, украшенными ересками четвертаго или пятаго столѣтія, изображающими святыхъ. Галерея, плущая отъ этого cubiculum, перерывана основаніями церкви S. Severo. Въ Неаполѣ точно также, какъ и въ Римѣ, надъ катакомбами послѣ Константина начали строить церкви и при этомъ часто разрушали первобытныя христіанскія гробницы. Катакомба подъ церковью Sante Maria della salute обширнѣе; въ ней также найдены ерески пятая и послѣдующихъ столѣтій. Перестройки и расширенія, постепенно въ продолженіи столѣтій произведенныя туъ монахами, совершенно измѣнили первоначальную форму этого подземнаго кладбища. Въ семнадцатомъ столѣтіи оно сдѣлалось мѣстомъ погребенія чуждыхъ, тѣла которыхъ называли въ стѣнѣ. Галереи его также перерываны каменными стѣнами и сдѣланогами церкви. Гораздо больше и значительнѣе катакомба открытая у церкви S. Gennaro dei Poveri, въ холмѣ Capo di Monte. Многія столѣтія прошла надъ этимъ шогенъ, и въ немъ мы видимъ обращенія христіанскаго искусства разныхъ вѣвовъ, не исключая даже самыхъ раннихъ временъ распространенія новой вѣры. Нѣкоторыя изъ его ересокъ неаполитанскіе археологи до сихъ поръ принаюютъ за произведенія ямческихъ художниковъ,— до такой степени живы въ нихъ элементы классическаго искусства. Всего лучше сохранилась живопись на потолкѣ большой комнаты, которая находится въ прямомъ сообщеніи съ поверхностью земли у срубанной отогосаги холма и служила входомъ въ подземелье. Трудно указать, чѣмъ эти ерески отличаются отъ живописи украшавшей у древнихъ Римлянъ стѣнныя комнаты. Красныя и синія полосы раздѣляютъ потолокъ на правильныя небольшіе четырехъугольнички въ которыхъ изображены звѣри, птицы, равнины и мнелогическія животныя; въ центрѣ среди пересѣкающихся красныхъ и желтыхъ красиво въ зеленыхъ полузружій и круглыхъ видны схематическія линіи, дающія форму равносрсоннаго свода. Стѣны и потолки этой комнаты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыты двойнымъ слоемъ ступи. На верхнемъ можно различить ерески болѣе позднихъ временъ, изображающія святыхъ, головы которыхъ окружены нимбами. Немного дальше открыты погребальныя комнаты меньшихъ размѣровъ; и въ широкой галерей, плущей отъ большаго cubiculum, видны гробницы ерски агосолиумъ. Тутъ также встрѣчаешь остатки ересокъ, которыя какъ нельзя болѣе приближаются къ классическому стилю и представляютъ птицъ, миски, вазы, плоды, гирлянды цвѣтовъ, зелени и т. д. Въ этой живописи гораздо болѣе классическаго, чѣмъ христіанскаго, но это еще не достаточное основаніе, чтобы принасить ерески ея ямчички. Всѣ знакомые съ памятниками начинающему христіанскаго искусства въ катакомбахъ Рима не будутъ этимъ удивлены. Точно также обширность этой погребальной нещери, ея прямое сообщеніе съ поверхностью земли и съ дорогой, проходившей прежде въ этомъ мѣстѣ, не поразитъ изучавшихъ постепенное образованіе римскихъ катакомбъ. Впрочемъ среди этихъ украшеній въ часто классическою вкусъ видимъ также христіанскія изображенія, какъ напирѣмъ, Іона,

теля руководились теми-же правилами, которые соблюдали при выкапывании катакомбъ. Мы уже сказали, что христіане имѣли непреодолимое отвращеніе къ смѣшенію праха умершихъ; погребеніе тѣла безъ предвѣрительнаго устройства гробницы въ твердомъ туфѣ, безъ каменныхъ плитъ и стѣнокъ, отдѣляющихъ покойника отъ земли и сосѣднихъ тру-

Адамъ и Ева у дерева, судя по стилю очень раннихъ времяхъ христіанства, и много ересей третьяго, четвертаго и послѣдующихъ столѣтій, представляющихъ святыхъ, молящихся и т. д. Особенно замѣчательны колоссальныя изображенія Спасителя и Богородицы, грандіозныя фигуры въ византийскомъ стилѣ. Belleguardi (Die Katakomben zu Neapel mit ihren Wandgemälden, Hamburg 1839) издалъ эти ерески, но послѣ его открыто много другихъ памятниковъ и между прочимъ нѣсколько агасоліа, украшенныхъ живописью въ массеобразномъ стилѣ, но исполненной нѣсколько побрежно. Неаполитанская катакомба, а которой мы говоримъ, отличается отъ римскихъ своими архитектурными формами. Она не имѣетъ правильности послѣднихъ, и галереи ея почти всегда очень широкія, выложенныя безъ системы, не превращаются развиваясь подъ землей въ сѣти узкихъ и пересѣкающихся ходовъ. Твердый каменный туфель, въ которомъ они проведены, позволялъ давать имъ значительныя размеры и мѣстами въ нихъ можно прохлать въ каретъ. Сколько известно изъ твореній писателей церкви, гоненія христіанъ ни разу не отразились въ Неаполѣ; единственный мученикъ этого города Св. Януарій, епископъ Беневентскій, теперь покровитель Неаполитанцевъ, очень почитаемый ими, призналъ мученическую смерть за вѣру въ концѣ третьяго или въ началѣ четвертаго столѣтій. Ему отрубили голову недалеко отъ Неаполя въ городѣ Пуццоло. Христіане Неаполя потому не были принуждены скрывать по временамъ свои игоны и соблюдать экономію мѣста выкапывая гробницы. Гробницы отѣльными, самілыя преобладаютъ въ нихъ. Это небольшія углубленія правильной формы, вырубленныя въ туфѣ и находящіяся въ прямомъ сообщеніи съ галереей; въ каждой изъ трехъ сторонъ ихъ высѣчено по гробницѣ формы агасоліумъ почти всегда очень хорошихъ размеровъ.

Время особенно работы, произведенной въ послѣдующія столѣтія, измѣнилъ первоначальный видъ катакомбъ S. Sepolcro dei Poveri; такъ напримеръ въ верхнемъ ярусѣ ея галерей находится большая пещера, выкопанная послѣ торжества церкви и назначенная вѣроятно для совершенія церковныхъ обрядовъ, въ бокахъ ея также устроены многочисленныя гробницы. Соединялось ли это подземное кладбище съ другими христіанскими игонами Capo di Monte, какъ предполагаютъ современные неаполитанскіе археологи, рѣшить теперь довольно трудно; такъ болѣе что оно далеко не вполне изучено; низкій третій этажъ его еще вовсе не исследованъ; и въ немъ не только не производятъ новыхъ систематическихъ раскопокъ, но даже очень плохо сохраняютъ уже открытыя ерески и другіе памятники. Катакомбы въ Неаполѣ начали оставлять почти въ тоже-же время какъ и въ Римѣ, погребеніе въ нихъ прекратилось въ слѣдствіе частыхъ нашествій варваровъ, освернявшихъ тѣла умершихъ и разрушавшихъ гробницы. — Въ послѣднее время D. Salazarъ въ первыхъ выпускахъ своего сочиненія: — Studi sui monumenti dell'Italia meridionale dal IV al XIII secolo. Napoli 1871 — издалъ концы съ ересью неаполитанскихъ катакомбъ четвертаго и пятаго столѣтій.

повъ, не могло нравиться христіанамъ, пытавшимъ такое великое уваженіе къ праху вѣрующихъ, и допускалось ими только въ крайнемъ случаѣ. Выкапываніе могилъ на поверхности земли въ одинъ ярусъ заняло бы огромныя пространства. Потому-то христіане прибѣгали въ этомъ случаѣ къ особенному способу погребенія, который удовлетворялъ ихъ потребностямъ и вмѣстѣ берегалъ мѣсто. Мертвые въ этихъ могилахъ находились между двумя параллельными каменными стѣнами, которые шли въ землю иногда на значительную глубину, оставляя пространство достаточное для помѣщенія одного покойника; тѣла лежали одно надъ другимъ на утвержденныя плиты или черепицахъ и были ими же раздѣлены. Язычники и Евреи употребляли также могилы подобнаго рода; ихъ нашли въ окрестностяхъ Рима и въ Еврейской катакомбѣ, о которой мы будемъ говорить ниже. Христіанскаго происхожденія, онѣ видны болѣе или менѣе хорошо сохранившіяся надъ катакомбами Валлиста, Кириани и въ другихъ мѣстахъ. Церкви и базилики Рима внѣ городскихъ стѣнъ, съ четвертаго столѣтія, были постепенно окружены такими могилами. Этотъ легкій и дешевый способъ погребенія особенно началъ входить въ употребленіе въ Римѣ послѣ торжества церкви: очень вѣроятно однако, что къ нему прибѣгали и раньше въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у христіанъ не было катакомбъ. Но гробницы, устроенныя на поверхности земли, часто въ нарочито для этого назначенныхъ зданіяхъ или около ихъ, разумѣется, не представляли безопасности игоеевъ, вырытыхъ въ скатѣ холма или въ глубинѣ земли, и до торжества церкви не могли быть многочисленны въ Римѣ, гдѣ христіане постоянно находились передъ глазами властей, отъ произвола которыхъ иногда зависѣла ихъ свобода и существованіе. Въ провинціяхъ имперіи, гдѣ послѣдователи ученія Спасителя были менѣ стѣснены, кладбища нескртыя употребляли вѣроятно чаще; можно предположить, что они существовали въ большемъ количествѣ, чѣмъ ихъ надоедятъ теперь; но такъ какъ они не были скрыты, то подвергались разрушенію во время преслѣдованій 3-го столѣтія и особенно при уничтоженіи христіанскихъ памятниковъ, сопровождавшемъ гоненіе Діоклѣяна.

Гробницы въ катакомбах имѣютъ за рѣдкими исключеніями постоянно одну и ту же форму, описанную выше, и устроены по одному принятому типу (если и попадаются могилы, выкопанныя въ полу галерей, на подобіе употребляемыхъ нами, то ихъ не много. Можно предположить не безъ основанія, что это подражаніе, по возможности близкое гробницѣ Иисуса Христа. Тѣло Спасителя было похоронено Иосифомъ изъ Аримаеи: «взявъ тѣло, Иосифъ обвилъ его чистою плащаницею и положилъ его въ новомъ своемъ гробѣ, который выскѣ онъ въ скалъ; и приваливъ большой камень къ двери гроба, удалился». *)

Гробницы христіанъ были также высѣчены въ скалѣ, т. е. въ известомъ туфѣ, и тѣла ихъ предавали землѣ также обитыя полотномъ. Эту форму гробницъ и способъ устраивать ихъ въ подземныхъ галереяхъ или комнатахъ (cubiculi) римскіе христіане переняли у Евреевъ или у другихъ восточныхъ народовъ, наполнявшихъ тогда Римъ.

До распространенія въ Римѣ христіанской религіи и даже до появленія ея Евреи уже имѣли въ этомъ городѣ свои катакомбы. Первоначально еврейская колонія въ Римѣ составляла болѣею частью изъ потомковъ отпущенниковъ, приведенныхъ плѣнниками Помпеемъ послѣ завоеванія имъ Востока. Въ работѣ они не оставили вѣру отцовъ и не уклонялись отъ соблюденія религиозныхъ обрядовъ. Новые эмигранты изъ Палестины скоро потомъ начали переселяться въ Римъ, слѣдуя тому влеченію, которое притягивало къ столицѣ міра народы побѣжденные, преимущественно изъ восточныхъ странъ. Евреи служили въ Римѣ носильщиками, разнощиками, стояли очень низко въ общественномъ мнѣніи, занимались мелкой торговлей, продавали и мѣняли всякаго рода хламъ, просили милостыню и искали прозелитовъ. Число ихъ постоянно увеличивалось, такъ что въ первомъ столѣтіи у нихъ было въ Римѣ нѣсколько владѣнцѣй и синагогъ, **) находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Иерусалимомъ. Они селились въ Римѣ особенно около Тибра въ нездоровомъ кварталѣ, примыкавшемъ къ той части города, которая теперь называется Trastevere. Не далеко отъ этого мѣста они вырыли

въ отлогостяхъ холма Monte-Verde подземное владѣнцѣе, и хоронили въ немъ своихъ умершихъ отдѣльно отъ Римлянъ язычниковъ.

Катакомба эта находится приблизительно въ серединѣ холма Monte-Verde. Bosio видѣлъ ее въ 1602-мъ году и говоритъ между прочимъ, что она ни чѣмъ не отличается отъ христіанскихъ владѣнцѣй этого рода, но сдѣлана небрежно, грубо и заключаетъ только двѣ небольшія комнаты (cubicula). Во всей катакомбѣ Bosio не нашелъ ни одного остатка живописи, ни куска мрамора, но видѣлъ изображеніе ковчега завета, священнаго еврейскаго свѣтильника съ семью вѣтвями и большое количество надписей, въ которыхъ умершимъ даютъ иногда титулы отца или матери синагоги. На одной изъ подобныхъ эпитафій говорится про Римлянку, за шестнадцать лѣтъ до смерти принявшую законъ Моисея, получившую при этомъ имя Сары и сдѣлавшуюся впоследствии матерью синагоги, что можетъ служить доказательствомъ свободы распространенія еврейской религіи между Римлянами.

Необыкновенная простота и скудость этой катакомбы объясняется тѣмъ, что около жила самая бѣдная часть еврейской колоніи Рима. Послѣ посѣщенія Bosio этого игогея, образованіе котораго слѣдуетъ отнести къ послѣднимъ временамъ республики или къ первому столѣтію имперіи, онъ былъ снова оставленъ, входы его обрушились и заросли до такой степени, что въ сороковыхъ годахъ Р. Marchi, не смотря на тщательные розыскы и на продолжительныя усилія, не могъ найти его.

Но въ послѣднее время открыли въ окрестностяхъ Рима двѣ другихъ еврейскихъ катакомбы. Первая изъ нихъ *) принадлежитъ ко второму или третьему столѣтію послѣ Р. X. и находится близъ Аппіевой дороги около катакомбы Валлиста. Вѣроятно, она служила владѣнцѣемъ Евреямъ, обитавшимъ недалеко оттуда у Porta Capena. Эта катакомба менѣе обширна, чѣмъ та, которую видѣлъ Bosio; но въ ней нашли много надписей, изображеній религиознаго характера, слѣды позолоты и украшеній, если не совершенно чистаго классическаго стиля, то очень приближающихся къ нему. Она начинается зданіемъ, хорошо сохранившимся, которое представляетъ всѣ расположенія синагоги; въ него входили съ улицы, и съ противоположной стороны оно находилось въ прямомъ сообщеніи съ подземельемъ. Въ самомъ зданіи были также устроены гробницы. Вѣроятно, когда въ игогѣ не было больше мѣста, мертвыхъ

*) Отъ Маттея глав. XXVII.

**) Одна изъ нихъ носила имя Августа, другая Агриппина.

*) Cimitero degli antichi Ebrei. Raffaele Garrucci. Roma 1862.

начали хоронить в самой синагоге. Слѣды гробницъ въ нѣсколько этажей видны въ стѣнѣ, отдѣлявшей пространство, назначенное для женщинъ. Горизонтальныя ниши, или *loculi*, этого яруса высѣчены въ бокахъ ходовъ и комнатъ въ нѣсколько ярусовъ, иногда параллельно къ галереѣ и *cubiculum*, иногда перпендикулярно къ нимъ *) и закрѣплены плитками или черепицами совершенно такъ, какъ въ христіанскихъ катакомбахъ.

Не трудно замѣтить, что это кладбище принадлежало болѣе богатымъ Евреямъ, но не всё его памятники однако имѣютъ чисто библейскій характеръ. Напримѣръ, въ одной изъ комнатъ видно изображеніе двухъ человѣческихъ фигуръ, что не позволялось закономъ Моисея; онѣ не заимствованы изъ Ветхаго Завета, или изъ исторіи Иудейскаго народа, а изъ міра языческаго и представляютъ крылатую женщину, вѣроятно побѣду, которая въ одной рукѣ держитъ пальмовую вѣтвь, а другой подымаетъ вѣнокъ надъ головой нагаго юноши съ лавровой вѣткою въ рукѣ. Въ томъ-же *cubiculum*, т. е. комнатѣ, видны павлины **) стоящіе на сферахъ, пегасы, птицы, рыбы и другія животныя, значеніе которыхъ трудно объяснить. На стѣнахъ другой комнаты написаны четыре крылатые гения, представляющие времена года, и женщина въ коронѣ, держащая въ одной рукѣ рогъ изобилія, а въ другой плоскую вазу, изъ которой льетъ на землю жидкость. Это аллегорическое изображеніе Фортуны, изобилія, счастья, вѣчныхъ идеаловъ еврейскаго народа, перенято у римскаго языческаго искусства.

Если и предположить, что тутъ схоронены только Римляне, обращенные въ еврейскую религію, а не коренные Евреи, то, не смотря на это, присутствіе подобной живописи возлѣ ихъ гробницъ—фактъ не лишенный интереса, который можно объяснить тѣмъ, что тенденція сблизиться съ языческимъ міромъ преобладала во многихъ еврейскихъ синагогахъ въ Палестинѣ. Остальные комнаты этого кладбища украшены проще, или въ болѣе восточномъ вкусѣ расписаны красными и свѣтло-желтыми полосами.

Рядомъ съ фигурами, перенатыми у языческаго искусства, видишь также въ этой катакомбѣ изображенія чисто еврейскія. На барельефѣ

*) Гробницами послѣдней формы встрѣчаются и въ христіанскихъ катакомбахъ, но очень рѣдко.

**) Символическое изображеніе воскресенія, которое встрѣчается также и въ христіанскомъ искусствѣ.

одного мраморнаго саркофага представленъ священный семисвѣтничіи среди растений, плодовъ и деревьевъ южной природы. Другой саркофагъ украшенъ языческими фигурами римской работы; вѣроятно онъ служилъ два раза, прежде чѣмъ перейти въ руки Евреевъ, потому что на немъ видна также и христіанская монограмма. Портреты въ барельефѣ мужа и жены, Римлянъ, первоначальныхъ хозяевъ его, стерты, спилены, и языческія изображенія его были скрыты подъ землей; въ такомъ положеніи его нашли въ еврейской катакомбѣ.

Нельзя не замѣтить, что въ образѣ расписывать стѣны и потолки комнатъ и галерей въ катакомбахъ Рима много общаго у христіанъ и Евреевъ. Но это только потому, что тѣ и другіе употребляли формы классическаго искусства для выраженія своихъ идей и слѣдовали его манерѣ украшая гробницы. Вообще видно, что Евреи въ Римѣ не принадлежали къ той исключительной партіи, которая, упорно держа старину, отвергая всякое нововожденіе, все чужестранное, погубила своею нетерпимостію и фанатизмомъ еврейскій народъ; а скорѣе къ той, которая переняла въ нѣкоторой степени эллиническое образованіе, принесенное на Востокъ завоеваніями Александра Македонскаго.

Это проявляется также и въ ихъ надгробныхъ надписяхъ. У себя въ Палестинѣ Евреи не писали на могилахъ; только послѣ сношенія съ Римлянами эпитафій вошли у нихъ въ употребленіе. Онѣ также заключаютъ просьбы отъ имени умершаго уважать мѣсто его покоя, не обрабатывать надписи, не разрушать гробницы и иногда описываютъ качества погребеннаго или выражаютъ чувства и сожалѣніе его родственниковъ и друзей. Большая часть этихъ эпитафій сдѣлана на греческомъ языкѣ, очень мало на латинскомъ, *) и не одна изъ до сихъ поръ найденныхъ—на еврейскомъ языкѣ. Всего только одинъ разъ начерчено поеврейскіи слово «въ мирѣ» возлѣ имени написаннаго погречески.

Вторая еврейская катакомба была открыта въ 1867-мъ году совершенно случайно, при выкапываніи подземелья въ виноградникахъ графа Симагга, также возлѣ Анпиевой дороги, недалеко отъ христіанской катакомбы Св. Севастіана. Надписи ея сдѣланы на греческомъ языкѣ, и кажутся древнѣе найденныхъ въ катакомбѣ, о которой мы говорили вы-

*) Иногда латинскія надписи написаны греческими буквами, и наоборотъ. Это же самое встрѣчаемъ мы и въ христіанскихъ катакомбахъ.

ше; священный свѣтильник и другія еврейскія религіозныя изображенія нарисованы или вырѣзаны на плитахъ, которыми задыланы гробницы.

XI.

Погребеніе въ подземельяхъ существовало не у однихъ Евреевъ, а у многихъ восточныхъ или, лучше сказать, симетическихъ народовъ. До сихъ поръ можно видѣть слѣды подобнаго рода гробницъ въ Египтѣ, въ Палестинѣ, въ Сиріи и въ тѣхъ странахъ, куда проникали Финиціане, гдѣ основывались ихъ колоніи, около Караогена, на островахъ Мальтъ, Сардиніи, Сициліи и вообще на берегахъ Средиземнаго моря. Такъ хоронили Этруриане, и сосѣдніе съ ними народы Италіи переняли у нихъ этотъ способъ погребенія. Онъ былъ употребляемъ и Греками особенно въ ихъ колоніяхъ на югъ Италіи и въ Сициліи. Всѣ эти ипогеи или погребальныя пещеры состоятъ изъ одной или нѣсколькихъ четырехугольныхъ комнатъ, какъ *cubicula* въ христіанскихъ катакомбахъ, и выкопаны преимущественно въ скалѣ холмовъ. Тѣла умершихъ положены въ горизонтальныя ниши, высѣченныя въ туффѣ, или въ саркофаги, поставленные на землѣ.

Въ самомъ Римѣ послѣдователи различныхъ восточныхъ религій имѣли также свои катакомбы, и очень вѣроятно, что онѣ образовались нѣсколько раньше еврейскихъ и христіанскихъ подземныхъ кладбищъ.

По мѣрѣ того какъ Римляне входили въ сношенія съ Востокомъ и покоряли его, побѣжденные народы восточныхъ странъ наводили Римъ и, можно сказать, въ свою очередь завоевали столицу міра своими вѣрованіями, правами, обычаями и суевѣріями. Имъ было дозволено совершать религіозныя обряды, молиться и хоронить согласно ихъ обыкновению. Если они иногда и подвергались преслѣдованіямъ, то очень не продолжительное время; только вѣрованія, имѣвшія исключительный и неопредѣленный характеръ, или новыя религіи были мало терпимы въ Римѣ. Восточныя поклоненія не замедлили найти послѣдователей и между Римлянами,

которыя, перенимая нравы Востока, перенимали также и его суевѣрія *). Дорога имъ уже была приготовлена до ихъ появленія. Въ послѣднія столѣтія республики вѣковыя учрежденія Рима начали терять силу и значеніе; сохраняя форму, они лишались души и вмѣстѣ съ нею права на существованіе; довѣріе въ нихъ пропадало; принципы, до того руководившіе въ семейной и общественной жизни, оказывались несостоятельными. Изысканіе римскіе боги, судьба которыхъ была такъ тѣсно связана съ судьбой Рима республиканскаго и его гражданскимъ строемъ, не могли осяцать новый порядокъ вещей и новыя принципы не утративъ часть своего божественнаго характера; и вѣра въ нихъ не могла не пошатнуться, когда религіозныя учрежденія превратились для патриціевъ въ средство сохраненія власти, когда поколебалось устройство республики и пала ея свобода. Поклоненіе официальнымъ богамъ продолжалось въ видѣ государственной необходимости, и большинство, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, довольствовалось соблюденіемъ обрядовъ умирающаго язычества, которое не было въ состояніи удовлетворить религіозному стремленію общества. Подобное нравственное состояніе какъ нельзя лучше способствовало распространенію суевѣрій Востока—страны, по мнѣнію древнихъ Римлянъ, загадочной и таинственной по преимуществу. Испытанія и оцненія восточныхъ поклоненій, требовавшіяся отъ новообращенныхъ, и посредствомъ которыхъ доходили до мнимого прямаго сообщенія съ божествомъ, олицетворяющимъ въ себѣ всѣ силы природы; запутанный таинственный смыслъ и мистическій характеръ этихъ вѣрованій; торжественная pompa ихъ обрядовъ и ихъ сложныя церемоніи, которыя всегда болѣе правятся массѣ народа, чѣмъ простая религіозная форма и философскія идеи;—все это не могло не производить сильнаго впечатлѣнія на людей, утратившихъ вѣру въ многочисленныхъ греко-римскихъ боговъ, и чувствовавшихъ, въ слѣдствіе противодѣйствія, непреодолимое влеченіе къ единобожію.

По временамъ римскія власти, озабоченныя значительнымъ распространеніемъ новыхъ поклоненій или плутнями и скандалами ихъ жрецовъ, изгоняли массы изъ Рима и Италіи или ссылали послѣдователей иностранныхъ, преимущественно восточныхъ вѣрованій, и разрушали ихъ

* Ювеналъ въ одной изъ своихъ сатиръ съ гнѣвомъ говоритъ, что Орентъ, главная рѣка Сиріи, на берегахъ которой былъ построенъ городъ Антиохія, уже давно течетъ въ Тибръ.

храмы. Но влечение общества къ этимъ загадочнымъ и таинственнымъ силамъ одолевало противодѣйствіе властей. Изгнанные жрецы и поклонники гонимыхъ суевѣрій понемногу возвращались снова, снова были терпимы, и тайно или явно распространяли свое ученіе въ Римѣ, преимущественно между женщинами, во всѣхъ классахъ общества, начиная отъ самыхъ низшихъ до высшихъ, не исключая и императорскихъ фамилій, не исключая и самихъ императоровъ. Кто не отдавался совершенно таинственной религіи, не принималъ ея окончательно, тотъ сдѣлывалъ ея наружнымъ формамъ, исполнялъ ея сложныя церемоніи, ея очистительные обряды, надѣясь этимъ умилостивить загадочное божество. Религіи, представлявшія больше элементовъ монотеизма и положительнаго вѣрованія, общавшія болѣе опредѣленнымъ, болѣе яснымъ и утвердительнымъ образомъ загробную жизнь и награжденіе послѣ смерти, особенно находили много послѣдователей. *) Впрочемъ нельзя сказать, что до появленія христіанства одно какое нибудь вѣрованіе было болѣе распространено, чѣмъ остальные; скорѣе это было полное смѣшеніе самыхъ разнородныхъ, самыхъ разноплеменныхъ религіи. Рядомъ съ еврейскимъ закономъ, также имѣвшимъ въ Римѣ не малое число послѣдователей, о чемъ говорятъ многіе языческіе писатели, распространялись поклоненія восточнымъ божествамъ, Изидъ и Серапису; **) и вмѣстѣ съ обожаніемъ персидскаго бога, олицетворенія солнца—Mithras, распро-

*) Отличительной чертой въ характерѣ религіознаго состоянія этой эпохи (т. е. столѣтій предшествовавшихъ и непосредственно сдѣлывавшихъ за появленіемъ христіанства) было въ Греціи, равно какъ и въ Италиі стремленіе къ соединенію многочисленныхъ божественныхъ силъ, олицетворенныхъ въ образъ боговъ и богинь отдельныхъ городовъ и фамилій, въ одно божество. Это движеніе было вызвано отчасти греческой философіей, которая, переводя божество изъ узкой и локальной ея сферы, гдѣ оно до тѣхъ поръ вращалось, въ дѣятельность всемірной, измѣнило прежнее понятіе о немъ, возвелъ его на высшую степень и прдало ему болѣе моральное значеніе; отчасти также завоеваніями Римляни, которые, соединяя вѣрованія покоренныхъ или народовъ со своей религіей, объединя, распространяли и такъ сказать совокупляли ихъ въ одно. Официальное поклоненіе Рима языческому, надо замѣтить, имѣло мало исключительнаго, муниципальнаго, но было соединеніемъ вѣрованій различныхъ племенъ, оставшихся первоначально народъ римскій.

**) Они впрочемъ потеряли свой первобытный характеръ, такъ что ихъ скорѣе можно считать александрийско-греческими, чѣмъ египетскими богами; почитаніе ихъ было очень распространено въ послѣдніе вѣла до рождества Христова на берегахъ Средиземнаго моря.

странялось почитаніе различныхъ сирійскихъ и карагенскихъ боговъ и богинь.

Законы римскіе не запрещали послѣдователямъ всѣхъ этихъ вѣрованій устраивать гробницы и хоронить мертвыхъ согласно ихъ обычаю въ подземельяхъ, нарочно для этого выкопанныхъ; присутствіе въ Римѣ этихъ ипогеевъ восточнаго характера, сады которыхъ уже открыты, даетъ право предполагать, что христіане, равно какъ и Евреи, переняли устройство кладбищъ въ пещерахъ у одного прототипа общаго всѣмъ симметрическимъ народамъ; но при этомъ первые искали приблизиться, на сколько было возможно, къ образу погребенія Спасителя.

Самыя Римляне-язычники имѣли нѣчто подобное катакомбамъ; до республики они погребали умершихъ въ подземельяхъ, какъ и сосѣдніе Этрурыане, и хотя впоследствии въ Римѣ жгли тѣла покойниковъ, что вѣроятно было перенято у Грековъ, но древнее обыкновеніе хоронить ихъ никогда не было забыто и оставлено совершенно. Нѣкоторые патриціальныя фамиліи, какъ напримѣръ Сципіоны и весь родъ Корнеліевъ, продолжали сдѣлывать обычая своихъ отцовъ и клали тѣла умершихъ въ саркофаты, которые ставили или въ ипогеи, *) или въ великолѣпныя мавзолеи, развалины которыхъ до сихъ поръ еще украшаютъ римскую Кампанію. Но кромѣ этихъ памятниковъ, въ окрестностяхъ Рима, преимущественно вдоль консулярныхъ дорогъ Appia и Latina, и въ послѣднее время недалеко отъ Porta di S. Sebastiano, открыты не болѣе ипогеи съ одною или нѣсколькими комнатами и незначительными галереями, въ стѣнахъ которыхъ высѣчены горизонтальныя гробницы какъ и въ христіанскихъ катакомбахъ. Всѣ эти подземелья нельзя приписать исключительно однимъ послѣдователямъ восточныхъ вѣрованій, а сдѣлываетъ скорѣе предположить, что до появленія въ Римѣ иностранныхъ поклоненій и христіанства не только одни патриціальныя фамиліи, но и люди изъ другихъ классовъ общества сдѣлывали древнему обычаю и хоронили умершихъ въ ипогеяхъ, устраивая гробницы часто восточнаго характера, перенятыя первоначально у Этрурянъ.

Положительно извѣстно однако, что обыкновеніе считать тѣла на ко-

*) Извѣстна всѣхъ посѣщавшихъ Римъ гробница Сципіоновъ, высѣченная въ туфѣхъ въ снѣгъ холма, въ которой стояли саркофаги, одинъ изъ подобныхъ склоновъ знатныхъ родовъ. Въ Помпей до сихъ поръ наша три саркофага съ остатками несожженныхъ труповъ.

страх вошло въ Римѣ во всеобщее употребленіе въ вѣка республики, и что погребеніе въ землѣ въ это время можно считать какъ исключеніе. Только младенцевъ умершихъ раньше сорока дней не сжигали на кострахъ, а хоронили въ городѣ, въ особенно для этого назначенныхъ гробницахъ. Точно также зарывали въ землю тѣла самоубійцъ и пораженныхъ громомъ; тѣ и другіе были однако ужасны для Римлянъ, первые какъ несчастные, а вторые какъ личные враги Юпитера. Но въ послѣдніе годы республики, вѣроятно въ подражаніе восточнымъ народамъ, и позже можетъ быть христіанамъ, погребеніе тѣла начало входить въ большее употребленіе между богатымъ, равно какъ и бѣднымъ классомъ римскихъ жителей. Послѣ царствованія Антониновъ мертвыхъ жгли все рѣже и рѣже, и въ пятую столѣтію костры были окончательно оставлены; многочисленные саркофаги, наполняющіе цркви и музеи Италіи и Европы, принадлежатъ преимущественно къ первымъ вѣкамъ Имперіи, равно какъ и большая часть тѣхъ римскихъ языческихъ подземныхъ гробницъ, имѣющихъ характеръ семейныхъ склеповъ, которыя были открыты въ окрестностяхъ Рима. Самыя замѣчательныя между ними ипогеи, открытыя въ холмѣ Pincio около дороги Salaria Vecchia, въ холмѣ Monte Verde и особенно гробница фамиліи Nasoni (теперь разрушенная), находившаяся не далеко отъ Рима, у консульской дороги Flaminia; она отличалась тѣмъ, что представляла много общаго съ христіанскими катакомбами, какъ въ расположеніи и устройствѣ, такъ и въ манерѣ расписывать и украшать стѣны и потолки подземныхъ комнатъ. Эти ипогеи по большей части украшены живописью, лѣпными работами и мозаиками, приближающимися своимъ стилемъ къ искусству первыхъ вѣковъ имперіи; они вѣроятно одновременно со многими фресками катакомбъ. Напротивъ также языческіе склепы вонѣ Via Latina, Via Appia, не далеко отъ Porta di S. Sebastiana, упомянутые выше, которые слѣдуетъ отнести къ тому времени, когда обыкновенно сжигали тѣла было въ полной силѣ, незначительны, бѣдны, безъ украшеній и надписей.

XII.

Что-то подобное катакомбамъ существовало слѣдовательно у язычниковъ въ Римѣ раньше появленія восточныхъ поконеній, раньше образованія тамъ еврейской колоніи, и такимъ образомъ раньше распространенія христіанства. Но у кого-бы христіане ни переняли форму своихъ подземныхъ кладбищъ, у Римлянъ ли язычниковъ, у послѣдователей ли секты Востока или у Евреевъ, между ипогеями этихъ народовъ и христіанскими катакомбами все таки громадная неизмѣримая разница и именно то различіе, которое существуетъ въ ученіи, въ принципахъ, въ идеяхъ, въ судьбѣ христіанства и остальныхъ вѣрованій. Катакомбы Евреевъ, язычниковъ, народовъ Востока незначительны, какъ распространеніе ихъ поконеній, и имѣютъ характеръ разчлененія и исключительности. Катакомбы христіанъ разрастаются съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, расширяются, какъ ихъ мировая религія, и сохраняютъ постоянно характеръ общности. Первые—только семейныя гробницы, онѣ выкопаны для известныхъ фамилій или обществъ, это отдѣльные склепы, семейные ипогеи; вторыя—колоссальный некрополь, изумляющій насъ своею громадностію, принявшій въ свои широкія объятія членовъ одной обширной общины безъ различія національности, родовъ и состояній.

Еврейскія катакомбы имѣютъ болѣе общественный характеръ, чѣмъ ипогеи восточныхъ и языческихъ вѣрованій,—религіозныя и національныя узы связывали Евреевъ, поселившихся въ Римѣ, и составляли изъ нихъ одно семейство; у нихъ также появилось влеченіе соединять галереями отдѣльныя фамильныя гробницы; но ихъ катакомбы имѣютъ скорее характеръ кладбища, составленнаго изъ соединенія многихъ семейныхъ склеповъ, чѣмъ общаго мѣста погребенія членовъ большой общины, подобно христіанскимъ катакомбамъ. Фамильныя гробницы существовали также у христіанъ; мы увидимъ дальше, что изъ соединенія отдѣльныхъ склеповъ и составились катакомбы или по крайней мѣрѣ многія части ихъ. Что христіане не были обязаны хоронить въ известномъ мѣстѣ, видно по надписямъ и по литературнымъ памятникамъ церкви: такъ напримѣръ въ дѣланіи мучениковъ часто говорится, что они были положены въ монументахъ и садахъ, которыя приготовили себѣ при жиз-

ни; *) но эти частныя гробницы не были отдѣлены отъ церкви и общины тѣмъ фактомъ, что ихъ устраивали отдѣльно; притомъ онѣ превращались въ общія кладбища, распускаясь и пропадали въ сѣти катакомбныхъ галерей, чего мы не находимъ въ еврейскихъ ипогеяхъ. Попадаются также и семейныя христіанскія склепы, оставшіеся отдѣльными вѣроятно согласно желанію хозяевъ **) для большей сохранности ихъ гробницъ.

Не далеко отъ гробницы Сципіоновъ около двадцати лѣтъ тому назадъ была открыта подземная комната (теперь разрушенная), потолокъ которой украшали фрески, изображавшія библейскія сцены, совершенно подобныя катакомбнымъ. По всей вѣроятности это былъ христіанскій семейный ипогей, не соединившійся съ общимъ кладбищемъ. Гробницы этого рода чрезвычайно рѣдки, и обыкновеніе устраивать отдѣльные склепы далеко отъ общихъ кладбищъ и церквей вошло въ обыкновеніе между христіанами въ концѣ четвертаго и въ пятомъ столѣтіи.

Катакомбы христіанъ отличаются отъ еврейскихъ и языческихъ еще тѣмъ, что первыя вырыты не только для одного погребенія, но и для

*) Такъ напримѣръ Severus, вѣнокъ паны Маркеллина конца 3-го столѣтія, гдѣ върять въ надпись, что выкопалъ въ катакомбѣ Каллиста двойной кубукулъ, т. е. погребальную комнату для себя и для своихъ (sibi suisque). Въ другой надписи гораздо древнѣе первой, найденной въ 1853-мъ году въ катакомбѣ Domitilla, сказано, что вѣно М. Antonius сдѣлалъ для себя и своихъ вѣрующихъ въ Господа (fidentius in Domino) ипогей. Можно предположить что хозяинъ этой гробницы помышлялъ подъ словами, приведенными выше, не только своихъ родственниковъ, но вообще всѣхъ братьевъ своихъ по Христу.

**) Оно выразилось въ нѣсколькихъ надписяхъ, такъ напримѣръ въ одной изъ нихъ на греческомъ языкѣ, по всей вѣроятности принадлежатой въ первымъ времени распространенія христіанства, сказано отъ имени хозяина, что не только въ подземной гробницѣ, но и въ саду и портикѣ, находящихся возлѣ, не должно быть погребенъ никто другой, и въ суду Всевышняго призываютъ тѣхъ, которые нарушатъ или позволятъ нарушить это постановленіе. Въ другой, сдѣланной на саркофагѣ, въ которомъ похоронены мужъ и жена христіане, сказано отъ имени ихъ: „in hortulis nostris secessimus“, т. е. „Мы отдѣляемся или удаляемся въ наши сады“. Но эта двѣ надписи, не выражающія вполнѣ братскихъ чувствъ, дѣлаютъ исключеніе изъ массъ христіанскихъ эгипетскихъ памятниковъ, собранныхъ до сихъ поръ. Что желаніе отдѣлаться не было въ характеръ первыхъ христіанъ, видно между прочимъ по надписи 515 года, въ которой богатый Римлянинъ смиренно извиняется въ устройствѣ себя гробницы въ своей землѣ, говоря, что если завидно сосѣдство мучениковъ въ катакомбахъ, то не далеко отъ того мѣста, гдѣ лежатъ его прахъ, находится базилика Св. Валентія.

погребенія и, можно даже сказать, для продолжительнаго пребыванія въ нихъ, тогда какъ вторыя исключительно назначены для погребенія мертвыхъ. Это какъ нельзя лучше видно изъ ихъ устройствъ. Въ склепахъ еврейскихъ, и вообще восточныхъ гробницъ часто оставляли незадѣланной, а входъ въ самое подземелье, — который былъ въ отлогости холма, и тогда имѣлъ форму двери, или на ровномъ мѣстѣ, и тогда имѣлъ видъ квадратнаго колодца, — закрывали огромнымъ камнемъ, отваливая его только въ случаѣ погребенія покойника. Погребеніе ипогея при такихъ условіяхъ было не возможно. Въ христіанскихъ же катакомбахъ гробницы были тщательно задѣланы и трупъ герметически запечатъ, а входы напротивъ не завалены; при подобномъ устройствѣ христіане могли собираться въ нихъ и въ случаѣ нужды находить убѣжище.

XIII.

Но если не было правила, обязывающаго христіанъ хоронить въ извѣстномъ мѣстѣ, то съ самыхъ раннихъ временъ существовало у нихъ обыкновеніе, превратившееся впоследствии въ законъ, хоронить умершихъ отдѣльно, не въ сѣщеніи съ послѣдователями другихъ вѣрованій. Подобно тому какъ они дорожили покойнось возлѣ гробницъ мучениковъ, что должно было способствовать ихъ спасенію, точно также ненавистна была для нихъ мысль лежать послѣ смерти возлѣ языческихъ гробницъ, въ ихъ окскверняющемъ сосѣдствѣ *). Впрочемъ тоже самое отвращеніе къ погребенію вмѣстѣ съ людьми другой религіи существовало и у Римлянъ язычниковъ. Гробница у нихъ была подъ покровительствомъ особенныхъ законовъ и считалась неприкосновенной святыней. Хозяинъ ея,

*) Извѣстный ученый прошлаго столѣтія, Muratori приводитъ надпись, найденную имъ во Флоренціи; въ ней сказано, что вѣно Jusculus, сдѣлавшій христіаномъ, продаетъ право свое на языческую гробницу рабу Антонію, жонѣ Друза. Это самая древняя надпись изъ до сихъ поръ извѣстныхъ, въ которой названы христіане.

как это видно по надписям, позволяя хоронить возле себя кого ему было угодно.

Мы видели, что язычники и Евреи хоронили мертвых отдельно. Известно также, что у христианских сект были свои катакомбы (онѣ пока еще не открыты), такъ напримеръ Новаціаны имѣли въ Римѣ игодеи съ самаго начала отдѣленія ихъ отъ церкви. Случалось также, что послѣдователи одного изъ тѣхъ многочисленныхъ расколовъ, которые появились въ первые вѣка распространія новой вѣры, пользуясь гоненіями или покровительствомъ властей, отнимали на время у христіанъ ихъ катакомбы, похищали изъ нихъ тѣла мучениковъ и переносило въ свои кладбища, чтобы придать послѣднимъ большее значеніе. Христіанамъ было запрещено ихъ религіозными властями посѣщать катакомбы сектъ и несомнѣнно раздѣленіе мѣстъ погребенія тѣхъ и другихъ. Слѣдовательно нельзя предположить, что вмѣстѣ съ христіанами въ катакомбахъ лежать люди другой вѣры, — ни язычники, которые такъ заботились о своихъ гробницахъ, ни христіане не могли допустить подобное смѣшеніе. Это всего лучше доказываютъ самые памятники: гробницъ другого вѣрованія въ христіанскихъ катакомбахъ еще не нашли, хотя и открыты многія языческія надписи, долгое время приводившія въ затрудненіе изслѣдователей подземнаго Рима. Вотъ какимъ образомъ объясняется этотъ по видимому странный фактъ. Надписи писались или вырѣзывались на мраморныхъ плитахъ и плоскихъ черепицахъ, которыми задылавали loculi, а если на нѣкоторыхъ изъ нихъ читаешь слова чисто языческаго значенія, то нельзя не замѣтить, что эти плиты и черепицы (они часто отбиты и лежатъ на полу, но иногда находятся на своемъ первоначальномъ мѣстѣ) были употреблены христіанами какъ матеріалъ или случайно упали въ катакомбы черезъ отверстія, нарочно сдѣланныя, чтобы пропускать свѣтъ и воздухъ въ подземелье. Многія изъ этихъ языческихъ надписей или вовсе не имѣютъ смысла ипнатики, или не соответствуютъ мѣсту, которое занимаютъ, и противорѣчатъ своему назначенію. Такъ напримеръ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ говорится о цѣломъ семействѣ и о влантахъ похороненныхъ вмѣстѣ, тогда какъ плита закрываетъ гробницу, въ которой нельзя помѣстить больше одного тѣла. Иногда мраморная доска, будучи слишкомъ велика для своего назначенія, распиlena, и отъ надписи осталась только одна часть ея, или на плитѣ съ одной стороны вырѣзана эпитафія языческая, а съ другой христіанская, и первая обращена во внутрь ниши; часто также она со-

скоблена съ большой заботливостію, сбита, замазана известкой, или доска вставлена въ отверстие горизонтальнаго loculus такимъ образомъ, что буквы оборочены внизъ. Однимъ словомъ, постоланно когда попадаютъ нехристіанскія надписи въ христіанскихъ катакомбахъ, онѣ или смысломъ, или положеніемъ не соответствуютъ своему назначенію.

Катакомбы иногда совпадаютъ со склепами послѣдователей другихъ вѣрованій, но послѣдніе вовсе не продолжали первыхъ. Религіозное броженіе, упомянутое выше, началось въ римскомъ обществѣ задолго до появленія христіанства, продолжалось нѣсколько времени послѣ торжества церкви и отразилось въ подземномъ Римѣ. Гробницы послѣдователей различныхъ вѣрованій сгруппировались одна возле другой и были раздѣлены подъ землей только тонкою стѣною туфа. Они тщательно избѣгали другъ друга и мы иногда видимъ, что галереи въ христіанскихъ катакомбахъ круто поворачиваются въ сторону и мѣняютъ направленіе нарочно, чтобы не встрѣтились со своими сосѣдями; но такъ какъ обширный христіанскій некрополь болѣе кладбищъ другихъ вѣрованій разрастался во все стороны стѣною галерей, то эти послѣднія часто проходили довольно близко отъ склеповъ языческихъ. Незначительные слои туфа, оставленные между ними, обрушились отъ времени, или были прорыты изучавшими христіанскія древности, иногда грабителями, такъ что теперь нехристіанскія подземелья составляютъ продолженіе христіанскихъ и изъ однихъ незаметно переходить въ другія.

Случалось иногда, что христіане, пропавшая впередъ галерей, не знали о существованіи вблизи игодеи другихъ вѣрованій и соединялись съ ними. Такъ напримеръ въ центрѣ катакомбы Претекстата находятся гробницы послѣдователей фригійской секты Sabazius и жреца или священника бога-солнца непобѣдимаго Mithras *), которыя христіане встрѣтили на своемъ пути; но отдѣлили себя отъ нихъ перегородками, слѣды

*) Какъ связано въ его надгробной надписи: описаніе этого интереснаго, единственнаго въ своемъ родѣ памятника и его рельефъ, изображающаго символы и таинства загадочныхъ восточныхъ вѣрованій, выдѣтъ въ исторію христіанскаго искусства, гдѣ мы снова возвращаемся къ распространившимся въ Римѣ до появленія христіанства, восточнымъ сектамъ по поводу египтуръ Орсея, нѣсколько разъ представленнаго въ катакомбахъ ивращающаго на лѣвъ, и окруженнаго слушающими его звѣрами, что вѣроятно должно было выражать Христа, окружающаго своими котами рѣчана страсти людей: изображение, въ которомъ нельзя не замѣтить слѣдовъ почитанія легендарнаго ивца Орсея, очень распространенное въ эти вѣка на Востока.

которых до сих пор еще видны. Есть также примѣры встрѣч катакомбъ съ колумбаріями, или подземными комнатами, въ которыхъ хранился прахъ, по большей части, небогатыхъ людей. Не имѣя средствъ построить для себя, для семейства и близкихъ мавзолей или вырыть ипогей, Римляне изъ низшаго класса общества, рабы, отпущенники и тому подобные бѣдняки дѣлали между собой ассоціаціи для покупки общей гробницы. Иногда богатая фамилія устраивала колумбарій для своихъ рабовъ и отпущенниковъ.

Въ стѣнахъ этого рода комнатъ отъ низа до верха симметрически, ярусами расположены углубленія, имѣющія форму небольшихъ нишъ, какъ гнѣзда въ голубятнѣ, отчего и произошло названіе columbarium (т. е. голубятня). Въ ниши, которыхъ иногда бываетъ до шести сотъ, ставили или вдѣлывали попарно небольшія урны или кочечки формы саркофаговъ изъ мрамора, стекла, глины или другаго матеріала, и въ нихъ сохраняли пепель отъ сожженныхъ труповъ. Имена умершихъ писали подъ нишей, а пространство въ стѣнѣ между ними украшали живописью и дѣльными работами, скорѣе веселаго и живаго характера, чѣмъ погребальнаго и печальнаго, приличнаго жилищу мертвыхъ. Часто представлены крылатые гении, амурь, гирлянды цвѣтовъ, птицы, рабы, зелень и тому подобные предметы, граціозно расположенные въ классическомъ вкусѣ. Нѣсколько колумбарій открыто въ окрестностяхъ Рима близъ консулярныхъ дорогъ; они вырыты на незначительной глубинѣ; стѣны и своды ихъ прежде немного возвышались надъ поверхностью земли, и въ нихъ спускались по внутреннимъ каменнымъ лѣстницамъ. Христіанскія катакомбы идутъ нѣсколько глубже, въ землѣ; но иногда верхняя галерея ихъ встрѣчала низшую часть колумбарія. Это не только оскорбляло религіозное чувство первыхъ христіанъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло быть для нихъ опасно; потому они сейчасъ же закрывали отверстіе и старались подстройками и стѣнами исправить вредъ, нанесенный языческой гробницѣ. Въ владѣнцахъ св. Агнии можно видѣть слѣды работъ, чтобы скрыть подобное случайное соединеніе галерей христіанской катакомбы съ колумбаріемъ.

XIV

Катакомбы находятся иногда въ прямомъ сообщеніи съ поверхностью земли посредствомъ трубъ, черезъ которыя проходилъ свѣтъ и возобновлялся воздухъ въ подземельѣ. Послѣднее было необходимо, особенно въ мѣстахъ, назначенныхъ для собраний, и эти отверстія, «luminaria», встрѣчаются преимущественно тамъ, гдѣ совершались обряды и приходило богослуженіе. Многія изъ luminaria, которыя видны теперь въ катакомбахъ, провели послѣ торжества церкви; до этого времени они были неудобны, потому что указывали путь въ ипогей. Но безъ нихъ, какъ видно, нельзя было обойтись, и они существовали до прекращенія гоненій; были даже примѣры, что папачи бросали въ нихъ мучениковъ. Luminaria очень часто имѣютъ косвенное направленіе, расширяясь въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяются съ подземельемъ, чтобы освѣщать двѣ комнаты, и иногда галерею, разделяющую ихъ. Обыкновенно они не много шире квадратнаго аршина и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходятъ слои рыхлаго туфа или подоланы, одѣты кирпичной стѣнкой, которую возвышали нѣсколько на поверхности земли, чтобы не позволять ей осыпаться и удерживать стокъ дождевой воды. Когда катакомбы были оставлены, крестьяне римской Кампаніи завалили luminaria до верха землей и камнями.

Свѣтъ, проходившій чрезъ luminaria въ катакомбы, не былъ достаточною, чтобы освѣщать ихъ, и христіане должны были ходить въ этихъ подземельяхъ не иначе какъ со свѣчами или лампами. Множество глиняныхъ и бронзовыхъ лампъ были въ самомъ дѣлѣ найдены въ катакомбахъ; ихъ носили въ рукѣ, ставили въ небольшія, нарочито для этого сдѣланныя ниши, гдѣ еще видны слѣды копоти, на куски мрамора и черепицы, вдѣланные въ стѣну или прикрѣпленные между плитами могилъ, и иногда привѣшивали на цѣпочкахъ къ потолку комнатъ и галерей или къ канделябрамъ; часто ихъ находятъ на своемъ мѣстѣ, какъ онѣ были поставлены или привѣшены первыми христіанами. Бронзовыя лампы встрѣчаются гораздо рѣже глиняныхъ, и по знакамъ и символамъ, изображеннымъ на нихъ, видно, что онѣ не принадлежатъ къ первымъ вѣкамъ распространенія новой религіи. По формѣ христіанскія лампы не отличаются отъ языческихъ, найденныхъ въ большомъ количествѣ въ Помпѣи и въ развалинахъ римскихъ зданій.

Если первая не совершенно простой работы, то какая нибудь фигура, знак, надпись или монограмма указывают их христианское происхождение; часто представлен добрый пастырь, молящаяся женщина, Иона, и т. д. Рисунок № 9-й изображает глиняную христианскую лампу в величину оригинала; на верхней части ее представлен в рельефе добрый пастырь съ игненнымъ на плечахъ, а кругомъ гирлянда изъ зелени

Рис. 9.

и кистей винограда. Изображение это очень тонкой работы и хорошего стиля, что редко встрѣчается въ другихъ христианскихъ лампахъ. Отверстія по срединѣ и у отбитой оконечности служили, первое — чтобы вливать масло, второе—для фитиля. Материалъ, изъ котораго сдѣлана эта лампа, прекраснаго качества. По мнѣнію G. V. de Rossi ее слѣ-

дуетъ отнести ко второму или третьему вѣку. Подобно Евреямъ и язычникамъ, христіане ставили лампы въ самые гробницы, возлѣ тѣхъ умершихъ, и ихъ потому находятъ не въ одномъ Римѣ, а всюду, гдѣ отгараютъ христіанскія владѣнща первыхъ вѣковъ.

Въ катакомбахъ лампы употребляли не для одного освѣщенія, ихъ зажигали также около могилъ умершихъ въ извѣстные дни: обычай, существовавшій и въ другихъ религіяхъ. У Римлян это былъ родъ почести усопшему и духамъ смерти, сторожившимъ и оберегавшимъ гробницы. Свѣтъ горящихъ лампъ по мнѣнію язычниковъ разсѣивалъ мракъ, въ который былъ погруженъ умершій, что доставляло ему какъ бы продолженіе существованія послѣ смерти. До какой степени эта мысль занимала Римлянъ, видно по нѣсколькимъ надписямъ, въ которыхъ говорится объ освобожденіи рабовъ, съ условіемъ, что они будутъ содержать возлѣ праха ихъ прежняго владѣльца горящую лампу весь годъ или опредѣленное число дней.

У гробницы того, кто не могъ доставить себѣ послѣ смерти подобной роскоши, зажигали лампу въ положенные дни, преимущественно въ февралѣ (мѣсяцъ, посвященномъ воспоминанію мертвыхъ и исполненію надгробныхъ обрядовъ), и чѣмъ больше дорожили умершимъ, тѣмъ больше лампъ горѣло у его праха.

Евреи также имѣли обыкновеніе освѣщать гробницы; лампы подобныя христіанскимъ и языческимъ, съ изображеніемъ священнаго свѣтильника съ семью вѣтвями и другими въ этомъ родѣ, были найдены въ еврейскихъ катакомбахъ въ Римѣ. Христіане переняли или, лучше сказать, продолжили этотъ обычай; только у нихъ онъ получилъ совершенно другое значеніе. Для нихъ горящія лампы на гробницахъ были символомъ того небеснаго свѣта, который церковь просила для умершихъ. Свѣтъ — одно изъ условій небеснаго блаженства у христіанъ: адъ — мѣсто тмы, рай — мѣсто сіянія. Во многихъ другихъ религіяхъ, едва ли не во всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ, мракъ составляетъ начало непризнанное, враждебное человѣку и есть атрибутъ зла, тогда какъ свѣтъ — принадлежность добра. Въ христіанскихъ надписяхъ часто выражена надежда, что умерше находятся въ вѣчномъ свѣтѣ въ мѣстахъ сіянія.

Тутъ также рѣзко выказывается, какъ велико было различіе во взглядѣ на смерть и въ понятіи о загробномъ существованіи у христіанъ и у язычниковъ. Послѣдніе пишутъ въ эпитафіяхъ, что мертвые окру-

жены мракомъ могилы; часто отъ ихъ имени говорятъ, что они находятся во тьмѣ (in tenebris) и лишены свѣта; около ихъ гробницъ зажигаютъ лампы, чтобы разсвѣять этотъ мракъ. Загробное существованіе у язычниковъ не переступало предѣловъ могилы; христіане напротивъ говорятъ про своихъ умершихъ, что они живутъ въ свѣтѣ, наслаждаются свѣтомъ, и зажженные лампы у нихъ — эмблематическое, представляющее этого свѣта; въ гробницѣ же покоится только тѣло ожидающее воскресенія.

Въ день смерти мученика христіане собирались у его могилы, и окружали ее горящими лампами; этотъ обычай вошелъ у нихъ въ употребленіе съ очень раннихъ временъ; также и гробницы другихъ христіанъ родственники освѣщали въ день ихъ кончины.

Послѣ прекращенія гоненій огонь не потушалъ передъ прахомъ святыхъ. Около ихъ почитаемыхъ гробницъ часто находятъ небольшіе каменные столбики съ углубленіями на верху, въ которыхъ вставляли лампы, и масло изъ нихъ разсыпалось во всѣ концы свѣта.

Христіанскія лампы были найдены въ большомъ количествѣ въ Римѣ и внѣ катакомбъ, какъ напримѣръ въ развалинахъ дворца Цезарей на Палатинскомъ холмѣ. Нельзя предполагать, что всѣ онѣ служили въ подземныхъ кладбищахъ или въ домахъ послѣ торжества церкви. Часто онѣ грубой, простой работы, и неудобная для держанія въ рукѣ; число ихъ притомъ слишкомъ велико для одного домашняго употребленія. Очень вѣроятно, что ихъ изготовляли нарочно для иллюминацій въ память необыкновеннаго событія или по случаю торжества; это подтверждается надписями и изображеніями ихъ, въ которыхъ видѣны намекъ на замѣчательное происшествіе или на особенный праздникъ.

Обыкновеніе освѣщать дома и улицы въ день религіозныхъ или гражданскихъ праздниковъ существовало съ давнихъ временъ у Евреевъ и у Римлянъ язычниковъ. Множество лампъ также очень простой и грубой работы, которыя могли служить только для иллюминаціи, открыты въ развалинахъ Помпеи. Христіанамъ было запрещено освѣщать свои дома, если торжество имѣло языческій характеръ, что вѣроятно иногда ставило ихъ въ большое затрудненіе и подвергало опасностямъ; потому что можетъ быть не всѣ соблюдали это правило, какъ видно изъ словъ строгаго Тертуліана, который негодуетъ за это на своихъ робкихъ единоврѣ-

цевъ. Тотчасъ же послѣ торжества церкви христіане дѣлали въ праздники точно такія же иллюминаціи, и уже императоръ Константинъ въ ночь на пасху великодушно освѣщалъ городъ.

XV.

По катакомбнымъ надписямъ, въ которыхъ упоминается, гдѣ обитали умерше, видно что христіанъ хоронили на сколько было возможно въ ближайшихъ отъ ихъ жилища кладбищахъ. Особенно во время нѣкоторыхъ гоненій, когда переноска тѣла изъ дома въ подземелье по улицамъ многлюднаго города представляла опасности, они должны были придерживаться этого правила.

Обряды погребенія христіанъ въ началѣ вѣроятно мало отличались отъ исполняемыхъ въ этомъ случаѣ Евреями и Римлянами. Много религіозныхъ церемоній изъ міра іудейскаго и классическаго были переняты первыми христіанами, но при этомъ они, разумеется, старались избѣгать всего, что имѣло чисто языческій или исключительно еврейскій характеръ.

У христіанъ тѣлу надлежало воскреснуть, и потому оно дѣлалось предметомъ особенныхъ попеченій, — его мыли, натирали благовоннымъ масломъ и окружали ароматическими травами, что препятствовало до нѣкоторой степени его быстрому разложенію. Потому его завертывали въ бѣлую простыню и перевязывали въ нѣсколькихъ мѣстахъ тесемками. Въ подобныхъ пеленкахъ изображенъ множество разъ воскресающій Лазарь во фрескахъ и на саркофагахъ катакомбъ. Остатки мучениковъ иногда завертывали въ драгоценныя ткани. Приготовленное такимъ образомъ къ погребенію тѣло не выставляли передъ дверьми земнаго жилища умершаго, какъ это дѣлалось у Римлянъ, а оставляли до погребенія въ самомъ домѣ, въ мѣстѣ называемомъ *sepasculum*, обычай, перенятый вѣроятно у Евреевъ. Послѣ перенесенія покойника въ катакомбы его съ молитвами клали въ гробницу; но только въ царствованіе Константина установились погребальныя обряды.

Во времена гонений, когда входъ въ катакомбы былъ запрещенъ, разумеется не исполняли никакихъ церемоній; умершихъ приносили тайно и хоронили съ поспѣшностію. Иногда даже ихъ принуждены были скрывать нѣсколько времени въ домахъ; это видно по остаткамъ извести, которую часто находятъ въ гробницахъ. Она была положена между двумя простынями, составляла пластъ приблизительно въ палецъ толщины и покрывала тѣло съ ногъ до головы. Оттиски ткани сохранились на ея кускахъ, и можно замѣтить, что полотно, находившееся ближе къ тѣлу, нѣсколько тоньше того, которое было съ наружной стороны. Къ подобному способу предохраненія воздуха отъ зараженія разлагающагося трупа христіане должны были прибѣгать только въ такомъ случаѣ, когда переноска покойника въ катакомбы немедленно послѣ его смерти была не возможна по какимъ либо причинамъ.

Вместѣ съ скелетами цѣльныхъ труповъ попадаются въ гробницахъ и отдѣльныя кости, на которыхъ иногда видны слѣды огня; находятъ также скелеты безъ нѣкоторыхъ членовъ, безъ череповъ, или одни черепа. Изъ этого видно, что христіанамъ во время гонений не всегда удавалось унести тѣла мучениковъ, и они въ такомъ случаѣ хоронили только тѣ части, которая могли спасти.

Въ день смерти или рожденія этихъ героевъ вѣры, послѣ совершенія надъ гробницами ихъ молитвъ и религиозныхъ обрядовъ, происходили иногда въ самыхъ катакомбахъ братскія трапезы священнаго характера; ихъ устраивали также при рожденіи, свадьбѣ и погребеніи христіанъ. Но первый, т. е. тѣ, которыя дѣлали въ честь мученика, имѣли болѣе религиозный и общественный характеръ, чѣмъ вторыя, и оставили послѣ себѣ болѣе слѣдовъ и памятниковъ. Обыкновеніе это чисто языческаго характера существовало также и у Евреевъ, но какъ все, что перешло христіане, получило у нихъ особенное чисто христіанское значеніе. У Евреевъ на погребальные пиры приглашали всѣхъ безъ различія, они назывались хлѣбомъ скорби, чашей утѣшенія, и во время Апостоловъ достигли такой роскоши, что богатые люди впадали въ нищету, исполняя этотъ развратительный обычай, чтобы не прослыть нечестивыми. Известно также, что у древнихъ Римлянъ и вообще въ античномъ мірѣ существовало обыкновеніе чрезъ извѣстные сроки и въ день смерти родственника собираться у его гробницы (въ особенномъ для того назначенномъ мѣстѣ или зданіи, о которомъ часто говорится въ надгробныхъ надписяхъ), дѣлать возліанія вина,

жертвоприношенія умершимъ и кончать все это пиршествомъ и иногда играми *).

Въ нѣкоторыхъ этрусскихъ ипогеяхъ открыты комнаты, не занятыя саркофагами и опредѣленные вѣроятно для подобныхъ пиршествъ (fe-galia); послѣднія иногда изображены на вазахъ, такъ называемыхъ этрусскихъ, которыя нашли въ гробницахъ. Бѣдные люди, не имѣвшіе ни средствъ, ни мѣста для устройства пышныхъ пировъ, ограничивались тѣмъ, что въ день смерти родственника ставили у его могилы сосуды съ водою и виномъ и блюда со всякаго рода съѣстными припасами. Остатки ихъ были найдены въ греческихъ гробницахъ южной Италии и въ этрусскихъ ипогеяхъ.

У христіанъ этого рода религиозныя пиршества назывались агаре, слово означающее на греческомъ языкѣ любовь, милосердіе. Въ первые времена христіанства они происходили въ домахъ; но иногда, особенно въ периоды гонений въ катакомбахъ, ихъ дѣлали столько же для того, чтобы почтить память мученика въ день его смерти или рожденія, сколько и для пропитанія бѣдныхъ, которымъ при этомъ раздавался щедрая милостыня. Этотъ благотворительный обычай существовалъ и въ языческомъ мірѣ, но не въ такихъ размѣрахъ, и не такого братскаго характера, какъ у первыхъ христіанъ. Въ катакомбахъ нашли стеклянныя небольшія чаши, украшенныя фигурами, которыя изображены на золотыхъ пластинкахъ, заключенныхъ въ толщину стекла **). Многие изъ нихъ вѣроятно были сдѣланы, чтобы служить на агаре въ извѣстные дни и при извѣстныхъ случаяхъ; фигуры и надписи ихъ явно намекаютъ на религиозныя пиршества; иногда представленъ мученикъ, рожденіе и подвиги котораго празднуютъ, и въ надписи упомянуто его имя. Подобныя же сосуды съ изображениями символовъ относящихся къ воскресенію употребляли при похоронахъ, а тѣ, на которыхъ представлены мужина и женщина, на свадебныхъ пиршествахъ. Впрочемъ надо замѣтить, что эти чаши не принадлежать къ первымъ временамъ распространенія хри-

*) Очищенный погребальными обрядами, умершій, по мнѣнію древнихъ Римлянъ, превращался въ теневъ и душовъ (Divi или Dii Manes) и дѣлался предметомъ поклоненія. Надгробныя надписи въ Римѣ языческомъ обыкновенію начинались обращеніемъ къ духу умершаго или призваніемъ его, которое писалось въ сокращеніи двумя буквами D. M., обычай этотъ былъ перенятъ христіанами и до сихъ поръ сохранился у Католиковъ.

**) Имъ будемъ говорить въ отдѣлѣ символическихъ знаменъ и фигуръ.

станства; онъ начали входить въ употребленіе въ первые годы 3-го столѣтія, *) и въ пятомъ вѣкѣ уже прекращается ихъ произведеніе.

На саркофагахъ и на стѣнахъ катакомбъ представлены иногда мужчины и женщины сидящіе или лежащіе на дорогихъ подушкахъ, у стола покрытаго богатыми тканями, но на которыхъ не видно ни блюдъ, ни всего необходимаго для обѣда. Въ этихъ изображеніяхъ не слѣдуетъ видѣть агаре, а скорѣе небесныя пиршества, обѣданныя христіанамъ какъ награжденіе за праведную жизнь; значеніе ихъ будетъ объяснено вмѣстѣ съ символическими знаками.

Въ первые времена христіанства братскія трапезы любви и милосердія были просты и скромны, но послѣ торжества церкви, когда ихъ совершали не въ катакомбахъ, а въ великолѣпныхъ базиликахъ, не скрыто, а при свѣтѣ солнца, они скоро потеряли свой первоначальный простой и трогательный характеръ, и превратились въ пышныя банкеты, на которыхъ исполнялись языческіе обряды, и повторялись невоздержность, царствовавшая на пирахъ временъ имперіи. Даже и раньше признанія церкви на агаре не преобладала умѣренность, и уже въ третьемъ столѣтіи христіанскіе писатели встаютъ противъ этихъ роскошныхъ пировъ чисто языческаго характера. Это принудило духовныя власти запретить совершеніе ихъ въ церквахъ и базиликахъ и потомъ окончательно уничтожить ихъ.

Обыкновеніе нѣжнаго и трогательнаго характера, класть вмѣстѣ съ умершими тѣ предметы, которые они особенно любили при жизни, и этимъ доставать ему какъ бы продолженіе земныхъ удовольствій было въ большомъ употребленіи въ древнемъ мірѣ, и происходило въ слѣдствіе убѣжденія, что покойникъ, или духъ его продолжалъ жить въ своей гробницѣ. Много интересныхъ вещей и художественныхъ произведеній дошли до насъ этимъ путемъ отъ несуществующихъ больше народовъ и потухшихъ цивилизацій. Гробницы Египтянъ, Этрурянъ, Грековъ, Римлянъ и т. д. до сихъ поръ не перестаютъ обогащать музеи Европы. Взрослыхъ людей хоронили съ ихъ оружіемъ, женщинъ съ любимыми украшеніями, дѣтей съ игрушками. Иногда жилищу мертваго внут-

*) Въ языческомъ рисункѣ міръ чаша, съ изображеніями на золотыхъ пластинахъ въ толщій стекла, имѣющія впрочемъ мало художественнаго достоинства, слѣдуетъ до сихъ поръ извѣстно, не были въ употребленіи; два обломка стекла найденны въ послѣднее время въ Помпей, и на нихъ видны фигуры на золотомъ грунтѣ, который наведенъ на поверхность стекла, а не заключенъ въ толщій его.

ри и снаружи придавали видъ дома и снабжали всѣми принадлежностями жизни, религиозными предметами, различными инструментами, вазами, монетами, одеждою и даже съестными припасами. Убранная такимъ образомъ гробница, украшенная живописью, которая представляла занятія умершаго до смерти, дѣлалась какъ бы его загробнымъ домомъ; онъ былъ окруженъ въ немъ изображеніями боговъ, которымъ молился при жизни и которые покровительствовали ему въ послѣднемъ жилищѣ; возлѣ находились подарки родныхъ и всѣ вещи прежде дорогаго и необходимаго для существованія. Это желаніе воскресить признаки жизни въ могилѣ, и создать покойнику какъ бы искусственное продолженіе ея не лишено прелести и имѣеть свою поэтическую сторону; но въ немъ нельзя не замѣтить выраженія того непреодолимаго отвращенія чело-вѣка къ смерти, разрушенію и къ мысли, что по окончаніи земнаго существованія не начинается новая жизнь.

Христіане, которыхъ вдохновляла и укрѣпляла вѣра въ воскресеніе тѣла, и надежда на будущую жизнь, которые смотрѣли на могилу какъ на временное пребываніе, а на смерть какъ на проходящій сонъ, разумѣется не могли быть заняты мыслию украшать гробницы и превращать ихъ во что-то подобное земному жилищу; но и они хоронили вмѣстѣ съ умершими различныя вещи и украшенія, иногда чисто языческаго характера. Дѣлая это, христіане продолжали по привычкѣ обыкновеніе, существовавшее въ древнемъ мірѣ, которое не было оставлено тотчасъ-же послѣ принятія новой вѣры, несамѣтно перешло къ нимъ, и сохранилось нѣсколько столѣтій, потерявъ свое прежнее языческое значеніе. Подобное безознательное повтореніе вѣковаго обычая, образовавшагося въ слѣдствіе нравственной потребности общества, превратившагося въ привычку, столь естественное, столь свойственное вообще чело-вѣку, которое мы встрѣчаемъ и въ другія времена, при перемѣнѣ вѣрованій, достаточно объясняетъ намъ, какимъ образомъ столько элементовъ жизни, обрядовъ и чонатій изъ міра античнаго перешли въ міръ христіанскій. Римляне язычники, обращаясь въ христіанскую вѣру, не мѣняли разомъ нравственной природы своей, но—какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ—проходили періодъ, когда были очень слабы въ своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ, и еще не довольно крѣпки въ принятой ими религіи. Это-то время всего полнѣе представлено христіанскими памятниками катакомбъ.

Различные вещи и украшения служили иногда, чтобы узнавать могилу близкого, и тогда онъ вмазаны въ известку прикрѣпившую плиты къ отверстию *loculus*; но всею чаще ихъ находятъ въ самой гробницѣ, воль покойника. Некоторые изъ этихъ предметовъ могли имѣть символическое значение. Это были дѣтскія игрушки, куклы изъ кости, небольшія вазы, колокольчики, которые родители клали вмѣстѣ съ ихъ умершими дѣтьми; въ гробницахъ взрослыхъ находятъ украшения изъ золота и драгоценныхъ камней, принадлежности туалета, зеркала изъ металла, серьги, кольца съ вырѣзанными на нихъ знаками, какъ напримеръ якорь, пальмой, голубемъ, монограммой Христа и т. д., ожерелья, булавы съ изображеніями женскихъ головъ артистической работы, гребни, бронзовые ящики для храненія духовъ, лампы и стеклянные сосуды съ фигурами религіознаго характера и т. д. Иногда медали и монеты прикрѣплены къ отверстию гробницы, — въ этомъ случаѣ назначеніе ихъ вѣроятно было указывать годъ смерти погребеннаго.

Очень рѣдко находятъ инструменты казни, камни, цѣпи и клещи особенной формы съ крючками, положенные вмѣстѣ съ остатками мучениковъ. Долгое время принимали ноги и желѣзныя оконечности пилъ найденныя въ гробницахъ катакомбъ за орудія мученія, но эти предметы встрѣчаются въ такихъ *loculi*, гдѣ никакимъ образомъ не могъ покониться мученикъ. Ихъ находили также въ гробницахъ другихъ вѣрованій и они безъ сомнѣнія имѣли особенное назначеніе. Точно также различные инструменты часто представленные на надписяхъ не изображаютъ орудія казни, а указываютъ ремесло и занятія умершаго при жизни; это: дѣлали и Римляне язычники.

Христіане избѣгали представленія мученія и всего, что его напоминаетъ; самое слово *мученикъ* чрезвычайно рѣдко встрѣчается на надписяхъ, и по большей части вырѣзано или начерчено послѣ торжества церкви, въ тѣ времена, когда богомольцы въ каждой гробницѣ катакомбъ видѣли прахъ мученика. Ни на одномъ изъ до сихъ поръ открытыхъ памятниковъ христіанскаго искусства первыхъ вѣковъ не видно изображенія пытки или казни умирающихъ за вѣру, и всего одинъ разъ представленъ христіанинъ съ кроткимъ, но рѣшительнымъ выраженіемъ* лица и глазами сияющими особеннымъ огнемъ передъ трибуналомъ императора или судьи, въ ту минуту, когда послѣдній произноситъ роковой приговоръ*).

*) Эта ересь находится въ катакомбѣ Каллиста; ее можно отнести приблизительно ко второй половинѣ третьяго столѣтія.

Только гораздо позже въ концѣ четвертаго или въ пятомъ вѣкѣ начинаютъ появляться изображенія подвиготъ мучениковъ. Подобное удаленіе отъ всего напоминающаго страданія и смерть за Христа происходило вѣроятно столько-же потому, чтобы не смущать новообращенныхъ, еще не очень утвердившихся въ новой религіи, сколько и потому, что все похожее на тщеславіе не было въ характерѣ первыхъ послѣдователей ученія Спасителя. Можно также предположить, что христіане Рима безосознательно по традиціи продолжали въ своемъ художествѣ то удаленіе отъ изображенія мученія человѣка, которое въ хорошее время классическаго искусства преобладало въ немъ.

Много гробницъ въ катакомбахъ вѣроятно заключаютъ прахъ христіанъ казненныхъ во времена гоненій, имена и подвиги которыхъ, не начерченные на плитахъ ихъ *loculi*, остались неизвестны; но не разъ также ошибкой принимали могилы христіанъ, не подвергавшихся пресѣдованію и умершихъ естественною смертію, за гробницы мучениковъ. Что преимущественно служило указаніемъ послѣдней, это небольшой глиняный или стеклянный сосудъ «*ampulla*», *) на днѣ котораго видѣтъ осадокъ темнаго цвѣта, поставленный въ гробницу, но чаще вмазанный

Рис. 10.

въ цементъ у отверстія ея. *Ampullae* имѣютъ различныя формы, но ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми небольшими продолговатыми и узкими стеклянными сосудами, для собиранія слезъ, «*lacrimaria*», которые у Римлянъ обыкновенно клали вмѣстѣ съ умершимъ въ гробницу. Первая

*) Смотри рисунокъ № 10, взятый изъ сочиненія Martigny, Dictionnaire; восякъ извѣстѣй начерчена пальмовая вѣтвь, знакъ побѣды.

имѣли совершенно другое назначеніе, неизвѣстное въ языческомъ мірѣ, и ихъ не находятъ въ нехристианскихъ гробницахъ. До сихъ поръ предполагали, что въ эти сосуды была налита кровь христіанъ умершихъ за вѣру, и это служило какъ бы отличительнымъ знакомъ ихъ гробницъ. Очень вѣроятно, что прежде нѣкоторые изъ ampullae заключали кровь мучениковъ, по крайней мѣрѣ много доводятъ оправдывать это предположеніе. Кровь пострадавшихъ за вѣру считалась у первыхъ христіанъ величайшей святыней; они собирали ее съ большой заботой, приписывали ей особенную чудотворную силу, передавали ее изъ рода въ родъ, какъ вообще мощи, и искали въ ней покровительства домамъ своимъ, себѣ и потомкамъ, въ этой и въ будущей жизни. Изъ дѣяній мучениковъ видно, что христіане сопровождали своихъ братьевъ идущихъ на казнь, бросались въ арены между дикими звѣрыми, собирали кровь мучениковъ губами или мочили въ ней края одежды; многие изъ нихъ дѣлали это передъ глазами палачей и иногда платили жизнью за подобную смѣлость. Потому эту святыню сохраняли въ сосудахъ (ampullae), на днѣ которыхъ еще видны иногда куски высохшихъ губовъ, или берегли предметы окрашенные ею.

Осадокъ темнаго цвѣта, найденный на днѣ ampullae, въ большинствѣ случаевъ вѣроятно образованъ кровью. Разложенный химически нѣсколько разъ, между прочимъ извѣстнымъ ученымъ 17-го вѣка Лейбницемъ и — что важнѣе — въ послѣднее время, онъ оказывался произошедшимъ отъ жидкости очень приближающейся своимъ составомъ къ человѣческой крови. Если же это кровь, то разумѣется она была пролита только мученикомъ и могла быть иногда соединена съ его остатками. Но всегда ли сосудъ съ осадкомъ темнаго цвѣта, висянный у отверстія гробницы или поставленный внутри ея можетъ служить доказательствомъ, что въ ней покоится прахъ умершаго за вѣру? До нашихъ дней это казалось неоспоримой истиной, не столько для христіанскихъ археологовъ, сколько для католической церкви, которая не разъ, и даже очень недавно въ царствованіе Піа IX-го торжественно выразила это мнѣніе. Однако послѣ новѣйшихъ изслѣдованій *) едва ли можно утверждать, что ampulla исключительно имѣла это одно назначеніе. Надписи, годъ смерти янниаго мученика и многія другія доводы, справедливо которыхъ слѣдуетъ признать, какъ нельзя лучше доказываютъ это.

*) La Question du Vase de Sang, par Edmond Le Blant. Paris. Durand 1858.

Сосудъ съ темнымъ осадкомъ встрѣчается напримѣръ, также и у гробницъ, гдѣ похоронены христіане, умершіе послѣ прекращенія гоненій, или возлѣ эпитафій, въ которыхъ выражено только скромное желаніе, чтобы скончавшійся находился въ вѣчномъ блаженствѣ, въ родѣ слѣдующей: «Да приметъ тебя Христосъ» вмѣсто утвердительной формы «ты со Христомъ», которая такъ часто встрѣчается въ катакомбахъ, и разумѣется была бы болѣе на своемъ мѣстѣ у могилы мученика. Иногда въ надписяхъ возлѣ ampullae говорятъ съ большею подробностию о жизни и занятіяхъ умершаго, или хвалятъ его красоту, доброту и другія качества; такъ напримѣръ на одной изъ нихъ описана служба солдата; на другой — отъ имени погребенной сказано, что она жила шестьдесятъ лѣтъ вдовой не обременяя своимъ содержаніемъ общину, что также не въ характерѣ эпитафій мучениковъ, замѣчательныхъ своею краткостью. Или же эти надписи вовсе не имѣютъ христіанскаго характера. Римляне язычники, страшась роковой минуты смерти, искали утѣшенія въ философскихъ идеяхъ и на гробницахъ ихъ часто читаешь слова въ родѣ слѣдующихъ: «Утѣшься,—никто не безсмертенъ», или, какъ бы смѣясь надъ кончиною и презирая жизнь, они писали отъ имени умершаго: «Я не существовалъ, я не существую, что мнѣ до того!» — Очень понятно, что у христіанъ чрезвычайно рѣдко встрѣчаешь выраженіе подобныхъ мыслей, и случалось, что сосуды съ темнымъ осадкомъ находили иногда именно возлѣ эпитафій такого характера. Напротивъ у мошей извѣстныхъ мучениковъ не видно ampullae, и писатели первыя ничего не говорятъ объ этомъ отличительномъ знакѣ ихъ гробницъ. Нѣтъ потому никакого сомнѣнія, что ampulla употребляли и въ другихъ случаяхъ, и мы не безъ основанія имѣемъ право предположить, что первые христіане, которые вообще такъ дорожили покоиться возлѣ праха праведныхъ и любили окружать себя мощами, собирали кровь мучениковъ, передавали ее изъ рода въ родъ и послѣ смерти поручали себя этой драгоценной святыней, покровительство которой такъ сильно (какъ сказано въ одной надписи), что калли ей достаточно для очищенія души умершаго отъ грѣховъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько сосудовъ были найдены въ одной гробницѣ, и иногда одна ampulla прикрѣплена къ стѣнѣ по серединѣ галереи или въ центрѣ катакомбной комнаты въ потолку, какъ бы для того, чтобы покровительствовать группѣ гробницъ.*)

*) По мнѣнію римскихъ археологовъ, подобное предположеніе сдѣлается воз-

Обыкновеніе собирать кровь мучениковъ существовало не въ одномъ Римѣ, и сосуды были найдены въ катакомбахъ Кьюзия и въ другихъ перубитныхъ христіанскихъ кладбищахъ.

Одной изъ главныхъ причинъ уничтоженія многихъ интересныхъ памятниковъ искусства, можно даже сказать частнаго разоренія катакомбъ, было желаніе, о которомъ мы упомянули выше, устранивать гробницы какъ можно ближе къ тому мѣсту, гдѣ погребены мученики, чтобы тѣло, положенное рядомъ съ нимъ, пользовалось его защитою, а душа заступничествомъ передъ престоломъ Бога. Это повѣрье существовало и раньше торжества церкви, но распространилось особенно послѣ прекращенія гоненій.

Въ первыя времена христіанства только одно желаніе покониться вмѣстѣ, отдѣльно отъ язычниковъ всего болѣе соединяло вѣрующихъ послѣ смерти, но въ послѣдующіе вѣка, какъ видно по надписямъ, увеличивается забота приблизиться своимъ прахомъ къ святому мѣсту и не въ одномъ только Римѣ, а во всемъ христіанскомъ мірѣ того времени, въ Италіи, на Востокѣ, въ Галліи. Подъ влияніемъ ея гробницы мучениковъ дѣлаются центрами, около которыхъ тѣснятся могилы христіанъ и погребеніе въ подземныхъ кладбищахъ Рима продолжается больше столѣтій послѣ Константина. Это разумѣется было причиною разрушенія многихъ памятниковъ, и не рѣдко видишь въ катакомбахъ фрески сильно попорченныя или перерѣзанныя пополамъ горизонтальными нишами, которыя были высѣчены въ стѣнахъ комнатъ уже прежде росписанныхъ или въ плоской глубинѣ *arcosolium*, также украшенной живописью. Во многихъ катакомбныхъ эпитафіяхъ сказано, что умершій погребенъ «ad sanctos» — возлѣ святыхъ; «ad martyres» — возлѣ мучениковъ; или «ante» — передъ, «supra» — надъ, «retro» — сзади — «sanctos», святыхъ.

Подобныя гробницы должны были стоить иногда довольно дорого, особенно если ихъ приходилось высѣкать въ мѣстахъ неудобныхъ. Но препятствія не останавливали христіанъ, и когда въ бокахъ комнатъ не

можно только, когда будетъ доказано, что во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ *ampulla* была наполнена кровью, а не лаякою либо другою жидкостью. Очень вѣроятно, что иногда за вѣнчикомъ этой святки въ сосудъ наливали святую воду, масло изъ лампъ, горящихъ у ногъ умершихъ за вѣру, и вино «харистіа»²⁾ последнее высылка оставляетъ только осадокъ темнаго цвѣта. Но судяи можно утверждать, что это случалось именно каждый разъ, когда *ampulla* была присоединена въ гробницѣ христіанина инымъ образомъ не мученика.

было свободнаго пространства для новаго *loculus*, то его высѣкали въ сосѣдней галерей, но на надписи не забывали упомянуть, что онъ принадлежитъ къ такому то *subiculum*, гдѣ похороненъ мученикъ, дабы хотя номинально получить то, чего нельзя было достигнуть на дѣлѣ.

Такъ какъ послѣ торжества церкви выкапываніе новыхъ галерей стали по немногу оставлять въ катакомбахъ и всѣ работы въ нихъ были направлены только на то, чтобы устроить семейный склепъ или вырубить *loculus* въ мѣстахъ уже прежде занятыхъ, то это неминуемо привело бы со временемъ къ окончательному разоренію подземныхъ кладбищъ. Уже въ четвертомъ столѣтіи могильщики (*fossorages*), торговавшіе мѣстами въ катакомбахъ, начали производить въ нихъ самыя неправильныя работы и расширенія, причинявшія большой вредъ ихъ прочности. Папа Дамазъ (366—384), котораго можно назвать хранителемъ римскихъ святыхъ, положилъ предрѣчь этому злоупотребленію; онъ особенно любилъ катакомбы и построилъ въ нихъ много поддержекъ, сводовъ, дѣланицъ и думинарій; слѣды его строительной дѣятельности до сихъ поръ еще видны въ подземномъ Римѣ. Онъ не воздвигалъ надъ кладбищами разрушительныя для нихъ базилики и открылъ много гробницъ мучениковъ, заваленныхъ христіанами во время послѣднихъ гоненій и погребенныхъ подъ грудой камня и земли. Въ особенныхъ обильнейшихъ надписяхъ этотъ папа описываетъ, часто стихами, подвиги героевъ христіанской вѣры и иногда указываетъ на работы, произведенныя имъ для украшенія и возстановленія ихъ гробницъ. *)

Никто не имѣлъ столько права покониться подлѣ праха мучениковъ, въ катакомбахъ Каллиста, гдѣ уже лежали многіе изъ его предшественниковъ, какъ папа Дамазъ; но онъ не хотѣлъ сдѣлать для себя то, что не позволялъ другимъ, и въ надписи, которая была помѣщена имъ въ катакомбѣ Каллиста возлѣ гробницъ нѣсколькихъ папъ и мучениковъ третьяго столѣтія, отказывается отъ этой чести, говоря, что очень желалъ бы лежать въ сосѣдствѣ святыхъ, но боится этимъ обезпокоить ихъ прахъ. Въ другой надписи, по всей вѣроятности пятаго столѣтія,

²⁾ Достойно замѣчанія, что всѣ до сихъ поръ открытыя надписи, сочиненныя папою Дамазомъ, вырубаны на мраморныхъ плитахъ особенными очень красивыми шрифтомъ, постоянно тѣмъ же искуснымъ артистомъ *Furius Dionysius Filocalus*. Оригинальная форма буквъ этихъ византизмскихъ памятниковъ, которая встраивается исключительно только въ дамазиановскихъ надписяхъ, не разъ называлась Россіи путь въ историческимъ гробницамъ.

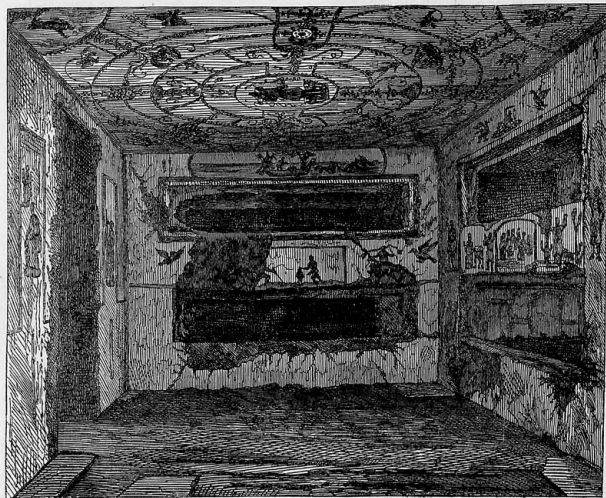
найденной въ древней базиликѣ св. Лаврентія, in Campo Verano, не далеко отъ римскихъ стѣнъ, архидіаконъ Sabinus говоритъ, что какъ служитель алтара онъ часто приближался къ священному престолу при жизни, но не смотря на это, желаетъ быть похороненъ воздѣ дверей церкви; потому что не матеріальнымъ соприкосновеніемъ съ прахомъ мучениковъ слѣдуетъ приближаться къ нимъ, а подражаніемъ при жизни ихъ подвигамъ и ихъ добродѣтелямъ. Нельзя не признать справедливости мнѣнія архидіакона Сабина, и если бы вѣрующіе въ четвертомъ и пятомъ столѣтіи были его мнѣнія, то сохранили бы намъ много интересныхъ памятниковъ первоначальнаго христіанскаго искусства.

XVI.

Комнаты, находящіяся въ катакомбахъ и называемыя cubicula, о которыхъ мы уже нѣсколько разъ говорили, также высѣчены въ туфѣ и соединены съ галереями посредствомъ дверей. Они составляютъ продолженіе кладбища и въ бокахъ ихъ устроены горизонтальныя ниши (loculi) въ нѣсколько ярусовъ или гробницы формы аргосоліумъ (argosolium). У Римлянъ-язычниковъ cubicula назывались покои, назначенные для отдохновенія и сна; первые христіане дали это названіе своимъ погребальнымъ комнатамъ, вѣроятно желая этимъ выразить, что въ нихъ спали умершіе въ ожиданіи великаго дня воскресенія. Cubicula въ катакомбахъ по большей части бывають квадратныя, но встрѣчаются также круглыя, полукруглыя, треугольныя, многоугольныя и т. д. Эти комнаты не были многочисленны въ подземныхъ кладбищахъ Рима. P. Marchi въ восьмой части катакомбъ св. Агніи возлѣ дороги Nomentana, приблизительно въ двухъ миляхъ отъ Рима, насчитываетъ ихъ до шестидесяти. Между cubicula слѣдуетъ различать тѣ, которыя устроены частными людьми и были первоначально семейными сѣнами, и выкопанныя церковью, когда подземныя кладбища перешли въ ея руки; первыя многочисленнѣе, почти всегда древнѣе послѣднихъ и невелики.

На рисункѣ № 11, взятомъ изъ сочиненія G. B. de Rossi, Roma Sott. Crist. Т. II, представленъ cubiculum катакомбъ Каллиста по всей вѣроятности втораго столѣтія; его стѣны украшены фресками по стукъ, изображающими различныя христіанскіе символы и легенды; въ бокахъ его высѣчены горизонтальныя гробницы правильныхъ и хорошихъ размѣровъ; плиты, находившіяся у ихъ отверстія, выбиты. Комнаты,

Рис. 11.

выкопанныя церковью для собраний вѣрующихъ и для совершенія религиозныхъ обрядовъ, занимають часто своей высотой нѣсколько этажей катакомбныхъ галерей и такъ велики, что въ нихъ могутъ помѣститься до восьмидесяти человѣкъ. По серединѣ ихъ часто стоялъ престолъ, а въ глубинѣ въ особенной нишѣ кресло епископа. Онѣ назывались крип-

тами (cripta) и почти всегда были двойныя, раздѣляющія галереи каткомбъ; или же состояли изъ нѣсколькихъ cubicula, въ расположеніи которыхъ можно замѣтить, что одні назначались для женщинъ, другія для мужчинъ. Это обыкновеніе раздѣлять оба пола еще долго потомъ продолжалось въ христіанской церкви, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Востока сохранилось до нашихъ дней. Многие археологи предполагаютъ, что для оглашенныхъ находились также отдѣльныя мѣста въ криптахъ, выкопанныхъ церковью. Есть въ самомъ дѣлѣ cubicula какъ бы нарочно отдѣленные отъ остальныхъ; но были ли они назначены для оглашенныхъ—рѣшить трудно.

Въ каткомбахъ св. Агнии открыта группа комнатъ, которая можетъ дать вполне удовлетворительное понятіе о формѣ и расположеніи этихъ подземныхъ церквей или первобытныхъ мѣстъ собранія вѣрующихъ. Крипта, о которой мы говоримъ, состоитъ изъ пяти небольшихъ квадратныхъ комнатъ, или cubicula, почти одинакой величины, расположенныхъ въ одну линію и сообщенныхъ между собою посредствомъ большихъ дверей или отверстій. Въ одномъ изъ крайнихъ cubicula было мѣсто, гдѣ совершалось богослуженіе и отсюда вѣроятно говорились проповѣди (presbyterium); его видно изъ остальныхъ комнатъ, и противъ него въ особенной нишѣ помѣщено кресло или сидѣнье, епископа, высѣченное въ туфѣ; вдоль стѣнъ съ двухъ сторонъ оставлено небольшое возвышеніе формы скамейки, можетъ быть для духовенства. Престоль этой церкви вѣроятно былъ подвижной деревянный, переносимый съ мѣста на мѣсто; но крайней мѣрѣ слѣдовъ постоянного престола тутъ нигдѣ не видно, и снѣ не могъ находиться, какъ обыкновенно, въ нишѣ arcosolium, противъ входа въ cubiculum, потому что тутъ стояло кресло епископа. Галерея проходитъ между третьей и четвертой комнатой, отдѣлая двѣ послѣднія; къ нимъ веда прежде особенная дѣлтанца, такъ что не безъ нѣкотораго основанія можно предположить, что тутъ собирались женщины, тогда какъ два другихъ cubicula, находящіяся ближе къ той комнатѣ, гдѣ происходило богослуженіе, гдѣ видно кресло епископа и мѣсто духовенства, были назначены для мужчинъ. Дяна всего ряда кубиковъ вѣстѣ съ шириной галереи, раздѣляющей ихъ, приблизительно 46-ть футовъ; нѣсколько luminaria проводили въ нихъ свѣтъ и возобновляли воздухъ. P. Marchi предполагаетъ, что этотъ крипта былъ выкопанъ въ концѣ второго или въ началѣ третьего столѣтія; въ немъ не нашли живописи, но видны архи-

тектурныя украшенія, остатки мраморныхъ плитъ, которыми прежде были выложены полы, ниши для статуй и колоны между комнатами, оставленныя въ туфѣ и покрытыя стужомъ. Другой подобной группы подземныхъ комнатъ, въ которой такъ ясно выказывается приспособленіе къ богослуженію, до сихъ поръ еще не открыли; но часто видны воле arcosolia, служившихъ престолами, мѣста для духовенства и пресла епископовъ. Cubicula, назначенныя для крещенія, также находятся въ каткомбахъ, и до сихъ поръ еще можно видѣть въ нихъ слѣды работъ, чтобы собрать сточную воду въ одно мѣсто. Въ подземномъ кладбищѣ Pontianus нашли четырехъугольную комнату съ углубленіемъ по серединѣ, которое вѣроятно служило купелью; фреска, находящаяся тутъ и изображающая крещеніе Спасителя, оправдываетъ это предположеніе.

Впослѣдствіи христіане, строя свои храмы на поверхности земли, часто давали имъ форму языческихъ базиликъ, но можно сказать, что еще въ каткомбахъ развились тѣ архитектурныя раздѣленія и части, которыя приспособили базилики къ совершенно религіозныхъ обрядовъ и измѣнили ее, на сколько это было нужно для потребностей и обычаевъ христіанъ того времени.

Стѣны и потолки каткомбныхъ комнатъ, иногда плоскіе, иногда сферическіе, не рѣдко расписаны фресками и вообще болѣе обыкновенныхъ галерей и криптъ, вырытыхъ церковью, украшены стѣнною живописью, колоннами вырубленными въ туфѣ и другими архитектурными элементами; послѣдніе представляютъ иногда хорошіе размѣры и напоминаютъ работы цвѣтущаго времени римскаго художества; но это еще съ большимъ основаніемъ можно сказать про фрески каткомбъ,—нѣкоторыя изъ нихъ поражаютъ своимъ сходствомъ съ произведеніями римскаго искусства и до того приближаются къ нимъ, что глазъ, не привыкшій узнавать въ формахъ классическаго стила выраженіе христіанскихъ догматовъ и идей, едва ли отличитъ ихъ отъ той иривой стѣнной живописи, которая украшаетъ дома и храмы въ откратой Помпѣе. Присутствіе подобныхъ памятниковъ въ каткомбной комнатѣ помогаетъ опредѣлить время ея устройства, но вѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, какъ нельзя пожелательнѣе, что христіанское искусство въ Римѣ появилось въ одно время съ распространеніемъ ученія Спасителя. Едва ли можно болѣе сомнѣваться въ этомъ. Въ той части римскихъ каткомбъ, которая уже открыта и изслѣдована, есть фрески принадлежащія несомнѣнно къ концу перваго или началу второго столѣтія, и мнѣніе, что подземныя гробницы

первых христианъ были срыты и обдны, что украшения, стѣнная живопись и произведенія скульптуры, найденныя въ нихъ, работа послѣдующихъ столѣтій, что фигуративныя изображенія постепенно, какъ бы тайкомъ и противъ принятаго обычая, были введены въ христианскую общину въ Римѣ, совершенно опровергнуто сколько послѣдними открытиями, столько же и болѣе тщательнымъ изученіемъ памятниковъ уже известныхъ прежде. Не преувеличивая можно сказать, что чѣмъ древнѣе *cubiculum*, чѣмъ ближе онъ къ апостольскому періоду, тѣмъ многочисленнѣе произведенія искусства, украшающія его, тѣмъ свободнѣе и богаче типами и манерой выраженія религиозныя фигуры и сцены, представленныя на его стѣнахъ, не говоря уже про ихъ художественное достоинство, которое понижается съ каждымъ десятилѣтіемъ. Цѣлѣющее состояніе языческаго искусства, какъ справедливо замѣчаетъ G. V. de Rossi, въ царствованіе Флавіевъ, Траяна, Адриана, Антониновъ, многочисленность живописцевъ и скульпторовъ, работавшихъ въ это время въ Римѣ, обращеніе въ христианскую вѣру богатыхъ и значительныхъ лицъ, даже членовъ императорскихъ фамилій, все это было, разумѣется, какъ нельзя болѣе благоприятно рождающемуся христианскому художеству. Напротивъ, упадокъ искусства въ Римѣ въ третьемъ и четвертомъ вѣкѣ, возрастающая дороговизна работы художниковъ, рѣдкость ихъ, постоянное уменьшеніе богатства страны и общественного благосостоянія; наконецъ гоненія болѣе частыя и особенно болѣе послѣдовательныя въ третьемъ столѣтіи, чѣмъ въ два предъидущія, все это не могло не отразиться невыгоднымъ образомъ и на памятникахъ катакомбъ. Мы увидимъ дальше, что подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ христианскіе ипогиты пользовались болѣею безопасностію въ началѣ періода, предшествовавшего торжеству церкви, чѣмъ въ концѣ его, и живопись христианская потому съ болѣею свободою могла изображать библейскія сцены и евангельскіе сюжеты, вообще дѣятельность ея была менѣе стѣснена въ началѣ перваго столѣтія и во второмъ, чѣмъ въ третьемъ и въ первыхъ годахъ четвертаго. Можно потому сказать, что если христианская вѣра съ каждымъ годомъ распространялась все болѣе и болѣе, приобрѣтала силу и вліяніе, то въ то же время пропадали благоприятныя условія развитія ея искусства; оно шло къ упадку, и рамка его дѣятельности постепенно суживалась. Все это приводитъ насъ къ заключенію, что у первыхъ христианъ вовсе не было того удаленія, того отвращенія отъ художества и пріемовъ его, которое въ нихъ до сихъ поръ предполагали. Памятниками

самыхъ раннихъ временъ и общій характеръ ихъ въ послѣдующіе вѣка доказываютъ намъ это. Въ третьемъ столѣтіи, напримѣръ, въ христианскихъ религиозныхъ изображеніяхъ встрѣчаются фигуры не только прямо перенятыя у міра классическаго, но часто сохранившія въ новой религіи то символическое значеніе, которое они имѣли у язычниковъ, фигуры, сдѣлавшіяся уже очень обыкновенными въ христианскомъ искусствѣ и получившія въ немъ права гражданства. Нельзя потому сказать, что подражаніе началось лишь въ третьемъ столѣтіи. Это, какъ мы уже сказали, только одно заимствованіе формъ, для выраженія новой идеи, но оно проявляется съ самыхъ раннихъ временъ распространенія ученія Спасителя въ Римѣ. Въ надписяхъ, въ символическихъ изображеніяхъ, въ обычаяхъ первыхъ христианъ, въ ихъ религиозныхъ обрядахъ и церковныхъ церемоніяхъ, всюду мы встрѣчаемъ слѣды этого заимствованія. Какимъ же образомъ можно предположить, что первые христіане въ Римѣ, съ отвращеніемъ смотря на все, что напоминало имъ язычниковъ, ихъ предрассудки и вѣрованія, удалялись отъ фигуративныхъ изображеній, и не имѣли искусства, но что слѣдующія за ними поколѣнія начали перенимать классическія формы для выраженія своихъ стремленій, вѣрованій и надеждъ, начали украшать гробницы фресками и скульптурными работами языческаго характера. Такая быстрая перемена, такой внезапный переворотъ лишены всякой вѣроятности. Слѣдуетъ скорѣе заключить, что моментъ принятія христианской вѣры не имѣлъ оттѣнка аскетизма, не выразился тою нетерпимостію, столь несвойственною вообще первымъ христіанамъ, которую одновѣрцы ихъ послѣдующихъ столѣтій стараются имъ приписать. Изучая памятники и надписи христіанъ въ катакомбахъ, нельзя представить себѣ иначе нравственнаго состоянія вѣрующихъ этого времени, какъ стремленіемъ необыкновенно чистаго и поэтическаго характера, можетъ быть не очень ясно опредѣленнаго, и не вполне установленнаго догматически, но идеальнаго, возвышеннаго, преисполненнаго любви и примирительныхъ чувствъ, вдохновленнаго великимъ ожиданіемъ втораго прішествія и несокрушимой вѣрой, выраженной самымъ нѣжнымъ и трогательнымъ образомъ, безъ оттѣнка исключительности и нетерпимости. Идеи аскетизма, ненависти къ жизни и къ ея радостнымъ проявленіямъ, убіенія плоти начали появляться въ Римѣ съ четвертаго столѣтія, и перешли туда съ Востока; до этого времени мы не видимъ выраженія ихъ въ искусствѣ римскихъ христіанъ; напротивъ чѣмъ древнѣе памятники катакомбъ, тѣмъ сильнѣе проявляется ихъ

веселый, одушевленный, грациозный, живой, но вмѣстѣ умирительный характеръ, тѣмъ свободнѣе пониманіе и передача сюжета религиозной сцены.

Очень вѣроятно, что Евреи, принявшіе христіанство, перенесли въ новую религію свое традиціональное удаленіе отъ фигуративныхъ изображеній, и что христіанское ученіе, вышедшее въ Римѣ изъ синагоги *) , въ самомъ началѣ своего распространенія удержало нѣсколько еврейскій характеръ, враждебно смотря на искусство, и удаляясь отъ изображенія божества, запрещеннаго закономъ Моисея. Но этотъ періодъ, если и допустить его существованіе, былъ непродолжителенъ; по крайней мѣрѣ въ надписяхъ, въ живописи и скульптурѣ катаякомбъ не только не видно прямого отраженія еврейскаго вліянія, но даже легенды этого народа, принятые христіанами, начинають выражать въ ихъ искусствѣ совершенно новыя, чисто христіанскія идеи. Притомъ мы видѣли, что въ своихъ катаякомбахъ Евреи употребляли фрески и другія украшенія въ языческомъ вкусѣ, на гробницахъ ихъ надписи сдѣланы на греческомъ языкѣ, и элементы классической культуры преобладали въ ихъ средѣ, по крайней мѣрѣ, что касается еврейской колоніи Рима. Слѣдовательно если они и дали долю своего характера христіанству, въ минуту его появленія въ Римѣ, то все таки не могли внушить ему удаленія отъ фигуративныхъ изображеній, котораго не имѣли сами **).

Желаніе видѣть представленіе своихъ религиозныхъ стремленій, надеждъ и вѣрованій красками и пластическими формами, какъ нельзя болѣе естественно въ людяхъ, жившихъ въ средѣ преисполненной любовью ко всему изящному, принадлежавшихъ по своимъ художественнымъ инстинктамъ къ міру классическому, въ которомъ фигуративная искусства были столь же обыкновенными, столь же дѣйствительными способомъ передачи мысли и выраженія не только чувствъ, но и отвлеченныхъ понятій и идей того времени, какъ и самая рѣчь ***).

*) Этими я хочу сказать, что первыи проповѣдники, равно какъ и большинство первыхъ послѣдователей ученія Спасителя въ Римѣ были Евреи.

**) Гораздо продолжительнѣе былъ періодъ греческій въ Римѣ христіанскомъ. Въ началѣ третьяго столѣтія языкъ греческій былъ во всеобщемъ употребленіи въ римской церкви, на немъ молились и писали надписи; только впоследствии онъ мало по малу сталъ уступать мѣсто латинскому языку.

***) До сихъ поръ имамъ только очень ограниченное число статуи, которыя можно отнести къ первымъ тремъ вѣкамъ христіанскаго искусства (они представляютъ пре-

Духовныя власти не противились этому, писатели церкви и главы ея, осуждавшіе всякое произведеніе искусства, но особенно изображеніе божественныхъ лицъ и священныхъ легендъ и возстававшіе противъ подобнаго, по ихъ мнѣнію, преступнаго подражанія язычникамъ, какъ напримеръ Климентъ Александрійскій, Тертуліанъ, Оригенъ и т. д., принадлежали не Италіи, а симитическому Востоку и Африкѣ, т. е. тѣмъ странамъ, гдѣ изображеніе божества было запрещено религіями нѣкоторыхъ народовъ, гдѣ вообще никогда не проявлялось влеченіе къ выраженію чувствъ и мыслей живописью и пластическими формами, которое постоянно преобладало въ Греціи и Италіи. Описаніе первобытныхъ христіанскихъ памятниковъ, фресокъ и саркофаговъ и объясненіе надписей, на которыя упираются выше изложенныя мнѣнія, удалить насъ отъ истории происхожденія и постепеннаго образованія катаякомбъ, — послѣдней посвящена вторая половина этой книги.

Въ отдѣлѣ истории христіанскаго искусства мы снова возвратимся къ предмету, о которомъ считали не лишнимъ сказать нѣсколько словъ, окончивъ описаніе архитектурныхъ формъ катаякомбъ, ихъ комнатъ, галерей и гробницъ.

искусственно добраго пастыря), тогда какъ напротивъ многочисленныя памятники стѣнной живописи этого періода, открытыя въ катаякомбахъ; изъ этого обыкновенно заключаютъ, что первые христіане Рима предпочитали изображать Спасителя, Богоматерь и святыхъ живописью, избѣгая статуи, потому что эти послѣднія болѣе чѣмъ ересь наполняли имъ языческихъ боговъ. Въ этомъ нельзя сомнѣваться, но не слѣдуетъ однако упускать изъ вида, что большая часть символическихъ сценъ и фигуръ всего чаще представляемыхъ первыми христіанами, какъ напримеръ жертвоприношеніе Иовава Авраамомъ, воскресеніе Лазара, пощленіе расслабленнаго и т. д. могли быть исполнены только живописью или въ барельефѣхъ, никакъ не отлѣпными статуями, и что вообще идеи вдохновляющія христіанскія религиозныя изображенія, равно какъ и всѣ особенности ихъ внутренняго характера, болѣе способны были выражены красками, чѣмъ пластическими формами. По этой же причинѣ живопись первоначально надъ скульптурой въ Италіи въ эпоху возрожденія.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

I.

До Константина катакомбы имѣли различную участь; но ошибочно было бы предполагать, что онѣ постоянно сохраняли скрытый и таинственный характеръ, что существованіе ихъ не было извѣстно властямъ и римскому обществу, и наконецъ, что всѣ гоненія христіанъ простирались также на ихъ гробницы и памятники. Были причины, помогавшія образованію катакомбъ, были обстоятельства, создавшія имъ родъ законнаго существованія. Судьба ихъ разумѣется часто зависѣла оттого, на сколько были терпимы сами христіане; но преслѣдованія первыхъ двухъ столѣтій не касались кладбищъ, и останавливались у предѣла ихъ.

Отдѣльные семейные христіанскіе склепы (пунты, отъ которыхъ пошли подземные ходы и разрослась сѣтъ катакомбныхъ галерей) начались въ Римѣ въ первые года распространенія христіанства, и могли существовать тамъ на томъ же основаніи, какъ и гробницы другихъ вѣрованій. Мы уже видѣли, что послѣдователи восточныхъ поклоненій могли, исключая короткихъ періодовъ гоненій, безпрепятственно совершать въ Римѣ религиозные обряды и хоронить согласно принятому ими обычаю. У нихъ были свои священники, храмы, имѣнія, свои привилегіи, доходы, богатства, и римскія власти въ большинствѣ случаевъ относились къ нимъ съ величайшею осторожностію. Христіане, которыхъ при ихъ появленіи смѣшивали съ Евреями, подобно послѣднимъ, могли имѣть свои подземелья, и уваженіе Римлянъ къ язычникамъ къ гробницамъ всѣхъ народовъ и вѣрованій должно было не мало помогать началу и развитію христіанскихъ катакомбъ.

Въ древнемъ Римѣ гробницы находились подъ покровительствомъ особенныхъ законовъ. Мѣсто, гдѣ былъ похороненъ человѣкъ, гдѣ лежалъ его прахъ, считалось священнымъ, было неотчуждаемо и исключалось

изъ какой бы то ни было торговли. Этой привилегіей пользовались не только самое зданіе, гдѣ хранились остатки покойника, игопей и находившаяся надъ нимъ земля, но даже значительныя участки, присоединенныя къ гробницѣ вмѣстѣ съ постройками для совершенія погребальныхъ пиршествъ, для помѣщенія сторожей, для сжиганія тѣла *) и т. д. Въ центрѣ подобнаго участка обыкновенно строили самый монументъ, подъ нимъ иногда выпякивали игопей; кругомъ простиралась присоединенная къ нему земля, дальше находилось то, что называли *cedere monumento*, т. е. восторженныя зданія, поля, огороды, сады и т. д. Если эти послѣднія не имѣли священнаго характера самой гробницы, то тѣмъ не менѣе были ея неотъемлемою частью, и одно присутствіе остатковъ умершаго въ мавзоль или въ игопей дѣлало неприкосновенной землю, принадлежащую имъ. Когда она вмѣстѣ со всѣмъ, что на ней находилось, переходила въ руки другаго владѣльца, то онъ былъ обязанъ исполнять завѣщаніе основателя гробницы и давать къ ней свободный доступъ имѣющимъ на это право. Пространства эти назывались *area cedens sepulchro*, *area adiecta monumento*, и были иногда чрезвычайно обширны; великолѣпнѣе гробницы считалось въ древнемъ Римѣ однимъ изъ главныхъ условій роскоши, и богатые люди любили окружать мѣсто,

*) Въ послѣдніе голы наши въ бібліотекѣ города Базеля въ Швейцаріи открылъ кони съ надписи, которая заключала завѣщаніе и находилась у римской гробницы города Lingones (теперь Langres) въ Галліи. Въ 8-мъ или 9-мъ столѣтіи она была переписана послѣдователями школы ученаго Алькуина (Alcuin). Двѣ страницы этого списка оказались въ перелетѣ манускрипта 10-го столѣтія. Завѣщатель между прочимъ приказываетъ окончателю *cella memoriae* (т. е. небольшого зданія, назначеннаго для погребенія или стоящаго надъ игопейю), постройку котораго уже начата, и требовать, чтобы при этомъ не отступали отъ плана, сдѣланнаго и одобреннаго имъ. Въ зданіи должны были поставитъ двѣ статуи опредѣленныхъ размѣровъ, одну мраморную, другую бронзовую, изображающихъ хозяина гробницы, а по срединѣ алтаря изъ лучшаго варрарскаго мрамора и въ немъ помѣститъ его остатки. Притомъ нужно было устроить такъ, чтобы входъ въ *cella* могъ быть запертъ или открытъ по желанію, и чтобы свѣтъ, постела, даже одежда для приглашенныхъ была приготовлена въ дни поминальныхъ пиршествъ. Поля и другаго владѣнія завѣщателя назначались имъ для монумента, который поручали охраненію двухъ отпущенниковъ, названныхъ поимена, и пенн поимена на послѣдниковъ, если они позволятъ имъ отступить отъ своей обязанности. Наконецъ всѣ отпущенники завѣщателя должны были ежегодно вносить вѣстную сумму денегъ, на которыя въ назначенный день устраивалось поминальное пиршество у гробницы ихъ предкаго господина.

гдѣ будетъ покоиться ихъ тѣло, зданиями, деревьями, садами, виноградниками и обработанными полями.

Подобные участки, отданные подъ гробницу, были многочисленны въ Римѣ языческою; они находились всего чаще около большихъ дорогъ. Владѣтели ихъ иногда говорили въ надписи, что исключаютъ изъ наслѣдства землю, оставляютъ ее за собой и не позволяютъ ни грабить, ни продавать ее. Часто и вѣтвѣныя пространства принадлежали не одной, а многимъ гробницамъ, и встрѣчаются также примѣры, что люди богатые уступали для погребенія бѣдныхъ поля и сады около ихъ великолѣпныхъ мавзолеевъ. Быть погребеннымъ внѣ семейной гробницы считалось величайшимъ несчастіемъ въ древнемъ мірѣ и большимъ преступленіемъ со стороны тѣхъ, которые лишали тѣло принадлежащаго ему по праву; умершихъ привозили изъ дальнихъ странъ, иногда съ большими издержками на родину, — это была священная обязанность ихъ родственниковъ или друзей *).

Про эти права жилища мертвыхъ говорятъ многіе писатели языческаго Рима **); они опредѣлены также и надписями, въ которыхъ даны размѣры, сдѣлано описаніе и иногда начертанъ планъ гробницы съ землями присоединенными къ ней, съ ея садами, полями, съ ея зданиями и другими второстепенными монументами ***); если были вырыты склепы, и

*) Въ Азияхъ законъ предписывалъ подъ страхомъ смертной казни погребеніе мертвыхъ; и при избраніи гражданъ въ высшія должности республики прежде всего осматривались, выказали ли они должное уваженіе въ праху умершихъ родителей, и устроили ли имъ приличную гробницу.

**) Такъ напримѣръ въ одной изъ сатиръ Горация мы находимъ: „Mille pedes in fronte trescentos cirrus in agrum hic dabit, haeredes monumentum non sequeretur“, т. е. этотъ полустогабъ назначалъ тысячу ступей длинны и триста ширинны, объявляя, что монументъ не перейдетъ въ наслѣдникамъ.

***) Въ Помпѣй открыта гробница евангели Nistacidia, въ надписи которой обозначена длина и ширина земли, присоединенной къ монументу. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи надпись, или лучше сказать, планъ языческаго погребальнаго монумента; онъ начертанъ на мраморной плѣтѣ, которая была найдена въ ятлкомбахъ и вставлена христіанами въ отверстие loculus. Теперь она находится въ музеѣ города Урбано. На этомъ планѣ съ большими подробностями обозначенъ самый монументъ, сколько можно судить, очень богатый, земля, сады окружающіе его, двѣ дороги, въ которыхъ они примыкаютъ, знанія второстепенными усвоенными деревьями и мѣсто для сторожей; отдѣлена земля, присоединенная къ гробницѣ, „агене адіесіае“, отъ той, которая принадлежитъ ему; эта послѣдняя не воздѣлана, тогда какъ первая обработана. Указано также пространство, или отданное благословленію „ex indulgentia“

дѣло шло о монументѣ съ подземельемъ, т. е. ипогеємъ (monumentum cum hypogaeo), то и эта подробность упомянута въ надписи хозяинюмъ, желавшимъ послѣ смерти остаться владѣтелемъ своей гробницы и ея земель.

Ошибочно было бы предполагать, что однѣ языческія римскія гробницы пользовались подобнымъ уваженіемъ закона и обычая; оно распространялось и на кладбища другихъ вѣрованій; ни мѣста погребенія обществъ или товариществъ какого нибудь поклоненія или сеты, ни гробницы отдѣльныхъ лицъ не были лишены этого покровительства. Кто бы то ни былъ умершій, небожный или невѣтроушій, поклонялся ли онъ римскимъ богамъ или сдѣловалъ иностранному суевѣрью, — то мѣсто, гдѣ онъ былъ погребенъ, гдѣ былъ положенъ пепелъ его сожженаго тѣла, дѣлалось священнымъ, по крайней мѣрѣ согласно обыкновеннымъ законамъ, Римляне не отказывали въ погребеніи даже и казненнымъ преступникамъ, такъ напримѣръ, тѣло Спасителя было отдано Іосифу изъ Аримаеи, когда онъ пожелалъ похоронить его.

Мы увидимъ, что въ 3-мъ вѣкѣ потребовались особенные эдикты императоровъ, чтобы лишить христіанъ подземнихъ кладбищъ и запретить имъ входить въ нихъ. Но въ первый два столѣтія они даже и въ періоды гоненій не были поставлены внѣ закона, что касается ихъ гробницъ.

Мученики умирали казненные какъ преступники и враги общества и государства, но тѣла ихъ не были лишены погребенія *), и мѣсто, куда они были положены, пользовалось тѣми же преимуществами, тѣмъ же уваженіемъ, какъ и мавзолей или склепъ патриция и всякаго другого знат-

владѣльцемъ для устройства гробницы не столь богатыхъ, или назначенное въ продажу за этой цѣли. Полустогабъ отдѣлялъ всѣ эти участки одинъ отъ другого и отъ соседнихъ земель. По римскимъ законамъ всякая собственность дважимая или недвижимая принадлежала только живымъ, но въ видѣ исключенія умершій могъ завѣсть мѣстою, гдѣ лежалъ его прахъ. Если кто либо, приготовивъ себѣ при жизни гробницу, дѣлалъ на ней слѣдующую надпись: „hoc monumentum haeredes non sequitur“, что означаетъ: этотъ монументъ, т. е. гробница, не служитъ наслѣдникамъ, не переходитъ въ нихъ (обыкновенно писали только первую букву назваго слова: H M H N S), или опредѣлялъ это въ своемъ завѣщаніи, то владѣніе его вѣчнымъ влащеніемъ было ему на всегда гарантировано.

*) Есть примѣры, что гонители христіанъ запрещали хоронитъ трупы ихъ, но это случалось очень рѣдко; въ дѣяніяхъ мучениковъ говорятъ объ этомъ, какъ о дѣйствіи необыкновенно жестокомъ и произвольномъ; это также служитъ доказательствомъ, что преслѣдованіе обыкновенно останавливалось у гробницъ.

наго Римлянина. Главной причиной этого благоговѣнія въ мірѣ языческомъ передъ бранными остатками челоѣка былъ суевѣрный страхъ, что духъ неуспокоеннаго умершаго будетъ тревожить живыхъ *); но тѣмъ не менѣе онъ преобладалъ въ нравахъ и обыкновеніяхъ римскаго общества, и потому дѣлался гарантіей безопасности для катакомбъ.

Ничто не препятствовало христіанамъ пользоваться правами, которыя имѣли послѣдователи другихъ вѣрованій. На видъ для язычниковъ и для римскихъ властей христіанскія гробницы, вырытыя въ скалѣ холма, подъ землею, не представляли ничего необыкновеннаго; мы видѣли, что не только у восточныхъ народовъ обитавшихъ въ Римѣ, но даже и у Римлянъ были совершенно подобныя мѣста погребенія.

Внутренность христіанскихъ ипогеевъ представляла также мало особеннаго для глаза непосвященнаго въ тайны новой религіи. Мертвые лежали въ горизонтальныхъ, высѣченныхъ въ туфѣ нишахъ, или въ саркофагахъ, точно также какъ и въ восточныхъ и языческихъ склепахъ; живопись и лѣпныя работы, украшавшія стѣны и потолки, приближались какъ нельзя болѣе къ современному классическому искусству и вообще къ манерѣ древнихъ Римлянъ расписывать и убирать погребельныя комнаты. Потому безъ преувеличенія можно сказать, что въ первые времена христіанскія подземелья вѣроятно обращали на себя не больше вниманія, чѣмъ многочисленные ипогеи, принадлежавшіе другимъ вѣрованіямъ, и пропадали между ними.

Иногда христіане воздвигали надъ могилами мучениковъ въ честь ихъ небольшія зданія, cellae или memoriae martyrum **); послѣ Константина эти постройки расширились и превратились въ великолѣпныя базилики, но первоначальная форма ихъ мало отличалась отъ тѣхъ монументовъ, которыми Римляне окружали свои гробницы. Не было закона, запрещавшаго христіанамъ строить зданія погребельнаго назначенія, вы-

*) По понятіямъ древнихъ Римлянъ душа умершаго, котораго прахъ былъ лянъ гробницы, не имѣла жилища и, блуждая непрестанно, не находя спокойствія, путала живыхъ, причиняла имъ различнаго рода убытки, несчастія, тревоги и болѣзни, заставляя ихъ этимъ исполнять ея желаніе и сдѣлать правильное погребеніе ея тѣлу. Но мнѣніе ея было направлено преимущественно противъ родныхъ и друзей, не отдавшихъ послѣдней почести ей земнымъ остаткамъ, не исполнившихъ надгробныхъ обрядовъ, и противъ тѣхъ, которые разрушили или осквернили ея гробницу.

**) Memoria было торжественное названіе гробницы.

капывать пещеры и хоронить въ нихъ мертвыхъ. Этого права они не были лишены даже во время гоненій первыхъ двухъ столѣтій.

Обыкновеніе присоединять къ гробницѣ значительнаго пространства земли также должно было помогать образованію христіанскихъ катакомбъ, и вмѣстѣ дѣлало имъ вполне законный видъ и право на существованіе. Изучая памятники этихъ временъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что христіане вовсе не стремились произвести политической переворотъ, напротивъ, они проповѣдывали послушаніе установленнымъ властямъ, когда оно не было въ противорѣчій съ ихъ религіозными убѣжденіями, и старались жить въ мірѣ съ правительствомъ; не удивительно потому, что если представлялся случай придать законный видъ ихъ катакомбамъ и собраниямъ, то они спѣшили воспользоваться имъ. Вотъ какъ должны были начаться въ Римѣ тѣ христіанскія подземныя кладбища, основаніе которыхъ восходитъ къ первымъ временамъ распространенія новой вѣры.

Однимъ изъ главныхъ условій устройства ипогея было постоянное владѣніе тѣмъ мѣстомъ, гдѣ его выкапывали; переходъ земли въ другія руки въ слѣдствіе наслѣдства, продажи, или конфискаціи, не только отягчалъ бы у христіанъ возможность хоронить въ немъ, но и подвергалъ бы оскверненію прахъ вѣрующихъ. Чтобы удержать постоянно землю въ своихъ рукахъ не было достаточно одного права собственности, на него, разумеется, не всегда можно было положиться; но тутъ законъ римскій являлся на помощь христіанамъ, — онъ признавалъ священнымъ то мѣсто, гдѣ лежалъ прахъ челоѣка, и заставляя уважать волю основателя или перваго владѣльца гробницы, исключая изъ торговли и дѣлалъ неотчуждаемымъ частныя или общія кладбища съ ихъ землями и постройками, къ какому бы вѣрованію не принадлежали люди похороненные въ нихъ. При началѣ распространенія новой религіи ипогеи съ небольшимъ клочкомъ земли, собственности достаточнаго Римлянина, который позволялъ хоронить волея себя бѣдныхъ братьевъ по вѣрѣ, можетъ быть вовсе отданный общинѣ, или приобретенный ею какимъ-либо другимъ образомъ, опредѣленный законнымъ порядкомъ и гарантированный противъ продажи, былъ достаточно для устройства многочисленныхъ гробницъ, тѣмъ болѣе, что ихъ можно было выкапывать около самаго монумента, точно также какъ и въ поляхъ и садахъ присоединенныхъ къ нему (area adiecta). Галереи съ горизонтальными нишами въ бокахъ начинались у cubacula, или подъ землею не выходя изъ предѣловъ садовъ и полей

отданных кладбищу, потому что никаким образом нельзя предположить, что христиане выкапывали ходы, и склепы вь землю, не составляя их собственности. Когда наполнялись гробницами галереи верхняго яруса, вновь приобретали мьсто или углубляемъ его или поднятъ его сводовъ, но всего чаще выкапывали ниже другой этажъ.

Мы видимъ по направленію галерей въ катакомбахъ, по положенію комнатъ и способу группировать ихъ, по выбору мьста для проведенія лѣстницъ, вообще по архитектурнымъ ихъ формамъ и по времени образованія каждой отдѣльной части, что эти подземныя кладбища состояли первоначально изъ самостоятельныхъ группъ, имѣвшихъ правильныя, но небольшія размѣры; что выкапываніе ходовъ пошло отъ отдѣльныхъ пунктовъ, развиваясь около нихъ, не переступая извѣстныхъ границъ; что уже при началѣ проведенія галерей имъ были положены предѣлы, и только впоследствии, въ концѣ третьяго или въ началѣ четвертаго столѣтія, сѣтъ новыхъ и уже совершенно неправильныхъ работъ соединила эти независимыя и иногда довольно отдаленныя одна отъ другой части, присоединя къ нимъ группы новыхъ криптъ и образуя обширную катакомбу. *)

Работы этого послѣдняго періода опутали первоначальные центры или точки отправленія подземныхъ галерей; но не смотря на это, легко отличить комнаты бывшія въ началѣ отдѣльными склепами. Это обык-

*) Въ началѣ образованія ипогея, т. е. въ первыя времена распространенія христіанства, работы производятся въ немъ подъ вліяніемъ другихъ условий, и имѣютъ совершенно иной характеръ, чѣмъ въ послѣдующія столѣтія. Въ комнатахъ, служившихъ началомъ и точкой отправленія подземныхъ ходовъ, и въ галереяхъ перваго яруса границы просторны, глубоки, хорошо размѣрены и широко распространены; по всему видно, что тѣ, которые выкапывали ихъ, не спускали мьстою и не щадили его. Въ работы, произведенныя тутъ, отличаются прочностью и даже изящнымъ вкусомъ, а матеріалъ употребленный для нихъ пресрасснаго качества, равно какъ и известа, служившая для замыканія планъ къ отверстию loculus. Немного позже является забота о поддержаніи сводовъ въ галереяхъ и комнатахъ ипогея, уже нѣсколько утрачивавшаго свои правильныя формы; въ loculi умудренно вставлены плиты гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ отверстія, которыми они закрываютъ, для того, чтобы придать нѣкоторую прочность бокамъ и потолку ходовъ. По мьрѣ того какъ растетъ община, увеличиваются катакомбы и соблюдается большая экономія мьста; галереи 3-го столѣтія наполнены тѣснящимися одна возлѣ другой нишами неправильной формы, грубой и небрежной работы, поспѣшно исполненной при помощи матеріаловъ очень плохаго качества. Въ архитектурныхъ формахъ катакомбъ обозначается съ каждымъ столѣтіемъ тотъ же постепенный упадокъ, который проявляется и въ христіанскомъ искусствѣ.

новено небольшіе cubacula правильныхъ формъ, сообщенныя прежде съ поверхностію земли посредствомъ лѣстницъ, нисколько не скрытыхъ; галереи идуть отъ нихъ составляя продолженіе и постепенное увеличеніе ипогея.

Всего лучше это видно въ катакомбѣ Каллиста возлѣ Аппіевой дороги, подробно изученной G. B. de Rossi и его братомъ. Если исключить изъ этого кладбища работы третьяго и четвертаго вѣка, то получится группы галерей и комнатъ вырытыхъ не въ одномъ уровнѣ, у которыхъ не было первоначально ничего общаго, исключая ихъ собьства. Каждая изъ нихъ развивается въ извѣстныхъ предѣлахъ, имѣетъ свой особенный планъ, направленіе, входъ и лѣстницу у Аппіевой дороги, свои архитектурныя размѣры и отношенія къ дорогамъ, зданіямъ и монументамъ, находившимся прежде на поверхности земли. Одна группа напримѣръ отличается правильностію своихъ ходовъ; они постоянно одной высоты и пересекаются подъ прямыми углами; гробницы, высѣченныя въ туфѣ, просторны и задыланы мраморными плитами; часто встрѣчаются arcosolia; комнаты (cubacula) расположены по обѣмъ сторонамъ галерей, украшеній архитектурными мотивами не видно, живопись изображаетъ одни символическіе сюжеты преимущественно передъ другими. Рядомъ съ этой группой находится другая выше или ниже собьстей; галереи ея узки, высоки, кривы и смѣтаются въ запутанную сѣтъ, въ бокахъ ихъ тѣснятся loculi, задыланные черепицами; arcosolia очень рѣдки, по часты гробницы съ четырехугольной нишей; комнаты расположены не попарно, а отдѣльно одна отъ другой, живопись или имѣетъ особенный характеръ, или ея вовсе нѣтъ, во встрѣчаются остатки пиастровъ, карнизовъ, капителей и другихъ архитектурныхъ элементовъ. Между тѣмъ по надписямъ, по фрескамъ и по историческимъ гробницамъ видно, что обѣ эти части принадлежатъ приблизительно къ одному времени. Нельзя потому не заключить, что онѣ начались независимо одна отъ другой, были выкопаны подъ вліяніемъ совершенно различныхъ условий и соединились только впоследствии.

Все это доказывается также и эпиграфическими памятниками, по смыслу которыхъ видно, что христіане первоначально выкапывали погребальныя пещеры въ предѣлахъ земли, закономъ признанной за ними и составлявшей ихъ собственность. Такимъ образомъ снова подтверждается фактъ, что катакомбы были вырыты самими христіанами, а не образовались вслѣдствіе добыванія строительнаго матеріала.

II.

По криптамъ *Lucina*, одной изъ самыхъ древнихъ частей катакомбы *Callista*, можно прослѣдить шагъ за шагомъ, какъ образовался фамильный христіанскій ипогей въ первомъ вѣкѣ, какъ потомъ онъ пустлъ отъ себя вѣтви, сдѣлавшись общимъ кладбищемъ, и въ послѣдствіи соединился съ близлежащими группами, составивъ вмѣстѣ съ ними большую катакомбу. Церковные документы говорятъ намъ, что прежде это былъ отдѣльный криптъ, и въ самомъ дѣлѣ ходы и комнаты его, вырытыя не въ одномъ уровнѣ съ соседними галереями кладбища *Callisto*, преднамѣренно были отгорожены отъ послѣднихъ особенными работами и часто мѣняютъ направленіе или вдругъ прерываются, чтобы не встрѣтиться съ ними.

Кому первоначально принадлежала подземная гробница превратившаяся въ послѣдствіи въ крипты *Lucina*, кто былъ ея основатель и первый владѣтель? на эти вопросы можно отвѣчать пока только предположеніями. Въ преданіяхъ церкви сохранилась память многихъ богатыхъ и знатныхъ женщинъ называвшихся *Lucina*, которыя, принявъ вѣру Спасителя, содѣйствовали ея распространенію, и помогали существованію христіанской общины въ Римѣ. Можно сказать, что непрерывный рядъ матрочъ этого имени идетъ отъ апостольскихъ временъ до послѣдняго гоненія. Слѣды ихъ благодѣній встрѣчаются также и въ исторіи катакомбъ. Такъ напримѣръ известно, что земля, гдѣ вырыта катакомба *Callisto*, была собственностью христіанки *Lucina*.—Вотъ что знаютъ о происхожденіи этого замѣчательнаго кладбища, въ составъ котораго въ послѣдствіи вошла крипты *Lucina*. Въ мѣстѣ приблизительно отъ стѣны Рима, въ право отъ консулярной *Аппіевой* дороги, нашли эпитафій и колумбарій первыхъ временъ имперіи, принадлежавшія членамъ фамиліи *Saecilii* и ихъ отпущенникамъ; недалеко отъ Рима, также у *Аппіеваго* пути находились согласно Цицерону монументы и гробницы фамиліи *Saecilii Metelli*. *) Въ этихъ самыхъ мѣстахъ развивается подъ

*) Отъ нихъ остались развалины великолѣпнаго мавзолея *Saecilia Metella*, дочери *Metellus Creticus*, женою триумвера *Красса*.

землей катакомбы *Callisto*, и многія изъ ея галерей начинаются у фамильныхъ христіанскихъ склеповъ, гдѣ въ послѣднее время открыты надгробныя надписи съ именами *Saecilii Saecilianii* *). Не безъ основанія можно потому предположить, что первоначальная гробница эти были выкопаны въ землѣ принадлежавшей gens *Saecili* и что тутъ схоронили членовъ этой фамиліи принявшихъ христіанство. Въ началѣ третьяго столѣтія, т. е. въ тѣ времена, когда катакомбы стали переходить въ руки церкви, папа *Зеферинъ* поручилъ *Каллисту*, будущему своему пріемнику, управленіе подземнымъ кладбищемъ востокъ *Аппіевой* дороги, и оно съ тѣхъ поръ стало называться именемъ послѣдняго. Это извѣстно изъ церковныхъ документовъ; въ нихъ также называютъ катакомбу *Callisto* кладбищемъ *Lucina* (*Cœmeterium Lucinae*), прибавляя, что оно было выкопано въ землѣ христіанки имени *Аппіевой* дороги, и тогда еще не соединеннаго съ нимъ. Это тотъ ипогей, о которомъ мы теперь говоримъ; послѣдняя *Lucina* однако не могла быть его основательницей, потому что онъ существовалъ задолго до погребенія въ немъ папы *Корнелія* вмѣстѣ съ другими мучениками. Но то бы ни былъ его первоначальный хозяинъ, онъ несомнѣнно былъ вырытъ въ первыя времена христіанства.

Лѣстница удобная и просторная вела прежде съ поверхности земли къ двойному *cubiculum*, который былъ такъ сказать точкой исхода и самой древней частью всего ипогея, и несмотря на то, что эта семейная гробница страшно пострадала отъ разрушителей, еще можно различить ея первоначальную форму. Двѣ небольшія квадратныя комнаты находятся въ прямомъ сообщеніи между собою посредствомъ двери; въ бокахъ высѣчены просторныя *Ioculi* хорошихъ размѣровъ. Къ несчастію плиты ихъ выбиты и уничтожены, такъ что имена похороненныхъ нель-

*) Нельзя предположить, что тутъ дѣло идетъ объ отпущенникахъ (которые вышедши изъ рабства часто принимали фамилію своихъ прежнихъ владѣльцовъ), потому что въ этихъ именахъ прибавлено *vir clarissimus, clarissima foemina, puella, honesta foemina* и т. д., что въ древнемъ Римѣ дѣлалось только говоря о членахъ патриціанскихъ родовъ.

за возстановить по надписям. Но фрески украшающие потолки комнат и пространства на стенах между гробницами (написанные на стукъ или ступатурѣ очень хорошаго качества, какову употребляли Римляне въ первое столѣтіе имперіи) мало попорчены. Онѣ въ высшей степени интересны и очень напоминаютъ стѣнную живопись открытую въ развалинахъ термъ императора Тита и въ Помпей. *) Поэтическое воззрѣніе на христіанское ученіе преобладаетъ въ нихъ надъ догматической его стороной; такъ напримѣръ, на плоскомъ потолкѣ одной изъ двухъ комнатъ, среди граціозныхъ украшеній и яркихъ красныхъ и синихъ линий и круговъ, среди гирляндъ цвѣтовъ, зелени, птицъ, крылатыхъ амуровъ, и головъ геніевъ, представлены добрые пастыри **) съ овечкой на пле-

*) Надо предполагать, что онѣ одновременны. — По мнѣнію известнаго иѣмецкаго археолога Welker'a ереси двойнаго свѣдѣнiя крѣпко слѣдуетъ отнести къ концу перваго столѣтія. Въ отъѣздъ христіанскаго искусства, тѣмъ им снова возвратился въ нихъ, будутъ помѣшаны хронологическія копии съ нихъ.

**) Описание и объясненіе этого изображенія равно какъ и изслѣдованіе его происхожденія должно войти въ отъѣздъ исторіи христіанскаго искусства, но имъ уже столько разъ называли добраго пастыря, что считаемъ не лишнимъ дать о немъ пона нѣкоторое понятіе. Изъ всѣхъ образовъ, въ которыхъ Спаситель являлся вѣрующимъ, изъ всѣхъ сравненій, которыя онъ любилъ дѣлать съ собою, послѣдователю его ученія въ Римѣ, избрала для искусства самое милосердное и поэтическое. «Я емъ пастыръ добрый», говорилъ о себѣ Христосъ, — «Пастыръ добрый подлагаетъ жнвъ свою за овечь». — И когда всрѣсся и книжники роптали, что онъ принимаетъ грѣшниковъ и ѣсть съ ними, Онъ сказалъ имъ слѣдующую притчу:— «Что изъ васъ, жнвъ сто овечь, и потерявъ одну изъ нихъ, не оставитъ девяносто девяти въ пещерахъ, и не пойдетъ за пропавшею, пона не найдеть ея? А нашадши возьметъ ее на плече свои съ радостію». (Отъ Луки глав. XV). Въ такомъ видѣ, т. е. добрымъ пастыремъ первые христіане изображали Спасителя съ самыми раннихъ временъ. Фигуру пастуха встрѣчаешь въ христіанскихъ намятикахъ апокалипсическихъ временъ; она повторяется впоследствии безчисленное количество разъ, но чаще въ первыя три столѣтія, чѣмъ въ послѣдующія, и начинатъ проповѣдять только въ шестомъ или седьмомъ вѣкѣ. Въ образѣ добраго пастыря Спаситель пона не имѣетъ постоянно одно и то же лице, потому что изображеніе это употребляли преимущественно въ тѣ времена, когда тѣль Христа еще не успѣлъ сформироваться. Это обыкновенно молодой человѣкъ, почти юноша, лице котораго старался вдохновить любовью и добротой. Онъ безъ борды (исключеніе очень рѣдко) съ непокрытой головой, короткими волосами, и одѣтъ какъ пастухъ у древнихъ Римлянъ (нѣтъ на одного крѣпко совершенно нагого добраго пастыря) въ короткую подпоясанную тунику надувающую до коленъ, сверху которой иногда наброшенъ рюль шерстянаго плаща (saguis); съ нѣкъ принадлежности его ремесла: посохъ загнутой у околнечности (pedum), чтобы ловить за ноги ковъ и овечь, сосудъ для скопленія молока (mulctra) и свирѣль (syrinx), на которой онъ иногда представляется играющимъ; звукомъ этого инструмента пастухъ въ античномъ мѣрѣ смысляетъ овечь передъ тѣмъ, чтобы вести

цахъ, въ вдохновленной и оживленной позѣ, какъ не встрѣчаешь позже въ томъ же изображеніи, и женщины задрапированныя по античному съ поднятыми руками въ положеніи молящихся. Въ живописи этой такъ много классическаго, что современные значимы, которымъ она попадалась на глаза, не могли находить въ ней ничего необыкновеннаго, ничего достойнаго ихъ особаго вниманія. Другія фрески этой комнаты сохраняютъ тотъ же характеръ и представляютъ рыбъ плывущихъ и несущихъ на спинѣхъ корзинки съ хлѣбами, между которыми видны сосуды наполненные краснымъ виномъ (по всей вѣроятности символическое изображеніе таинства евхаристіи), *) птицъ среди цвѣтущихъ луговъ, что могло означать души праведныхъ въ вѣчномъ блаженствѣ и

ихъ въ очарно. Но всего чаще добраго пастыря изображали въ ту минуту, когда онъ заботливо несетъ на своихъ плечахъ въ стаду заблудшую овцу, какъ читатель видитъ въ вышитѣхъ на заглавномъ листѣ книги; это рисунко съ статуи изъ бѣлаго мрамора, немного меньше натуральной величины (она находится теперь въ христіанскомъ отъѣздѣи Латеранскаго музея въ Римѣ); безъ сомнѣнія одно изъ лучшихъ произведеній христіанской скульптуры первыхъ вѣковъ, судя по статуе конца втораго или начала третьаго столѣтія; лице пастыря вдохновлено добротою и радостію, что потерянная овца возвращена стаду, и вся фигура его полна граціи и благородства. Двѣ овцы обыкновенно стоятъ по сторонамъ добраго пастыря, а во ересахъ катакомбъ онъ иногда оруженъ ннѣ, одѣвъ въ ннѣхъ смотрятъ на него какъ бы слушающаго его рѣчи, другія равнодушно щипаютъ траву или отходятъ въ сторону; первыя изображаютъ вѣрующіхъ, а послѣднія тѣхъ, сердца которыхъ еще не тронуты его ученіемъ. Образъ божественнаго пастуха встрѣчается безпрестанно въ христіанскихъ намятикахъ различнаго рода, въ надгробныхъ надписяхъ, во ересахъ, въ лѣзныхъ работахъ на стеклянныхъ сосудахъ и блюдахъ, въ барельефахъ саркофоговъ, на кольцахъ, лампахъ, и т. д. Его находятъ не только въ одномъ Римѣ, но и всюду, куда въ первыя вѣва проникло христіанское ученіе. Это самое трогательное и иѣжное изъ всѣхъ изображеній Христа не только этого классическаго періода христіанскаго искусства, но и вообще всѣхъ другихъ вѣвовъ, и иногда, можно сказать, представляя Спасителя не приданаго ему болѣе любимаго и милосерднаго характера пренеполнагого пощеніа о людяхъ и спасожденія въ ихъ слабостяхъ и заблужденіяхъ.

*) Изображеніе рыбы имѣло у первыхъ христіанъ скрытое значеніе: ннѣ выражала несомнѣнно Спасителя, вѣру въ него, и иногда его самого; вотъ на какомъ основаніи: если взять первую букву каждаго слова слѣдующаго ерванъ на греческомъ языкѣ «Иисусъ Христосъ сынъ Божій Спаситель» и соединитъ ихъ ннѣсть, то получится слово ΙΧΘΥΣ, что по гречески означать «рыба». Въ христіанскихъ намятикахъ фигура рыбы повторяется безконечное число разъ, съ самыхъ раннихъ временъ и пропаваетъ только въ началѣ пятаго столѣтія; она имѣла и другія значенія, но въ томъ случаѣ, о которомъ говоримъ мы, всего вѣроятнѣе представляла символически Христа, несущаго свою искупительную кровь и свое тѣло.

т. д. Тѣ изъ моихъ читателей, которые видѣли фрески этой комнаты (ея обыкновенно не показываютъ путешественникамъ посѣщающимъ катакомбы) согласятся, что онѣ выходятъ изъ ряда обыкновенной стѣнной живописи катакомбъ и столько же граціозны и прекрасны, сколько свободны въ выраженіи христіанскихъ чувствъ и идей. Нѣтъ сомнѣнія, что мы находимся тутъ въ ипогеѣ самыхъ раннихъ, можетъ быть даже апостольскихъ временъ, и въ живописи его видимъ явное выраженіе необыкновеннаго впечатлѣнія, производимаго на Римлякъ язычниковъ ученіемъ Спасителя.

Первоначальную величину агеа, или земли ипогеа Lucina можно опредѣлить съ нѣкоторою точностію; она имѣла 100 римскихъ футовъ длины по фасаду и 230 ширины. Это были въ древнѣмъ Римѣ обыкновенные размѣры участка отданнаго подъ погребальный монументъ. Въ его предѣлахъ находилась гробница хозяина и тѣхъ, кому онъ давалъ мѣсто волею себя. Галереи криптъ Lucina, начинающіяся у двойнаго cubiculum описаннаго выше, развивались, какъ теперь еще можно видѣть, не переступая извѣстныхъ предѣловъ, т. е. по всей вѣроятности границы земли принадлежащей ипогею, агеа. Когда въ ходахъ перваго яруса, вырытаго высоко въ холмѣ и замѣчательнаго многочисленностію кубикюловъ хорошихъ размѣровъ, не было больше мѣста для новыхъ loculi, подъ ними провели новый этажъ гораздо обширнѣе перваго. Въслѣдствіе эти первобытныя части крипты Lucina соединились съ катакомбой Callisto, были увеличены, расширены и при этомъ потеряли свои первоначальныя формы. Нѣсколько ниже втораго этажа, въ сторону, въ углубленіи, которое поспе было украшено живописью византійскаго стиля, и очень посѣщаемо богомольцами, G. V. de Rossi открылъ мѣсто погребенія папы и мученика св. Корнелія, чѣмъ и опредѣлилъ время устройства крипты Lucina. *) Второй этажъ его существо-

*) Особенное обстоятельство сопровождало это открытіе. Въ концѣ 1849 го года G. V. de Rossi нашелъ въ погребѣ одного виноградаря возлѣ впа Arria большой обломокъ мраморной плиты, на которой увидѣлъ слѣдующія буквы неполной надписи „*nelius martyr*“. Изъ указаній богомольцевъ можно было заключить, что не далеко отъ этого мѣста была прежде гробница папы Корнелія, который согласно съ преданіями церкви былъ похороненъ отдѣльно отъ своихъ предшественниковъ, со многими другими мучениками христіанскаго патристическаго рода Lucina въ ея подземельѣ. Rossi потому не заведѣлъ вырыть ипсѣю, что этотъ кусокъ плиты, отбитый и случайно удаленный отъ своего мѣста, принадлежалъ гробницѣ Корнелія мученика, и что надпись, вырѣзанная на немъ, содержитъ послѣднія буквы имени

валя слѣдовательно уже раньше середины третьяго столѣтія; Корнелій умеръ въ 252-мъ году, притомъ по надписямъ съ числами соедѣнныхъ loculi и по положенію того скелета, гдѣ находится эта историческая гробница, видно, что онъ былъ выкопанъ гораздо прежде 252-го года и послѣ всѣхъ другихъ комнатъ того же уровня. Можно потому предположить, что галереи втораго этажа были проведены во второмъ столѣтіи; это также доказывается и эпитафіями. Первый или верхній ярусъ ипсѣюй болѣе правильныя формы, чѣмъ остальные, существовать раньше низшихъ, обстоятельство отдаляющее его образованіе къ первымъ годамъ втораго столѣтія. Особенныя работы, произведенныя въ немъ въ серединѣ третьяго вѣка, и короткія надгробныя надписи на греческомъ языкѣ, заключающія только одно имя умершаго безъ другихъ подробностей и имѣющія характеръ большой древности, оправдываютъ подобное предположеніе. Что же касается до двойнаго cubiculum описаннаго

этого папы. Въ самомъ дѣлѣ, когда нѣсколько лѣтъ спустя въ 1852 мѣ году была очищена и разрыта въ криптѣ Lucina одна изъ комнатъ втораго яруса, находился именно подъ виноградникомъ, гдѣ была найдена первая часть надписи, увидѣлъ остальную часть плиты, съ тремя первыми буквами имени Cornelius и внизу Ер. т. е. Евископъ. Составленные вмѣстѣ, эти обломки приходились къ отверстию гробницы того же cubiculum. Такимъ образомъ опредѣлилось какъ нельзя вѣрнѣе мѣсто, гдѣ былъ погребенъ папа Корнелій, и устанавливаясь точка опоры для опредѣленія времени соедѣнныхъ памятниковъ и самого подземелья. Въ той же катакомбѣ Rossi открылъ мѣсто указываемое путешественниками по сѣвнымъ мѣстамъ Рима, гдѣ лежали тѣла почти всѣхъ папъ 3-го столѣтія, отъ Зевириана до Малаціана (до Зевириана нашъ хоронилъ въ Ватиканской катакомбѣ). Это комната (cubiculum) небольшихъ размѣровъ; она была завалена до верха землей, камнями, мусоромъ и не привлекала на себя вниманія археологовъ, предшественниковъ Rossi; верхняя часть ея, всего болѣе попороченная, не представляла ничего особеннаго, но по вѣрѣ того какъ расчищаніе шло впередъ, явился на свѣтъ остатки богатыхъ украшеній и работъ произведенныхъ послѣ торжества церкви. Стѣны ея были не разъ расписаны фресками, и наконецъ нѣсколько варварска покрыты мраморными плитами; а въ напольныхъ ея развалинахъ нашли нащипанъ колонны, иластры, обломки саркофаговъ съ барельевами и разбитыя плиты съ надписями; составивъ послѣднія, Rossi прочиталъ имена нѣсколькихъ папъ 3-го столѣтія; эпитафіи ихъ отицаются краткости и заключаютъ только одно имя папы безъ похвалъ или сомагій; къ имени папы Fabianus другая руна вѣроятно поспе прибавила слово *мученикъ*. Обширная надпись была поставлена тутъ папою Діаномъ въ четвертомъ столѣтіи; она указывала находившеся прежде въ этой комнатѣ епископское кресло или каменный столъ Сивста II-го, на которомъ солдаты инвертора Валеріана обрубили голову этому папѣ, застигнувъ его вмѣстѣ съ другими христіанами въ одной изъ часовенъ (cella) надъ катакомбами Protestatio.

выше, то без сомнѣнія Гонтъ древнѣе окружающихъ галерей, и время его основанія восходитъ потому къ концу перваго столѣтія.

Такимъ образомъ помимо стѣнной живописи этихъ комнатъ можно приблизительно сказать, когда они были выкопаны. Остальные ярусы галерей и кубикюловъ крипты *Lucina* устроены послѣ третьяго столѣтія, имѣють вполнѣ характеръ послѣднихъ и часто небрежныхъ работъ этого времени.

Что этотъ криптъ принадлежалъ первоначально патриціальной римской фамиліи, видно по его топографическому положенію, по богатству украшеній, по остаткамъ дорогихъ мраморныхъ саркофаговъ и его надгробнымъ надписямъ. Въ послѣднихъ встрѣчаются имена значительныхъ римскихъ родовъ *Sæcili*, *) *Cornelii*, *Aemilii*, а на обломкахъ саркофаговъ, которые нашли возлѣ двойнаго *cubiculum* украшеннаго фресками, были прочтены имена *Annia Faustina*, *Lucina Faustina*, *Acilia Vera*, *Annius Catus*, *Sæcilius Faustus*, *Faustinus Atticus*, *Pompeia Attica*, *Atticianus* и т. д. **) принадлежащія лицамъ знатныхъ фамилій, находившихся въ союзѣ *Gens Sæcilia*, и родственникамъ нѣкоторыхъ императоровъ изъ Антониновъ.

Надъ криптами *Lucina*, въ предѣлахъ ея земли видны развалины древней постройки; это безъ сомнѣнія одно изъ тѣхъ небольшихъ зданій (*memoriae; martyrum*), которыя христіане еще до торжества церкви строили надъ катакомбами, и всего чаще надъ могилами мучениковъ.

Не трудно вообразить себѣ, какой видъ и какую форму должны были первоначально имѣть эти христіанскія гробницы подобныя ипогею *Lucina*, перешедшія послѣдствіемъ въ руки церкви, до соединенія и перенесенія произведенныхъ въ нихъ во время гоненій второй половины третьяго столѣтія.

На поверхности столбики или невысокія стѣнки обозначали участки земли почти постоянно правильныхъ размѣровъ; въ предѣлахъ его находились постройки въ честь похороненныхъ и другія зданія; мѣста свободныя воздвигали и усаживали деревьями; подземныя работы были

*) Гробница св. Цециліи, открытая Rossi въ катакомбахъ *Callisto*, окружена могилами членовъ этой фамиліи, обстоятельство дающее право предполагать, что эта мученица была изъ рода *Sæcili*.

**) Между ними вѣроятно есть потомки извѣстнаго *Pomponius Atticus*, осторожнаго пріятеля всѣхъ сильныхъ людей его времени и замѣчательнаго всего больше своего дружкой и нерепиской съ Цицерономъ.

обозначены на поверхности, и группы ходовъ и комнатъ опредѣляли въ глубинѣ земли пространство, составлявшее неотчуждаемую собственность погребальнаго монумента. Внизъ спускались иногда изъ зданія, иногда изъ срубанной отлогости холма, и лѣстница широкая и удобная находилась въ прямомъ сообщеніи съ одной или нѣсколькими комнатами подземелья. Каждая подобная группа гробницъ имѣла свое имя, которое часто оставалось за нею при соединеніи съ другими соседними ипогеями. Потому то катакомбы въ днѣннхъ мучениковъ и въ другихъ древнихъ литературныхъ памятникахъ церкви названы очень рѣдко въ честь особенно уважаемаго мученика, погребеннаго въ нихъ, или по мѣсту положенія, а всего чаще именемъ лицъ неизвѣстныхъ, безъ сомнѣнія первоначальныхъ владѣтелей гробницы, и земли присоединенной къ ней, какъ напримѣръ катакомба *Priscilla* возлѣ дороги *Salaria nova*, *Prætextati* возлѣ пути *Appia*, *Domitilla* возлѣ дороги *Ardeatina* и т. д. *). Скрывать свои ипогеи не было христіанамъ никакой необходимости, они долго е время существовали вполнѣ законно **).

III.

Устройство подобнаго склепа съ его монументами и другими постройками, съ его садами и полями, требовало большихъ издержекъ и было

*) Мы уже сказали, откуда происходитъ названіе катакомбы *Callisto*. Она съ 3-го столѣтія сдѣлалась главнымъ кладбищемъ Рима, и въ немъ начали хоронить не только, не смотря на то, что были крипты столь же древніе и вѣроятно болѣе уважаемые, какъ заключающіе гробницы извѣстныхъ мучениковъ. Это можетъ быть произошло въ сдѣлствіе того, что катакомба *Callisto*, первая изъ всѣхъ христіанскихъ ипогеевъ Рима, превратилась въ кладбище общественное и перешла въ руки церкви.

**) Такимъ образомъ разрѣшается самъ собою вопросъ, приводившій долгое время изслѣдователей подземнаго Рима въ большое затрудненіе, куда могли дѣвать христіане землю набравшуюся въ значительномъ количествѣ при пропашиваніи галерей катакомбъ? Не будучи принуждены прятать ее, христіане могли сваливать этотъ матеріалъ туда, гдѣ имъ это было удобно, — въ тѣ же мѣста, куда свалиывалъ его Еврей, изслѣдователь восточныхъ колонній, вообще всѣ тѣ, которые выкапывали около Рима ипогеи.

возможно богатому человеку. Но не следует предполагать, что христианское учение в первое время своего распространения находило последователей исключительно в низшем и бедном классе общества, между рабами, отпущенниками и ремесленниками. Нет сомнения, что слова Спасителя, обладая великой утешительной силой, всего более привлекали к себе людей обиженных, жизнь которых шла тяжело в сопровождении с печалами, лишениями и оскорблениями всякого рода. Обещание награждения на небѣ за страдания, перенесенныя на землѣ, особенно сладко тѣмъ, кому жизнь представляет мало отрады. Но и в высших классах римскаго общества при появлении христианства были страдания своего рода, именно тѣ моральныя болѣзни, постоянно сопровождающія гражданскія разложения и уничтоженіе вѣры въ божественныя силы священныя прежде. Однихъ, среди этого нравственнаго и религіознаго разстройства, удовлетворяли столько же пустыя по содержанию, сколько сложныя по формамъ таинства поклонения персидскому богу Митра, или египетскимъ и сирийскимъ богамъ и богинямъ; другіе руководились въ жизни принципами философіи и при видѣ возрастающей неправды и постоянного торжества вѣяли опоры и утѣшенія въ идеяхъ стоицизма. Но тѣ, которыхъ религіозное стремленіе не могло быть удовлетворено пустыми мистическими формами или строгими выводами разсудка, которые чувствовали больше другихъ, и внѣ предѣловъ этого міра искали лучшее всего, что окружало ихъ на землѣ, эти люди принадлежали христианству. Подобныя вѣжныя и страдающія сердца находились и въ высшихъ слояхъ римскаго общества, особенно между женщинами, и если ученіе Спасителя при появлении своемъ въ Римѣ нашло большое число последователей въ жилищѣхъ бѣдныхъ людей и рабовъ, въ притонахъ немощныхъ и въ темницахъ, то въ то же время проложило себѣ дорогу въ домамъ богатыхъ и знатныхъ фамилій, и скорбь проникло даже на Палатинъ, во дворецъ императора. Сами христиане должны были заботиться объ обращеніи въ свою вѣру людей достаточныхъ и вліятельныхъ, покровительство и средства которыхъ помогали существованію общины и могли защищать ее въ минуту опасности.

Извѣстно, что еще в первое вѣкъ женщины патриціальныхъ родовъ приняли христианство и сдѣлались ревностными последовательницами ученія Спасителя. Тацитъ въ своихъ Исторіяхъ говоритъ между прочимъ, что въ царствованіе императора Клавдія, женщина знатнаго рода Pomponia Graecina, жена Plautius побѣдителя Британцевъ, была

обвинена въ слѣдованіи иностраннаго суевѣрія. Согласно древнему обычаю ее судилъ мужъ передъ семейнымъ совѣтомъ, и несмотря на то, что Pomponia была оправдана имъ, она провела всю остальную часть своей жизни, около сорока лѣтъ, въ грусти, печали и уединеніи. Можно не безъ основанія предположить, что иностранное суевѣріе, заставляющее жить въ постоянномъ удаленіи отъ свѣта, ничто иное какъ христианство. Открытіе въ криптахъ Lucina надгробной надписи конца втораго или начала третьяго столѣтія съ именемъ Pomponius Graecinus^{*)}, можетъ быть потомка Pomponia, даетъ нѣкоторое, хотя и слабое подтвержденіе этому мнѣнію. Болѣе достовѣрно извѣстно, что родственники Веспасіана, Домитилла и Флавій Клементъ приняли христианство и пострадали за это въ царствованіе сына этого императора—Домициана. Въ послѣднее время открыты игопей, по всей вѣроятности принадлежавшія Домитиллѣ; мы будемъ говорить о немъ ниже.

Церковные писатели сообщаютъ намъ однако далеко неполныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ и говорятъ мало, или вовсе не упоминаютъ о христианахъ дворца императора, de domo Caesaris, которымъ апостолъ Павелъ посылаетъ поклонъ, о родственникахъ императора Веспасіана, упомянутыхъ выше, о сенаторѣ Аполоніи, мученикѣ при императорѣ Коммодѣ, и о многихъ другихъ лицахъ знатнаго происхожденія, пострадавшихъ за вѣру во второмъ столѣтіи. Извѣстно также, что императоръ Септимій Северъ покровительствовалъ нѣкоторымъ сенаторамъ и женамъ ихъ принявшимъ христианство; а въ началѣ третьяго столѣтія Тертуліанъ не страшился утверждать открыто передъ лицомъ языческихъ властей, что христиане населяютъ города и наполняютъ суды, дворцы, сенаты и т. д. Въ третьемъ вѣкѣ христианство было принято женами, матерями, сестрами многихъ императоровъ, которыя тайно или явно слѣдовали или только сочувствовали ученію Спасителя.

Памятники катакомбъ даютъ намъ болѣе положительныя свѣдѣнія о значительности распространения христианства въ высшихъ слояхъ римскаго общества, чѣмъ церковная литература; такъ напримѣръ, нѣкоторыя части римскихъ подземныхъ кладбищъ, образовавшіяся несомнѣнно въ

^{*)} Это обстоятельство и родство фамилій Caecilia и Pomponia навела G. B. de Rossi на мысль, что христианка Lucina владѣтельница земли, въ которой былъ выкопанъ первоначальный игопей названный этимъ именемъ, можетъ быть нѣкто изъ числа Pomponia Graecina. Но пока это, разумѣется, только одно предположеніе.

первый период распространения новой веры, можно даже сказать во времена апостольския, имѣютъ вполне характеръ ипогеевъ знатныхъ фамилій и могли принадлежать только людямъ очень богатымъ; это видно по обломкамъ мраморныхъ саркофаговъ, по дѣльнымъ работамъ и многочисленнымъ фрескамъ, которыя были въ нихъ открыты *), а въ надгробныхъ надписяхъ встрѣчаются имена сенаторскихъ фамилій и близкихъ родственниковъ и некоторыхъ императоровъ.

Богатые Римляне язычники, если они были великодушны, давали въ своемъ ипогее или мавзолее мѣсто «памятникамъ и отпущенникамъ обою пола, иногда и потомкамъ ихъ (libertis libertabus et posteris eorum)». По многочисленнымъ надписямъ видно, что рѣдко хозяинъ гробницы желалъ покоиться въ ней совершенно одинъ, чаще онъ позволялъ хоронить возлѣ себя известныхъ лицъ, вѣняя въ обязанность своимъ родственникамъ или отпущенникамъ воздѣлывать землю кругомъ монумента, грозя проклятіемъ, если воля его не будетъ исполнена. На томъ же основаніи люди достаточные, принявъ христіанство, могли устраивать въ своихъ обширныхъ ипогеехъ гробницы для бѣдныхъ братьевъ общины; они имѣли на это полное право; мы видѣли, до какой степени въ этомъ случаѣ законъ покровительствовалъ волю умершихъ. Если они дѣлали это только для людей одной религіи съ ними, то подобное ограниченіе не могло удивлять и казаться необыкновеннымъ. Этому обычаю слѣдовали поклонники вѣрованій появившихся въ Римѣ раньше христіан-

*) Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи катакомба Priscillae возлѣ дороги Salvia Nova. Классическій стиль ея стѣнной живописи, изображающей догматы и легенды съ тою свободой въ выборѣ, пониманіи и передачѣ сюжета, которая была возможна только въ первые времена распространения новой веры, когда символизировъ ея не успѣлъ установиться и принять въ искусствѣ стереотипическій, неизмѣняющійся характеръ; дорогіе дѣльные работы, напоминающія подобныя же открытыя въ термахъ Тита; особенное устройство главной комнаты не высѣченной въ туфѣ, а сложенной изъ кирпичей безъ горизонтальныхъ швовъ (loculus), изъ чего видно, что она назначалась только для саркофаговъ: все это несомнѣнно признали очень раннего и богатаго христіанскаго ипогея. Къ тому же заключенію приходишь осматривая надгробныя надписи; онѣ очень коротки и содержатъ или умершаго, иногда только одно апостольское пріявітіе „Rex tecum“ (миръ съ тобою). Однѣ изъ нихъ на греческомъ языкѣ и написаны красною краскою, что также представляетъ нѣкую особенность; другія вырѣзаны на мраморныхъ плитахъ и прекрасными формами своихъ буквъ напоминаютъ монументальныя шрифты языческихъ римскихъ надписей первого и второго столѣтій.

ства. Желаніе послѣ смерти быть погребеннымъ въ средѣ своихъ единовѣрцевъ существовало и существуетъ во все времена.

Въ одной надписи *), удаленной отъ своего первоначальнаго мѣста, но по смыслу которой видно, что она находилась прежде у гробницы, сказано, что хозяинъ устроилъ ее для себя, для потомковъ и отпущенниковъ обою пола, но его религіи: «Ad religionem pertinentes meam». Къ несчастію въ надписи не объяснено, какой религіи былъ этотъ человѣкъ. Трудно предположить, что тутъ дѣло идетъ о римскомъ языческомъ поклоненіи. Множество эпиграфическихъ памятниковъ уже объяснили намъ, въ чемъ состояли права владѣтелей гробницъ въ Римѣ античномъ, но ни въ одной изъ нихъ хозяинъ ипогея, монумента, мавзолея и т. д. не дѣлаетъ этого условія, даруя мѣсто праху своихъ родственниковъ, кліентовъ и отпущенниковъ, тогда какъ въ христіанскихъ надписяхъ есть намеки и слѣды подобныхъ ограниченій. Самый смыслъ фразы приведенной выше противорѣчитъ характеру политеизма и понятію о религіи древнихъ Римлянъ; у нихъ слова «моя религія» (religio mea) не имѣли того исключительнаго значенія, которое мы привыкли придавать имъ, и выражали скорѣе набожный страхъ, строгое и точное до суевѣрія исполненіе известныхъ обрядовъ для расположенія въ свою пользу божества, чѣмъ принятіе какой либо веры и постоянное слѣдованіе ея законамъ. Римляне не считали ложными все другія вѣрованія исключая своего; они признавали и иногда перенимали поклоненія народовъ, городовъ, даже отдѣльныхъ фамилій. Таковую надпись не могъ сдѣлать и членъ одного изъ тѣхъ многочисленныхъ обществъ, составляемыхъ обожателями восточныхъ богинь и боговъ. Эти товарищества не называли себя religio, и можно было не оставляя своего вѣрованія принять посвященіе въ таинства какого нибудь особеннаго поклоненія. Всего вѣроятнѣе, что слово religio означало тутъ христіанство или законъ Моисея. Если Евреи въ Римѣ и прозелиты ихъ религіи могли, какъ это намъ извѣстно, ни сколько не стѣсняясь, писать въ своихъ надписяхъ „religio judaica“, то разумнѣе и имѣли право называть ее въ завѣщаніяхъ и въ другихъ законныхъ актахъ, опредѣляя условія пользования ихъ ипогеями. Христіане также могли дѣлать это до Нерона и послѣ паденія его до гоненія Домиціана, можетъ быть даже при императорѣ Нервѣ и въ началѣ царствованія Траяна. Но рѣшить, кто именно—христіанинъ

*) Она была найдена въ Римѣ около впадинъ септаimia Patricii.

или Еврей поставить эту надпись, едва ли возможно. Надо однако замѣтить, что она имѣетъ классическій характеръ, преобладающій въ христіанскихъ эпиграфическихъ памятникахъ и отсутствующій въ еврейскихъ. Во всякомъ случаѣ она можетъ служить доказательствомъ, до какой степени были терпимы въ Римѣ мѣста погребенія иностранныхъ вѣроуверенныхъ, и какъ сильно было желаніе поклонниковъ одного Бога покоиться послѣ смерти отдѣльно, не въ смѣшеніи съ послѣдователями другихъ исповѣданій.

Христіанскіе ипогеи, когда они, превращаясь въ слѣдствіе благотворительности своихъ хозяевъ въ общія кладбища, продолжали принадлежать одному лицу, имѣли видъ частной собственности. Хотѣли ли потому христіане пользоваться правами, которыя законы римскіе гарантировали гробницамъ, приносило ли подобное покровительство имъ пользу или стѣсняло ихъ, они должны были подчиниться ему. Только въ одномъ случаѣ оно могло быть для нихъ затрудненіемъ, именно при сношеніи съ священными, или лучше сказать, духовными римскими властями, подъ надзоромъ которыхъ находились мѣста погребенія. При окончаніи постройки cella или мавзолея, при перемѣнахъ, произведенныхъ въ устройствѣ ихъ, при помѣщеніи трупа, при поправкѣ или перестройкѣ этихъ зданій, равно какъ и вообще всякаго рода гробницъ, въ глубинѣ земли или на поверхности ея расположенныхъ, необходимо было испрашивать разрѣшеніе духовныхъ языческихъ властей.

Слѣдуетъ потому предположить, что и христіане обязаны были объявлять о расширеніи своихъ ипогеевъ и перенесеніи туда умершихъ, что конечно не мало затрудняло ихъ, не потому что они боялись указать правительству на свои кладбища, а потому что всякое сношеніе съ языческими жрецами не могло ни оскорблять ихъ религіозныхъ чувствъ. Въ глубинѣ отдаленныхъ галерей они, вѣроятно, не разъ изобавляли себя отъ этой несприятной формальности, но чѣмъ ближе гробницы находились ко входу въ ипогеи и къ поверхности земли, чѣмъ болѣе онѣ были доступны взору каждаго, тѣмъ труднѣе и опаснѣе становилось скрывать работы и перемѣны производимыя въ нихъ. Надо однако замѣтить, что, пресъ разрѣшенія похоронить умершаго или увеличить число loculi и аrcosolia въ подземелья, христіане не дѣлали ничего противнаго ихъ совѣсти, и не оскверняли себя совершеніемъ языческихъ обрядовъ. Испупительное, или вѣрнѣе, очистительное жертвоприношеніе, дѣлавшееся въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ если при перестройкѣ гроб-

ницы открывались или обнажались кости погребеннаго), можно было избѣжать и отклонить. За исключеніемъ этого, духовныя власти въ подобномъ случаѣ дѣйствовали въ чисто гражданскомъ смыслѣ; слѣдующій фактъ всего лучше доказываетъ это: императоръ Константъ, сынъ Константина, во время своего управленія Римомъ и Италіей, хотя и былъ христіанинъ, не измѣнилъ этого учрежденія, и оставилъ за языческими властями право разрѣшать перестройки и увеличеніе гробницъ всѣхъ религій безъ различія.

IV.

Подобная безопасность христіанскихъ гробницъ разумѣется не была постоянна, и все, что мы сказали выше, относится къ извѣстнымъ, правда очень продолжительнымъ періодамъ, но однако не ко всему времени, которое протекло отъ появленія новой религіи до признанія церкви. Въ первые три столѣтія христіанская община въ Римѣ пережила нѣсколько эпохъ болѣе или менѣе спокойнаго существованія, терпимости и гоненій, которыя отразились въ устройствѣ и расположеніи ея катакомбъ.

Такъ какъ въ началѣ проповѣдники ученія Спасителя были Евреи, то христіане считались римскимъ правительствомъ іудейскою сектою и въ первое время раздѣляли судьбу Евреевъ. Мы знаемъ, что эти послѣдніе, ихъ вѣра, ихъ религіозныя и національныя учрежденія и обычаи не только были терпимы въ Римѣ, но даже признаны властями, и иногда пользовались ихъ покровительствомъ, какъ напримѣръ во времена Цезаря и въ царствованіе Августа. Все первое столѣтіе Іудеи жили и размножались въ Римѣ спокойно, исключая короткихъ періодовъ, во время которыхъ привилегіи ихъ, хотя не уничтоженыя совершенно, не были уважаемы. Въ царствованіе Таберія они претерпѣли гоненіе, продолжавшееся впрочемъ не долго, и при Каллигулѣ снова подверглись притѣсненіямъ; преемникъ его, императоръ Клавдій, обнародовалъ противъ нихъ эдиктъ, дѣйствіе котораго было также кратковременно, и когда въ цар-

ствование Нерона апостолъ Павелъ прибылъ въ Римъ, то засталъ тамъ многочисленную колонію Евреевъ, свободно совершавшихъ свои религіозные обряды *).

Гоненія Евреевъ вовсе не имѣли кроваваго характера преслѣдованія христіанъ, и ограничивались изгнаніемъ массами изъ Рима и Италіи людей этой націи и прозелитовъ ихъ религіи, но разумѣется, никто не думалъ принуждать ихъ отвергать законъ Моисея. Въ промежутки этихъ кратковременныхъ невагодъ, выражавшихъ скорѣе личныя чувства императоровъ, чѣмъ правильное дѣйствіе законовъ, Евреи ничего не терпѣли ни отъ властей, ни отъ народа **). Религіозная пропаганда ихъ, какъ кажется, не была запрещена положительнымъ образомъ, исключая развѣ непродолжительные періоды гоненій. Извѣстно, что не смотря на презрѣніе, въ которомъ они находились у Римлянъ, число послѣдователей ихъ вѣрованія было очень значительно во всѣхъ классахъ общества; это обстоятельство было вѣроятно одной изъ главныхъ причинъ преслѣдованія Евреевъ при Тиберіи. Нѣкоторые изъ этихъ прозелитовъ окончательно принимали законъ Моисея; другіе, не исполняя всѣхъ его обрядовъ и постановленій, отвергали языческихъ боговъ и поклонялись Богу единому, Богу Авраама и пророковъ. Что это можно было дѣлать безнаказанно, свидѣлствуютъ римскіе историки, еврейскія надписи и дѣянія апостольскія.

При появленіи своемъ въ Римѣ и въ провинціяхъ, христіане были приняты за еврейскую секту не въ слѣдствіе непониманія со стороны властей и заблужденія ихъ, какъ обыкновенно предполагаютъ, но совер-

*) Въ Помпей нашли надписи, относящуюся къ Евреямъ либертинцамъ и къ синагогѣ. Въ послѣднее время увидѣли тамъ же при раскопкѣ большой улицы терръ Стабіи на стѣнѣ одной изъ комнатъ дома очень бѣдной наружности слова едина пятинадцати начертанными углемъ, содержащія, согласно G. B. de Rossi, написанную нѣкими христіанами. Это можетъ быть самый древній эпиграфическій памятникъ изъ до слѣдъ моря открытыхъ, въ которомъ называютъ христіанъ, и первый слѣдъ существованія ихъ въ Помпеи, если въ самомъ дѣлѣ слово Christianos, какъ говоритъ G. B. de Rossi, можно было прочесть въ этой надписи, именуемой отъ дѣйствія воздуха, вскорѣ послѣ того какъ ее открыли. Надо замѣтить, что директоръ раскопокъ Помпей Ком. Фиорелли не разделяетъ этого мнѣнія; но другой извѣстный археологъ Неполя Минервали, призванный къ Помпею по этому случаю, стоитъ на сторонѣ de Rossi.

**) Можно не преувеличивать сказать, что положеніе ихъ было не лучше въ Римѣ языческихъ императоровъ, чѣмъ въ средніе вѣка и даже до нашего времени въ Римѣ нинѣ.

шенно согласно со смысломъ законовъ и вообще правъ вѣрваній въ Римской имперіи. Когда апостолы и ихъ ученики, Иудеи по происхожденію, проповѣдывали Бога Моисея и пророковъ, и спорили въ синагогахъ, убѣждая, что ожидаемый Мессія—Христосъ Сынъ Божій, то все это не могло казаться римскимъ властямъ ничѣмъ другимъ, какъ раздоромъ догматическаго характера въ средѣ Евреевъ, въ который они не удоставали вмѣшиваться, презирая этотъ народъ и все, что касалось его.

Подтверженіе этого факта мы находимъ въ дѣяніяхъ апостольскихъ; такъ напримѣръ въ нихъ сказано *), что когда Иудеи привели апостола Павла передъ судилище Галліона проконсула Ахайи, обвиняя его въ томъ, что онъ распространяетъ въ народѣ богопочтеніе несогласное съ закономъ, и когда Павелъ хотѣлъ отвергать уста, то Галліонъ сказалъ Иудеямъ: «Иудеи! если бы дѣло шло объ обидѣ или о тяжкомъ преступленіи, то я имѣлъ бы причину выслушать васъ; но когда идетъ споръ о ученіи, о именахъ и о законѣ вашемъ, то разбирайтесь сами; въ этомъ быть судьбою я не хочу». И прогналъ ихъ отъ судилища.

Нѣсколько времени спустя тысяченачальникъ Клавдій Лиссіи **) писалъ Феликсу правителю Иудеи, что апостола Павла обвиняютъ въ нѣкоторыхъ спорныхъ мнѣніяхъ, относящихся до закона ихъ, но что въпрочемъ нѣтъ въ немъ никакой вины, достойной смерти или оковъ. Въ другомъ мѣстѣ Феликс ***) говоритъ о христіанскомъ ученіи: «Я узнаю о сей ереси тоише».—Исполучая этихъ примѣровъ, въ Дѣяніяхъ апостольскихъ нѣсколько разъ ясно высказывается мнѣніе, что римское правительство въ Иудеѣ принимало христіанъ за еврейскую секту, и не считало ихъ достойными наказанія †).

Тоже самое должно было происходить въ столицѣ имперіи во времена апостольскія, и если Евреямъ не было запрещено обращать Римлянъ въ свою религію, то и христіанство могло въ первое время распространяться тамъ безъ большихъ стѣсненій. Мы видимъ въ самомъ дѣлѣ, что апостолъ Павелъ открыто цѣлые два года передъ глазами своихъ стражей проповѣдывалъ въ Римѣ ученіе Спасителя ††).

*) Глав. XVIII.

**) Дѣянія апостольскія гл. XXIII.

**) Дѣянія апостольскія гл. XXIV.

†) Языческіе писатели и историки точно также смѣшиваютъ христіанъ съ Евреями, и приписываютъ первымъ за злою отбросившихъ вѣру отцовъ.

††) Дѣянія апостольскія гл. XXVIII.

Нѣтъ сомнѣній, что если христіане этого времени, оскорбленные смѣшеніемъ съ Евреями, старались объяснить различіе между собою и этими послѣдними, то римскія власти, всегда очень осторожны до того, что касалось національныхъ признанныхъ ими вѣрованій, не трудились разбирать спорные вопросы, поднятые въ синагогахъ, и не входя въ подробности незнакомыхъ для нихъ религій и догматовъ, поступали подобно проконсулу Галліону. Пользоваться этимъ исключительнымъ положеніемъ, если оно помогало распространенію новой вѣры, христіане могли не обременяя своей совѣсти. Въ объявленіи намѣренія жить по закону Моисея (которые иногда требовалось отъ прозелитовъ еврейской вѣры) Римляне, обращенные въ христіанство, не могли находить для себя ничего оскверняющаго. Эти прозелиты были двухъ родовъ: одни принимали окончательно законъ Моисея и получали въ средѣ Іудеевъ права гражданства, другіе отвергнувъ языческихъ боговъ молились Богу единому *); христіане не Евреи могли быть причислены къ послѣднимъ.

До Нерона и даже послѣ него все первое столѣтіе, христіане раздѣляли участь Евреевъ и вѣроятно не одно притѣсненіе послѣднихъ коснулось первыхъ, но пока не какъ христіанъ, а какъ еврейскую секту. Такъ напримѣръ императоръ Клавдій, согласно Светонію, изгналъ изъ Рима всѣхъ Евреевъ безъ различія, «постоянно бунтующихъ и взволнованныхъ по поводу Chresto». Можно не безъ основанія предположить, что зотъ Chrestus, никто иной какъ Христосъ, неправильно названный римскимъ историкомъ, и что беспорядки и волненія происходили въ Римѣ среди еврейской колоніи въ свѣдѣствіе распространенія ученія Спасителя, принятаго одними и отвергнутаго другими. Въ концѣ царствованія Клавдія Евреи снова возвратились въ Римъ.

Но это исключительное состояніе не могло продолжаться долгое время. Евреи въ свою очередь протестовали противъ неправильнаго смѣшенія ихъ съ ненавистной сектой; обвиняли христіанъ передъ властями въ слѣдованіи суевѣрія новаго, вреднаго, противозаконнаго; распускали въ народѣ римскомъ слухъ, что въ средѣ ихъ появилось преступное исповѣданіе атеизма, послѣдователи котораго не признаютъ никакихъ властей и отдѣляются отъ остальныхъ людей. Обвиненія христіанъ въ ненависти ко всему роду человѣческому, которое мы встрѣчаемъ въ рим-

*) Они назывались чтилками Бога; въ Дѣяніяхъ апостольскихъ о нихъ говорятъ въсвояко разн.

скихъ историкахъ этого времени, шло разужается отъ Евреевъ, и первоначально только ими могло быть распространено.

Писатели церкви первыхъ вѣковъ единогласно утверждаютъ, что преслѣдованіе христіанъ началось въ синагогахъ, что Евреи при появленіи новаго ученія были болѣе ожесточенными врагами его, чѣмъ самыя язычники, и главными виновниками гоненій.

Въ началѣ они, обвиняя христіанъ передъ трибуналомъ, не получали никакого удовлетворенія; вопросы, поднятые ими, производили волненіе, а римское правительство прежде всего любило порядокъ. Очень вѣроятно, что оно въ это время было иногда на сторонѣ христіанъ, и обуздывало ярость и нетерпимость ихъ враговъ. Когда же эти раздоры нарушали общественное спокойствіе и принимали значительные размѣры, то власти изгоняли изъ Рима безъ различія всѣхъ послѣдователей закона Моисея, принадлежали ли они къ сектамъ или нѣтъ, какъ это сдѣлалъ императоръ Клавдій. Но клеветы Евреевъ не могли оставаться совершенно безъ результата, и общественное мнѣніе не было расположено въ пользу христіанъ.

Наступило наконецъ время, когда при постоянно возрастающемъ числѣ послѣдователей ученія Спасителя римское правительство было поставлено въ необходимость или признать это исповѣданіе законнымъ наравнѣ съ еврейской религіей, или запретить его какъ суевѣріе новое и преступное. Тутъ, можно сказать, случай рѣшилъ вопросъ противъ христіанъ.

Послѣ большого пожара 64-го года, истребившаго значительную часть Рима, Неронъ, узнавъ что общественное мнѣніе обвиняетъ его въ этомъ несчастіи, дабы отклонить отъ себя подозрѣніе, воспользовался недобрыми слухами, которые ходили въ народѣ о христіанахъ, и указалъ на нихъ какъ на поджигателей Рима *). По его приказанію христіанъ преслѣдовали и подвергали жестокимъ мученіямъ. Однихъ зашивали въ звѣринныя кожи и травили собаками, другіе умирали на крестѣ, или покрытые воспламеняемыми веществами горѣли какъ факелы въ садахъ Нерона. Римляне съ состраданіемъ смотрѣли на этихъ несчастныхъ жертвъ,

*) Согласно исторію Иосифу, жена Нерона Поппея, которая была ревностной покровительницей Евреевъ, и потому вѣроятно неблагоклонна къ христіанамъ, обратила на послѣднихъ вниманіе императора.

которыя умирали не въ видахъ общей пользы, а въ слѣдствіе жестокаго сердца одного.

Свирѣствовало ли гоненіе Нерона исключительно въ одномъ только Римѣ, или также и въ провинціяхъ, осталось неизвѣстно; всего вѣроятнѣе, что оно, не будучи повсемѣстно, отразилось въ нѣкоторыхъ городахъ имперіи, потому что судъ обвинилъ христіанъ, согласно Тациту, не столько въ пожарѣ Рима, сколько въ ненависти къ роду человѣческаго, подтвердивъ такимъ образомъ клеветы, распространяемыя Евреями.

Христіане въ слѣдствіе этого перваго преслѣдованія, которое продолжалось очень короткое время, не были однако лишены правъ на существованіе и поставлены внѣ закона. Мы видимъ напротивъ, что послѣ смерти Нерона они около тридцати лѣтъ жили спокойно. Тиранинъ былъ низверженъ, признанъ врагомъ общественнымъ, эдикты его потеряли силу, и христіанъ перестали тревожить. Слѣдующее гоненіе ихъ при императорѣ Домиціанѣ было одновременно съ притѣсненіемъ Евреевъ. Послѣднихъ заставляли платить извѣстную подать *) и по Светонію видно, что при Домиціанѣ ее взымали съ большою строгостію, чѣмъ въ предшествовавшая царствованія, требуя не только отъ людей этой націи, но и отъ приверженцевъ ихъ вѣры, которые хотя не объявили себя Евреями, но жили по закону Моисея.

Изъ словъ историка Діона можно, по мнѣнію G. V. de Rossi, заключить, что между прозелитами Евреевъ отличали тѣхъ, которые съ еврейскими обычаями соединяли нечестивость; эти послѣдніе не могли быть ничто другіе, какъ христіане; отъ первыхъ требовали налога, вторыхъ ссылали и казнили. Въ самомъ дѣлѣ, какъ нельзя болѣе правдоподобно, что во времена Домиціана, по случаю строгаго вниманія подати съ Евреевъ и ихъ прозелитовъ, римскія власти вникали въ положеніе христіанъ, въ ихъ отношенія къ Иудеямъ, къ языческому обществу и дѣлали различіе между простыми приверженцами закона Моисея и послѣдователями ученія Спасителя; и это навлекло на послѣднихъ новое преслѣдованіе, въ слѣдствіе обвиненія ихъ въ нечестивости, чему вѣроятно способствовали клеветы Евреевъ и фактъ предшествовавшего гоненія при Неронѣ.

*) Дѣй драхмы съ головы; этотъ налогъ Евреи прежде добровольно вносили для украшенія и поддержки своего храма; императоръ Веспасіанъ, побѣдивъ ихъ, заставилъ платить ту же сумму храму Юпитера Капитольскаго.

Какая бы ни была причина, вызвавшая гоненія христіанъ при Домиціанѣ, оно было, можно сказать, почти мгновенно. Наслѣдникъ этого императора на престолѣ, Нерва запретилъ принимать доносы въ нечестивости и въ слѣдованіи іудейскаго закона; это оказалось благопріятнымъ для христіанъ, потому что первое изъ этихъ обвиненій касалось также и ихъ. Подъ словомъ нечестивости понимали въ Римѣ во времена императоровъ оскорбленіе величества, и христіанъ называли *нечестивыми*, какъ членовъ секты противозаконной, преступной, вредной, враждебной установленному порядку вещей, потому императору, представителю государства, охранителю общественныхъ учрежденій равнаго богаемъ, изображеніе котораго они отказывались почитать возліаніемъ вина и куреніемъ еміама.

Доносъ въ слѣдованіи закона Моисея относился къ прозелитамъ еврейской религіи, и касался только одного фиска, тогда какъ обвиненіе въ нечестивости получало тотчасъ же уголовный характеръ.

Но если гоненіе христіанъ было снова прекращено, то положеніе ихъ уже измѣнилось къ худшему; они были отличены властями отъ Евреевъ и ихъ прозелиты признаны нечестивыми, осуждены какъ враги общества и государства, и только личныя чувства человѣколюбиваго императора прекратили ихъ казни. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ смерти Нервы снова возобновляются обвиненія и доносы на христіанъ, тогда какъ Евреевъ и ихъ приверженцевъ оставляютъ въ сторонѣ. Такъ продолжалось до первыхъ годовъ царствованія Траяна.

V.

Слѣдовательно все первое столѣтіе и начало втораго, исключая гоненія Нерона и непродолжительнаго преслѣдованія Домиціана, христіанъ оставляли въ покоѣ, и ничто не принуждало ихъ таить существованіе своихъ гробницъ. Какой видъ и форму онѣ имѣли въ этотъ періодъ, и какъ мало были скрыты, мы уже видѣли по двойному *cubiculum* въ криптѣ

Lucina. Другой семейный ипогей, по всей вероятности этого же времени, недавно открытый в катакомбах Domitilla, еще более подтверждает все сказанное выше и вместе дает возможность проследить постепенные преобразования, совершавшиеся в подземном Риме, под влиянием времени и обстоятельств и более или менее законного положения христианской общины.

Но прежде, чем говорить об этом ипогее, необходимо сказать, кто была Domitilla, именем которой называют одну из римских катакомб. Мы уже упомянули выше, что несколько лиц из царского рода Флавиев приняли христианство и при последнем императоре этой фамилии Домициане претерпели мученическую смерть. Лазычские историки сообщают церковным писателям самым верным и положительным сведениям об этом событии, потому что все сказанное о нем в дѣяниях мучеников неполно и сбивчиво. У императора Веспасиана был старший брат Тит Флавий Сабин (Titus Flavius Sabinus), занимавший продолжительное время место префекта города Рима при Нероне и после него. Между дѣтьми Sabinus, равно как и между женщинами из фамилии императора Веспасиана, которая вступила с ними в супружество, были христиане. Sabinus находился в должности префекта Рима, когда происходило первое гонение христиан; он конечно знал, в чем состояла их вина, и вероятно разбираал их дѣло. Тацит хвалит его справедливость, умѣренность и говорит, что это был человек кроткий, имѣвший отвращение къ кровопролитию и убийствам.

Не было ли мягкосердіе Тита Флавия Сабина и его доброта, говорить G. V. de Rossi, отраженіемъ христіанскаго ученія, о которомъ онъ могъ имѣть нѣкоторое понятіе; но это разумѣется только одно предположеніе. Больше положительно извѣстно, что сыномъ его Титъ Флавій Клеменсъ (Titus Flavius Clemens), жена послѣдняго Флавія Домитилла (Flavia Domitilla), внучка Веспасіана и племянница Домиціана (дочь сестры этого императора), претерпѣли гоненіе и смерть за христіанскую вѣру въ царствованіе Домиціана. Историкъ Діонъ говоритъ, что этотъ императоръ казнилъ смертью Тита Флавія, не видя на то, что онъ былъ его двоюродный братъ и находился въ супружествѣ съ его племянницей. Флавія Домитилла была сослана на островъ Пандатарію^{*)}. Оба они, со-

^{*)} Pandataria, теперь S-ta Maria, небольшой островъ между островами Понца и Исхія.

гласно Діону, были обвинены въ атеизмъ, за что преслѣдовали и казнили много другихъ лицъ, слѣдовавшихъ еврейскимъ обычаямъ. Подъ словомъ *атеизмъ* въ этомъ случаѣ трудно разумѣть что либо другое, какъ христіанское ученіе: Евреевъ и ихъ прозелитовъ никогда не обвиняли въ атеизмѣ. Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о другихъ родственникахъ императора Домиціана, принявшихъ христіанство, темны и запутаны, но это для насъ не можетъ имѣть большой важности; трудно сомнѣваться въ томъ, что Домитилла и ея мужъ были христіане, и умерли за свою вѣру; этого пока достаточно.

Въ дѣяніяхъ мучениковъ сказано, что тѣла Флавія Домитиллы и двухъ ея подругъ были положены въ саркофагъ и погребены въ Террачинѣ, но два другихъ мученика Нерей и Ахилей (Nereus et Achilleus), служители (cubicularii) въ домѣ племянницы Тита Флавія Клеменса, также христіанки, похоронены въ особенной гробницѣ, — въ землѣ Флавія Домитиллы востъ дороги Ardeatina, въ полуторахъ миляхъ отъ Рима, въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ прахъ Св. Петрониллы (Petronilla), названной дочерью апостола Петра. Древній указатель римскихъ первобытныхъ кладбищъ, составленіе котораго можно отнести къ первымъ вѣкамъ торжества церкви, опредѣляетъ названіе и топографическое положеніе каждой катакомбы, перечисляетъ главныхъ святыхъ ихъ и особенно почитаемыя гробницы, говоритъ между прочимъ, что востъ дороги Ardeatina есть кладбище Домитиллы (coemeterium Domitillae), гдѣ похоронены мученики Нерей и Ахилей вмѣстѣ со св. Петрониллой. Изъ этого видно, что въ первое вѣка христіанства въ руки церкви перешелъ ипогей принадлежавшій прежде Домициану, въ которомъ были схоронены Нерей Ахилей и Петронилла. Кто была Петронилла, названная на надписи богатаго саркофага «Aurelia Petronilla», и принадлежала ли она также фамили Флавиевъ, сказать пока трудно, но уже одно имя свидѣтельствуетъ о ея знатномъ происхожденіи.

Настоящее положеніе катакомбы Домитиллы открыто и опредѣлено точнымъ образомъ^{*)}. Топографической путеводитель по святымъ мѣстамъ Рима указываетъ очень ясно, гдѣ въ древнія времена богомольцы видѣли гробницы Нерея и Ахилея и востъ ихъ объяснительную надпись папы Дамаза, равно какъ и базилику, построенную надъ гробни-

^{*)} Теперь участокъ, въ которомъ развивается эта катакомба, носитъ названіе Tor Marancia.

цей св. Петрониилы. Что земля, на которой находились все эти памятники в первом веке, принадлежала Флавию Домитиллѣ, доказывает надпись, сдѣланная на найденномъ тутъ мраморномъ полуостолбѣ, — въ ней сказано, что пространство въ тридцать пять футовъ длины и сорокъ ширины благосклонно (ex indulgentia) отданы Flavio Domitilla для устройства гробницы (неизвестно однако христіанской или языческой) тремъ особамъ. Другой эпиграфическій памятникъ, открытый тутъ же по близости, въ которомъ Флавія Домитилла названа вичухой Веспасіана (Vespasiani neptis), говоритъ о новой подобной же уступкѣ. Слѣдовательно не безъ основанія можно предположить, что между составными частями кладбища Домитиллы должны быть гробницы, комнаты и галереи, вырытыя въ концѣ перваго столѣтія и можетъ быть даже семейный ипогей христіанки Флавіи Домитиллы, гдѣ былъ погребенъ ея мужъ — мученикъ Titus Flavius Clemens. Въ самомъ дѣлѣ, уже прежде было извѣстно, что въ катакомбѣ Домитиллы есть фрески и надписи, принадлежащія къ концу перваго или къ началу втораго века; а раскопки, произведенныя въ послѣднее время братьями Rossi, открыли существованіе очень замѣчательнаго и обширнаго ипогея. Широкая и хорошо построенная лѣстница вела прямо къ нему съ поверхности земли; первоначально онъ былъ назначенъ не для Юсупіи, высеченныхъ въ туфѣ, а для немногихъ саркофаговъ гробницъ болѣе богатыхъ, которыя стояли въ особыхъ углубленіяхъ или нишахъ*). Стѣны и своды его, мѣстами украшенныя глинными работами, были покрыты стукомъ превосходнаго качества и на немъ видны остатки живописи, приближающейся едва ли не болѣе всѣхъ до сихъ поръ открытыхъ фресокъ катакомбъ къ классическому римскому искусству первыхъ вѣковъ имперіи. Такъ напримѣръ въ сводѣ главной галереи у начала ея изображены крылатые гении, занятые собираніемъ винограда, на вѣткахъ лозы среди птицъ и зелени. Сцена эта представленная очень искусно, съ рѣдкой граціей и большою любовью природы, распространяется свободно по стѣнѣ не стѣсненная геометрической линіей правильнаго раздѣленія; склонность къ холодному симметрическому расположенію сюжетовъ, преобладающая въ живописи катакомбъ третьяго, четвертаго, можно да-

*) Къ несчастью этотъ слязекъ былъ варварски опустошенъ еще въ прошломъ столѣтіи; саркофаги его разбиты или похищены, равно какъ и плиты съ надписями, фрески отдѣлены отъ стѣнъ и унесены, причемъ многія изъ нихъ разбились въ куски.

же сказать втораго столѣтія, вовсе не замѣтна тутъ. Другія фрески еще болѣе пострадали отъ разрушителей; онѣ изображали пастушескія сцены, ландшафты, рыбную ловлю и пиршества, употребленныя какъ простое украшеніе, безъ символическаго значенія, что встрѣчаешь только въ памятникахъ очень ранняго времени христіанскаго искусства. Вообще стиль этихъ работъ напоминаетъ какъ нельзя болѣе стѣнную живопись, открытую въ развалинахъ виллы Ливія и въ колумбаріяхъ времени Августа. Можно было бы подумать, что это подземелье принадлежало язычникамъ, если бы рядомъ съ произведеніями чисто классическаго искусства не были видны сцены вполне христіанскаго символическаго значенія, всего чаще встрѣчающіяся въ катакомбахъ и всего болѣе любимыя первыми христіанами, какъ напримѣръ: Давидъ въ львиномъ рвѣ. Изображеніе этого пророка, открытое тутъ, безъ сомнѣнія самое древнее изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ. Давидъ одѣтый въ короткую туннику стоитъ на возвышеніи съ поднятыми руками, вдохновенный молитвой между двумя бросающимися на него львами. Въ фигурѣ его нѣтъ позы ничего условнаго, и достаточно одною взглядомъ для убѣжденія, что въ ней преобладаетъ та свобода въ передачѣ сюжета и артистическій смыслъ, которые не встрѣчаются въ томъ же изображеніи послѣдующихъ вѣковъ. Возлѣ нашли другія фрески, представляющія Ноя въ ковчегѣ, добрыхъ пастырей, и тому подобныя христіанскія сцены. Надписи, открытыя тутъ, судя по ихъ формѣ и содержанію, принадлежатъ несомнѣнно къ первымъ временамъ христіанства.

Клейма на кирпичачъ, которые употреблены въ этомъ ипогеѣ при второстепенныхъ работахъ послѣ устройства и украшенія главныхъ его гробницъ, свидѣлствуютъ, что различныя перемычки были произведены въ немъ въ царствованіе Марка Аврелія, — его слѣдовательно выкопали и расписали фресками раньше этого времени. Дальнѣйшія раскопки привели тутъ къ новымъ открытіямъ. Когда были разрыты холмы наносной земли и развалины, находившіяся передъ входомъ въ ипогей, оказалось небольшое зданіе хорошаго стиля римской архитектуры, достаточно сохранившееся для восстановленія его первоначальной формы. Это — небольшое, сложенное изъ кирпичей, квадратное, нѣсколько продолговатое строеніе, обращенное фасадомъ на проходившую тутъ прежде дорогу, примыкающая противоположной своей стороной къ срыванной отлогости холма. Оно находится въ прямомъ сообщеніи съ широкой нѣсколько спускающейся подземной галереей, въ бокахъ которой высѣчены четырёхуголь-

ния ниши для саркофагов, и без сомнѣнія составляло родъ преддверія ипогея не скрытое, но выступающее впередъ на поверхности земли. Надъ дверьми видны остатки красиваго карниза изъ обожженной глины и мѣсто для надписи, къ несчастію болѣе не существующей. Преддверіе это, судя по стилю и кладкѣ, перваго или втораго столѣтія имперіи, стояло передъ глазами каждаго проходящаго. Со дороги можно было видѣть не только постройку съ ея надписью, но при отворенныхъ дверяхъ и широкую галерею, гдѣ изображены библейскія сцены, Даниилъ между львами и Ной въ ковчегѣ, въ такомъ мѣстѣ, куда проникаетъ дневной свѣтъ.

Ничего не сдѣлаю тутъ, чтобы скрыть ипогей, и не принято никакой предосторожности для отклоненія отъ него вниманія постороннихъ; ни одна изъ языческихъ гробницъ, сохранившихся до нашего времени, не представляетъ болѣе явный, болѣе очевидный характеръ *).

По всему видно, что это подземелье было выкопано въ періодъ полной терпимости и безопасности не только кладбищъ первыхъ христіанъ, но и ихъ самихъ; и если нѣтъ достаточно доводовъ для доказательства, что это семейный ипогей Домитиллы, который она устроила себѣ при жизни, то онъ безъ сомнѣнія принадлежитъ къ тому времени, когда жила племянница Веспасіана, и находится въ землѣ бывшей ея собственностью. Впоследствии крикъ этотъ соединился съ общими галереями и комнатами катакомбы Домитиллы. Про другія зданія, примыкавшія къ преддверію, мы будемъ говорить ниже, потому что онѣ были построены въ болѣе позднюю эпоху.

*) Совершенно такое же небольшое зданіе у сѣвѣнной отлогости холма съ эскадомъ на дорогу и надписью надъ нимъ находилось предъ входомъ въ семейный склепъ евангелиста Назаріа, также высѣченный въ туфѣ около консульской дороги Фламинія, устройство котораго по характеристикамъ его памятниковъ слѣдуетъ отнести къ первой половинѣ втораго столѣтія. Онъ былъ открытъ въ прошломъ вѣкѣ и впоследствии разрушенъ.

VI.

Въ царствованіе Траяна въ отношеніяхъ римскаго правительства къ послѣдователямъ ученія Спасителя произошла пережѣна невыгодная для послѣднихъ, ихъ положеніе значительно ухудшилось и для нихъ наступилъ новый періодъ существованія, несравненно менѣе благоприятный предшествующаго съ той минуты, когда этотъ императоръ въ письмѣ къ Плинію говоритъ о христіанахъ какъ о людяхъ заслуживающихъ наказаніе. Извѣстно, что Плиній младшій, будучи проконсуломъ въ Вноніи, написалъ къ Траяну, осведомляясь, какъ слѣдуетъ поступать съ христіанами. Вотъ общій смыслъ этого письма. Плиній сознается, что находится въ большомъ затрудненіи, не зная въ какой мѣрѣ, и за что именно наказывать ихъ, должно ли при этомъ принимать во вниманіе возрастъ обвиненнаго и просить изъяснившимъ раскаяніе. «До сихъ поръ, говоритъ онъ, я руководился слѣдующими правилами: я спрашиваю во второй и третій разъ, въ самомъ ли дѣлѣ они христіане; тѣмъ, которые признавались въ этомъ, грозилъ въ случаѣ упорства; и если они подтверждали свои слова, то казнилъ ихъ, потому что, какова бы рода ни было это сознаніе, я считалъ нужнымъ наказатъ такую непреклонную упорность. Нѣсколько другихъ, ослѣпленныхъ тѣмъ же безуміемъ, я пошлю въ Римъ, такъ какъ они римскіе граждане. Но число обвиненныхъ умножается, многіе въ мое присутствіи и въ предписанныхъ мною формахъ молились богамъ и почтили изображеніе ваше приношеніемъ вина и емиама; они произносили даже проклятія противъ Христа, къ чему, какъ говорятъ, невозможно принудить настоящихъ христіанъ; я потому оправдалъ ихъ. Другіе выданные доносчиками сознались, что принадлежали прежде къ христіанамъ, но удалились отъ нихъ—одни три года тому назадъ, другіе болѣе, нѣкоторые уже двадцать лѣтъ. Впрочемъ если вѣрить имъ, вся вина ихъ заключалась только въ слѣдующемъ. Въ извѣстные дни до восхода солнца они собирались и по очереди пѣли гимны восхваляя Христа какъ Бога, за тѣмъ обвязывались взаимной клятвой не къ какому нибудь злодѣянію или преступленію, а напротивъ обѣщали не совершать воровства, грабежа, предубодѣствія, не нарушать даннаго слова, не утаивать повѣреннаго и потомъ расходились, чтобы, собравшись снова, вгущать вмѣстѣ яства обыкновеннаго невиннаго характера. Они говорятъ, продол-

жасть Плиний, что перестали посещать эти собрания въ сѣдствіе моего эдикта, которымъ я, согласно вашему повелѣнію, запретилъ всякаго рода товарищества». — Траянъ отвѣчалъ, что «въ дѣлахъ подобнаго рода нельзя постановить общаго цѣлѣбнаго правила, что не нужно отыскивать христіанъ, но когда они обвинены и изоблачены, то должно наказывать ихъ (*conquirendi non sunt, si deferantur et arguantur puniendi sunt*). Если же обвиненный утверждаетъ, что онъ не христіанинъ и доказываетъ это молясь и възывая къ богамъ, то его слѣдуетъ оправдать изъ уваженія къ расанію, какъ бы ни было сильно и основательно павшее на него подозрѣніе. Во всякомъ случаѣ, продолжаетъ этотъ императоръ, ни въ какого рода обвиненіяхъ не должно принимать неподписанныхъ, безыменныхъ доносовъ, — это было бы пагубнымъ примѣромъ, не согласнымъ съ принципами нашего царствованія».

Слова Траяна подтвердили и установили законность преслѣдованія христіанъ. Съ этихъ поръ единственнымъ спасеніемъ ихъ было добродушіе и терпимость нѣкоторыхъ императоровъ, полагавшихъ пріятельствіе обвиненіямъ и укрощавшихъ ревность доносчиковъ. Власть и законы римскіе уже не видѣли болѣе ничего общаго между Евреями и христіанами: *) религія первыхъ, исключая короткихъ періодовъ притѣснен-

*) Это отдаленіе христіанъ отъ Евреевъ оказалось вполнѣ невыгоднымъ для первыхъ. По мнѣнію властей и общества античнаго Рима все національнаго поклоненія были достойны уваженія, и слѣдовать вѣрѣ отцовъ была обязанность каждаго. Еврейская вѣра имѣла національный характеръ, христіанская напротивъ лишена его. Обѣ эти религіи въ противоположность языческимъ поклоненіямъ, которыя допускали существованіе другихъ исповѣданій, имѣли въ глазахъ Римлянъ принципъ исключительности и нетерпимости въ основаніи своего ученія и догматовъ, что постоянно возмущало къ нимъ враждебныя чувства со стороны язычниковъ. Обмолвленіе Іудеевъ держалось въ отдаленіи не сближаясь съ другими народами, считая себя племенемъ избраннымъ Богомъ, когда являлось сближеннымъ и безумнымъ, но такъ какъ народъ этотъ уже вѣковско стоголѣтіи слѣдовалъ законамъ Моисея и не могъ уклониться отъ нихъ не сдѣлавъ преступленія, то правозначность къ нимъ и ревность въ исполненіи ихъ предписаній были понятны и понаглѣ даже образованнымъ. Христіане находились въ совершенно иномъ положеніи: принимая всенародно вѣру Спасителя, они расторгали умъ съ религіей своихъ отцевъ и являлись, по мнѣнію язычниковъ, послѣдователями не какого либо національнаго поклоненія освещеннаго временемъ, а секты нетерпимой, которая гордо презирала все, что въ древнемъ мірѣ было почитаемо святымъ. Исключительность Евреевъ являлась ихъ національнымъ учрежденіемъ, въ основаніи которыхъ лежала религія, нетерпимость христіанъ не могла опираться этики, и потому ее приписывали враждебности во всему роду человѣческому. По идеямъ Римлянъ христіане, связанные между со-

пій, вызванныхъ постоянно безпокойнымъ и мятежнымъ поведеніемъ ихъ, продолжала пользоваться привилегіями и покровительствомъ властей, тогда какъ вѣроисповѣданіе вторыхъ или было преслѣдуемо, или только терпимо, но такъ мало находилось внѣ опасности, что даже въ царствованіе императоровъ благосклонныхъ къ христіанамъ, строгій приговоръ Траяна былъ приводимъ въ исполненіе надъ нужнымъ, кто въ должныхъ формахъ сознавался въ сѣдствіи ученія Спасителя. *)

Все это пока не касалось владѣнщъ христіанъ, а только лично ихъ самихъ, и то время, когда начались преслѣдованія въ подземельяхъ, запрещенія собраний и конфискація катакомбъ, было еще довольно отда-

бою тѣсными узами дружбы и братства, предпочитая свои личные чувства и вѣрованія поклоненію и союзу національному, что въ древнемъ Римѣ считалось преступленіемъ.

*) Христіанъ судили не исключительными, а обмолвленными законами государства. Отказываясь принести жертву языческимъ богамъ и генію императора, они являлись виновны въ святотатствѣ и оскорбленіи вѣщества. «Вы увидите насъ?» говоритъ Тертуліанъ обращаясь въ язычники, — въ томъ что мы не обожжаемъ нашихъ боговъ и не приносимъ жертвоприношеній «злобренію императора, вотъ за что мы обвинены въ святотатствѣ и оскорбленіи вѣщества».... Законы противъ этихъ преступленій были необыкновенной строгости для всѣхъ одинаково; принадлежалъ ли подсудимый по рожденію и сану къ высшимъ или назимъ классамъ общества, былъ ли онъ *honestior* или *humilior*, при допросѣ его подвергался пыткамъ и если признавалъ виновнымъ, то являлся мучительною смертью. Судья въ подобныхъ дѣлахъ дѣйствовалъ съ большимъ произвольностію, что касалось опредѣленія степени виновности и прилиженія названій, чѣмъ въ другихъ процессахъ. Римляныя язычниковъ, обвиненныхъ въ святотатствѣ или оскорбленіи вѣщества, подвергали тѣмъ же разнообразнымъ мученіямъ какъ и христіанъ; но удивительно потому, что эти послѣдніе пользовались относительно болѣе безжалостностію въ царствованіи императоровъ, запрещающихъ принимать объясненія въ оскорбленіи вѣщества, сдѣланныя источникомъ доходовъ для доносителей. Сверхъ того собранія христіанъ, когда они не могли принять загованаго вида (что — какъ мы увидимъ ниже — было иногда возможно), или когда были запрещены особыми эдиктами императоровъ, имѣли преступный характеръ. Зачинщиковъ, организаторовъ собраний невольныхъ, особенно если они происходили въ ночное время, называли смертью. Но законъ древній еще болѣе положительной и неотклонимой, запрещавшій введеніе иностранныхъ вѣрованій не признавшихъ сенатовъ, поклоновъ новыхъ и прерасудовъ способныхъ тревожить и возмущать умъ, постоянно угрожалъ послѣдователямъ ученія Спасителя; онъ не всегда приводился въ дѣйствіе, иногда даже и забывался на время, но существовалъ однако грозя христіанамъ, религія вторыхъ, какъ видно изъ того, что говорить о ней языческіе писатели, считалась рамками властями суевѣрнѣею новымъ «*nova superstitione*», сектой зловерной, производящей волненія и безпорядки, къ этому присоединялось иногда обвиненіе въ волшебствѣ и чародействѣ.

лено. Однако не смотря на то, что гробницы христиан продолжали быть неприкосновенны и не теряли своего священного характера, неосторожно было послѣ Траяна безгранично пользоваться этимъ правомъ, и открыто, какъ прежде, выставлять около большихъ дорогъ входы въ ипогеи. Подземныя работы приняла потому въ этотъ періодъ большое развитіе, и тѣ наружныя украшенія, которыя до тѣхъ поръ дѣлались на поверхности земли, были перенесены въ глубину галерей, какъ можно видѣть въ катакомбѣ Претестато, гдѣ въ недавнее время открыто нѣсколько комнатъ не высѣченныхъ въ туфѣ, но сложенныхъ изъ кирпичей. Фасады ихъ украшены пластами и карнизами изъ обожженной глины въ классическомъ стилѣ, а стѣны покрыты или мраморными плитами или расписаны фресками. Надписи и остатки живописи на первомъ слобѣ ступа, изображающей чисто христіанскія сцены и легенды, какъ напримѣръ Моисея изсѣкающаго воду изъ скалы, Іону поглощеннаго чудовищемъ, добраго пастыря и т. д. свидѣтельствуютъ, что эти скалены были построены христіанами, а не перешли къ нимъ—какъ можно было бы предположить—отъ язычниковъ, будучи окружены сѣтью катакомбныхъ галерей. Устройство ихъ слѣдуетъ отнести ко временамъ Антониновъ и не трудно замѣтить, что они подражаніе тѣхъ преддверій ипогеевъ, которыя прежде строили на поверхности земли, какъ мы это видѣли у катакомбы Домитиллы. Къ большой осторожности христіане были также принуждены постепеннымъ разширеніемъ своихъ подземелій, которое шло рядомъ съ постоянно возрастающимъ числомъ послѣдователей ученія Спасителя. Увеличиваясь; христіанскія кладбища теряли характеръ многочисленныхъ въ Римѣ языческомъ семейныхъ гробницъ богатыхъ людей, и должны были привлекать вниманіе властей своимъ особеннымъ характеромъ, выходя изъ ряда склеповъ отдѣльныхъ семействъ. Если Ілиний въ письмѣ своемъ къ Траяну по поводу христіанъ, говоря о ихъ собраніяхъ запрещенныхъ прежними законами и новыми эдиктами, не упоминаетъ о кладбищахъ, то это можно объяснить тѣмъ, что послѣдніе еще не успѣли принять значительное развитіе и не потеряли пока вида ипогеевъ, собственности частныхъ людей.

Потому, когда катакомбы приняли, во второмъ столѣтїи, большія размѣры, сдѣлалось необходимо, не только удалить ихъ отъ взоровъ общества, но и придать имъ новую законную форму. Достигнуть этого можно было, превративъ ихъ изъ семейныхъ и частныхъ въ общія.

Въ древнемъ Римѣ существовали кладбища товариществъ или союзовъ, которыя можно назвать обществами погребенія. Главная цѣль составленія ихъ была обезпечить членамъ своимъ послѣ смерти приличныя похороны и гробницу. Правительство позволяло имъ владѣть колумбаріями и ипогеями. Это обстоятельство вѣроятно помогло христіанамъ снова дать легальный видъ своимъ разширяющимся кристамъ. Въ самомъ дѣлѣ надписи и новѣйшія открытія въ катакомбахъ вновь даютъ право предположить, что во второмъ столѣтїи, если не всѣ частныя христіанскіе ипогеи Рима, то по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ превратились постепенно въ мѣста погребенія коллегій или товариществъ, дозволенныхъ правительствомъ. Но прежде чѣмъ говорить объ этой новой фазѣ существованія катакомбъ, необходимо объяснить, какаго рода были эти общества и какими правами пользовались они въ Римѣ языческомъ.

VIІ.

Исторія образованія погребальныхъ коллегій въ античномъ мірѣ находится въ тѣсной связи съ исторіей экономическихъ ассоціацій, и потому слѣдуетъ предварительно сказать о послѣднихъ нѣсколько словъ.

Товарищества взаимной помощи перешли въ Римъ изъ Греціи, но только у Грековъ они имѣли болѣе благотворительный характеръ. *)

Религиозныя братства, составившіяся внѣ падающихъ и уничтожающихся официальныхъ вѣрованій, распространились въ большомъ количествѣ особенно въ послѣднія столѣтія до появленія христіанства въ Греціи и въ тѣхъ странахъ востока, гдѣ преобладало классическое образованіе, были въ одно и тоже время экономическихъ и религиозныхъ. Какъ первыя, они соответствуютъ ассоціаціямъ взаимной помощи, которыя въ наше время составились въ большомъ количествѣ на западѣ,

*) Revue Archéologique. Notice sur deux inscriptions de l'île de Théra. Inscriptions de l'île de Rhodes. Notice sur un fragment de stèle trouvé à Athènes par Wescher, и т. д.

преимущественно в Англии. Отечеством их в древнем мире были Афины, где они существовали исключительно как экономическая общность (*ἐρανος*) с очень давних времен, и эта столица античного образования впоследствии сдвинулась в центр. Управляясь особыми уставами постановленными на собраниях, они выбирали членов, которые вели дела и распоряжались общей казною. Последняя составлялась из определенных взносов, добровольных приношений и сумм оставленных завещанием. На организацию ассоциаций нужно было разрешение властей; но раз дозволив, они больше не вмешивались в управление и внутренния дела ей: она делалась гражданским лицом, получала право наследовать, вести процессы и т. д. Цель их была взаимная помощь сотоварищей в случаѣ несчастія, нужды, болѣзни, пособіе въ упражненіи какаго либо ремесломъ, искусствомъ, въ торговомъ предпріятіи и т. д., но также обезпеченія каждому члену послѣ смерти приличныхъ похоронъ и гробницы.

Какъ духовныя братства, эти общества были конгрегаціи, посвященныя въ таинства какаго нибудь поклоненія или исповѣдующія особенное вѣрованіе (*θῆσος*). Они появились сперва на востоцѣ, въ Египтѣ, Сиріи, Малой Азіи, и сохранили отпечатокъ восточнаго мистицизма. Первоначально союзы религиозныя имѣли исключительно духовный характеръ. Но распространяясь въ Греціи, приняли организацию и устройство экономическихъ товариществъ, а эти послѣднія съ своей стороны получили религиозный отбѣнокъ, поручивъ себя покровительству какаго нибудь божества. Побѣды Александра Македонскаго, сблизивъ востокъ съ Греціей, не мало способствовали этому преобразованію. При преминіяхъ его, раздѣлившихъ основанную имъ монархію, значительно увеличилось число обществъ. Съ этихъ поръ также различіе между ними пропадаетъ, и они въ одно и тоже время дѣлаются религиозными и экономическими, называясь то *θῆσος*, то *ἐρανος* на эпиграфическихъ памятникахъ. Чтобы отличиться другъ отъ друга, они принимали имя особенно почитаемаго божества, подъ покровительствомъ котораго устраивали ассоціацію. Такъ, напримѣръ въ одной надписи говорится о товариществѣ Тирскихъ Ираклестовъ (т. е. поклонниковъ Геркулеса) купцовъ и судозованевъ. Охлажденіе въ языческихъ поклоненіяхъ было главною причиною значительнаго распространенія братскихъ союзовъ, которыя болѣе, чѣмъ холодныя официальные вѣрованія, удовлетворяли влеченію людей искавшихъ новымъ общественнымъ соединеніемъ, новой моральной опоры и религиозной силы.

Вотъ нѣкоторыя подробности ихъ организациі, восстановленныя по сохранившимся надписямъ. Они были свободными ассоціями и имѣли нѣсколько мистическій характеръ, но главною целью братское дружество и взаимную помощь; власти, избранныя на известное время общей подачей голосовъ или назначенныя по жребію, управляли ими; казна ихъ составлялась изъ определенныхъ взносов, обязательныхъ для каждаго члена, и изъ добровольныхъ приношеній. Круговая порука лежала въ основаніи ихъ экономическаго устройства; члены поддерживали другъ друга въ нуждѣ и несчастіи такимъ образомъ, что иногда богатый платилъ, тогда какъ бѣдный получалъ; притомъ бѣдность вовсе не была достаточной причиною для исключенія изъ ассоціи. Члена неплатящаго установленный взносъ исключали только въ томъ случаѣ, если онъ не могъ доказать, что дѣлалъ это въ слѣдствіе болѣзни или несостоятельности. Испытывалъ ли кто нибудь изъ братства неудачи или несчастія въ своихъ дѣлахъ, онъ имѣлъ право на вспоможеніе изъ общей казны съ условіемъ возратить заемъ, когда дѣла его поправлялись. Всего замѣчательнѣе тотъ фактъ, что женщины могли быть приняты въ эти союзы и выбирали своихъ представительницъ или начальницъ. Правила требовали отъ вступающаго честность, набожность, добросердечіе. Въ определенные дни члены сходились для разсужденія о дѣлахъ, для празднованія годовщины составленія общества и другихъ замѣчательныхъ событій произошедшихъ въ его средѣ, причемъ совершались братскія пиршества, на которыхъ царствовало равенство и согласіе. Постановленія дѣлаемыя въ эти дни писались на мраморныхъ или бронзовыхъ плитахъ или полустолбахъ, которые потомъ ставили въ святилищѣ храма, гдѣ поклонялись божеству-покровителю. Это были такъ сказать архивы союза, и они открыли намъ существованіе ассоціи въ древнемъ мирѣ. Собранія происходили въ садахъ окруженныхъ портиками, по серединѣ находился алтарь для жертвоприношеній. Религиозные обряды исполняемые при этомъ имѣли характеръ суевѣрій восточныхъ вѣрованій, но за то экономическое и социальное устройство обществъ заключало много человѣколюбивыхъ принциповъ и носило отпечатокъ развитыхъ идей древней Греціи. Если притомъ принять во вниманіе, что они составлялись изъ соединенія людей богатыхъ и немущихъ, для улучшенія моральнаго и матеріальнаго состоянія членовъ, принимая въ среду свою женщинъ на равныхъ правахъ съ мужчинами, и что все это происходило раньше появленія христіанства, то—нельзя не сознаться—фактъ этотъ очень замѣ-

чателен и может служить точкой опоры для определения степени нравственного развития общества мира античного. Многочисленны были ассоциации въ Греціи, въ Архипелагѣ и на востокъ по берегамъ Средиземнаго моря. На островѣ Родосѣ вмѣстѣ съ сосѣдними небольшими островами можно возстановить по углубвшимся надписямъ существованіе девятнадцати подобныхъ союзовъ.

УІІІ.

Въ Римѣ и Итали ассоціи экономическія и религіозныя братства (collegium, sodalium) существовали съ давнихъ поръ, особенно вторые, и размножились въ послѣдніе вѣка республики; *) но если въ Греціи онѣ не казались опасными и могли безпрепятственно организоваться, то въ Римѣ произошло совершенно противоположное. Тамъ союзы, составившіеся помимо ассоціи государственныхъ, внѣ семейства и сословія, по большой части изъ людей бѣдныхъ принадлежавшихъ къ массѣ народа, не могли внушать большого довѣрія патриціямъ, представителямъ власти, которую они съ такимъ упорствомъ и такъ ревниво сохраняли въ своихъ рукахъ. Плебеи Рима и люди изъ низшаго класса охотно вступали въ товарищества взаимной помощи, особенно если они имѣли религіозный характеръ; но правительство республики не было къ нимъ благосклонно, оно постоянно старалось уничтожить или стѣснить дѣятельность тѣхъ обществъ, которыя находило въ завоеванныхъ странахъ востока, и въ тоже время полагало препятствія образованію ихъ въ Римѣ, въ Итали, вообще на западѣ.

По римскому праву простое собраніе, если оно не имѣло шумнаго и бунтующаго характера и если не происходило ночью, не было запрещено никакимъ закономъ. Даже и обыкновенныя ассоціи были дозволены, но они не могли безъ особеннаго разрѣшенія сената и вполнѣдствіи имъ

*) De Collegiis et Sodalitiis Romanorum. Accedit Inscriptio Lanuvina. Th. Mommsen Kilae. 1843.

ператора сдѣлаться гражданскимъ лицомъ, т. е. коллегіей признанной (collegium) владѣть собственностію, рабами, освобождать ихъ, наслѣдовать, вести тяжбы, имѣть казну, выбирать казначея, старшину и доверенныхъ для сношеній съ властями и съ частными людьми, точно такъ же не могло существовать само по себѣ, независимо отъ членовъ основателей, и отъ перемѣнъ происходившихъ въ составѣ ихъ. Не всѣ эти права имѣли товарищества въ провинціяхъ. Разрѣшеніе властей было потому необходимо для существованія общества, и напрасно было бы приступать къ составленію его не испросивъ на это дозволенія у кого слѣдовало. Давая его, правительство дѣлало различныя ограниченія иногда очень стѣснительныя. Такъ напримѣръ, оно определяло число членовъ, которое нельзя было переступать, разрѣшало собранія ихъ только черезъ дальніе сроки, лишало права имѣть казну и т. д. Строгія наказанія угрожали нарушителю этихъ постановленій. Можно предположить, что они не всегда исполнялись, особенно что касается товариществъ религіозныхъ по преимуществу, которыхъ власти республики допускали съ большою легкостію, чѣмъ экономическія ассоціи. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что братства, почитавшія какое нибудь божество, всего чаще восточное, снова появлялись въ Римѣ скоро послѣ ихъ запрещенія. Этому, вѣроятно, не мало способствовалъ постоянный наплывъ къ столицѣ міра жителей изъ покоренныхъ странъ Востока.

Особенно въ послѣднее столѣтіе республики коллегіи экономическія сдѣлались предметомъ безпокойствъ для правительства, и оно начинаетъ принимать противъ нихъ рѣшительныя мѣры; прежде они пользовались относительно большою свободой. Увеличеніе строгости могло вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что много новыхъ обществъ приняла въ это время политической характеръ и сдѣлались центрами демагогической агитации. Въ 684-мъ г. отъ основанія Рима сенатское постановленіе уничтожало collegia, исключая тѣхъ, которыя существовали съ давнихъ поръ законнымъ образомъ, и запретило составленіе новыхъ безъ дозволенія. Свобода ассоціи была снова восстановлена десять лѣтъ спустя, но на короткое время, трибуномъ Клодіемъ, который желалъ угодить народу и искалъ его расположенія.

Императоры Рима, сосредоточивъ власть въ своихъ рукахъ, были склонны во всякаго рода ассоціи гражданъ видѣть что то угрожающее; коллегіи должны были казаться имъ еще опаснѣе, чѣмъ правительское; не удивительно потому, что они никогда не успевали

ихъ изъ вида и постоянно были имъ враждебны. Одной изъ главныхъ заботъ Цезаря диктатора было уничтоженіе обществъ, уже существовавшихъ, и запрещеніе организовать новыя; а такъ какъ во время войнъ, сдѣдовавшихъ за его смертью, они снова появились, то Августъ подтвердилъ и вновь привелъ въ дѣйствіе это постановленіе; у правителей провинцій было отнято право разрѣшать устройство коллегій, а военачальникамъ запрещено позволять союзы состоять въ лагеряхъ. Ассоціаціи, составлявшіяся безъ разрѣшенія императора, не только были уничтожаемы, но и члены ихъ преслѣдуемы какъ за оскорбленіе величества и какъ враги общественныя. Строгую наказанію подвергались и тѣ, которые подъ религиознымъ предлогомъ составили собраніе принявшее экономическій характеръ. Положительная бѣдность и незначительность, можно даже сказать ничтожность, требовалась отъ людей получившихъ право сдѣлать религиозное собраніе, но и при этихъ условіяхъ оно было допускаемо съ большими ограниченіями.

Что же касается обществъ экономическихъ, то правительство, какъ видно по надписямъ, охотнѣе разрѣшало составленіе ихъ ремесленникамъ изготовлявшимъ предметы первой необходимости и общей пользы, чѣмъ людямъ занимавшимся торговлей или производствомъ предметовъ роскоши. Иногда помощь оказываемая имъ бѣднымъ казалась опасною, такъ напримѣръ императоръ Клавдій повелѣлъ закрыть тѣ трактиры, мѣста собраний членовъ коллегій, гдѣ немущіе люди могли получать подешевымъ цѣнамъ вареное мясо и теплую воду. Въ столько же жестокое, сколько и беспорядочное царствованіе Каллигулы ассоціаціи были снова дозволены, но свобода ихъ продолжалась короткое время. Даже Траянъ, котораго считаютъ однимъ изъ самыхъ человѣколюбивыхъ и либеральныхъ императоровъ Рима, постоянно отказывалъ въ позволеніи составлять коллегіи и смотрѣлъ съ недобровѣріемъ на всякаго рода ассоціаціи (*collegia, sodalitates*). По его повелѣнію Плиній Младшій, будучи проконсуломъ въ Виеннѣ, запретилъ ихъ. Вотъ по какому случаю выразилъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ Траянъ. Большой пожаръ истребилъ множество зданій частныхъ и общественныхъ въ городѣ Никомедіи. Плиній, который тогда управлялъ Виенной, обратился къ императору, прося его разрѣшить составленіе товарищества изъ ста пятидесяти ремесленниковъ-плотниковъ (*collegium fabrorum*) готовыхъ принять на себя обязанность тушить пожары. Траянъ отказалъ въ этой просьбѣ; „не сдѣдуетъ забывать, говорить онъ въ письмѣ къ своему проконсулу, что

эти общества почти всегда производятъ безпорядки; какъ бы мы ихъ ни называли, подъ какимъ бы предлогомъ они ни собирались, какое бы короткое время ни происходили эти собранія, есть постоянная опасность въ ихъ существованіи.“ По вѣроятію были и при императорахъ времена болѣе благоприятныя для ассоціаціи, когда ихъ запрещали съ меньшею послѣдовательностію, чѣмъ въ царствованіе Траяна. Притомъ стремленіе бѣдныхъ разрозненныхъ людей соединяться для достиженія болѣе сильна, большаго значенія, слишкомъ естественно и сильно, чтобы остановиться передъ препятствіями. Общества устраивались во множествѣ въ Римѣ и провинціяхъ, не взирая на оппозицію правительства, вѣроятно даже и помимо его. Они были многочисленными особенно во второй половинѣ втораго и въ третью столѣтіи. Надо предположить, что нѣкоторые императоры этого времени, подобно Александру Северу, разрѣшали составленіе ихъ съ болѣею легкостію. По эпиграфическимъ памятникамъ, которые были открыты въ въ самомъ Римѣ, въ Остіи, въ Моденѣ, Миланѣ, Комо, Веронѣ, Лионѣ, Арлѣ, Дижонѣ, Кельнѣ, Майнцѣ и другихъ городахъ, принадлежавшихъ Римлянамъ, можно возстановить существованіе во времена республики равно какъ и имперіи коллегій *) лодочниковъ, рыбаковъ, столяровъ, булочниковъ, продавцевъ соли, скота, вина, хлѣба въ зернѣ, башмачниковъ, слесарей, переплечниковъ, банкировъ, медиковъ, мимовъ, атлетовъ, гладиаторовъ, актеровъ, вucherovъ цирка, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и т. д. **) Можно сказать, что почти всѣ ремесла и роды торговли извѣстные въ древнемъ мѣрѣ названы въ надписяхъ экономическихъ ассоціаціи, поручавшихъ себя покровительству каковаго нибудь божества, какъ напримѣръ Юпитеру, Сатурну, Меркурію, Венерѣ, Минервѣ и пр., именуясь ихъ поклонниками или обожателями.

Общества составлялись также изъ членовъ различнаго ремесла и занятій, или изъ людей одной націи живущихъ далеко отъ отечества, часто изъ обитателей одного и того же квартала, поручавшихъ себя покровительству божества, около храма котораго находились ихъ жилища. Желаніе найти компанію, составить дружескія связи было вѣроятно одной изъ главныхъ цѣлей образованія этихъ союзовъ. Не всѣ онѣ, разумѣется, были обществами взаимной помощи, но нельзя отвергать, что существо-

*) Въ своихъ надписяхъ они часто упоминаютъ, что дозволены властями.

**) Essai sur Marc-Aurèle d'après les monuments épigraphiques par M. Noël des Vergers. Paris. Firmin Didot frères 1860.

вали ассоциация подобного рода в Римѣ античномъ, хотя тамъ они не имѣли того благотворительнаго и развитаго характера, которымъ отличались въ Греціи и ея колоніяхъ.

IX.

Исключая экономической и религіозной цѣли, большая часть коллегій обязывалась доставить каждому умирающему члену приличную гробницу и похоронить его съ должными обрядами. Но были также ассоциация, составлявшія исключительно для этого послѣдняго назначенія (*collegia funericia*), они всего чаще позволялись правительствомъ, и какъ видно по эпиграфическимъ памятникамъ, существовали въ большомъ количестве.

Право на гробницу, признаваемое за умершимъ, уваженіе къ его праву и забота каждаго о приготовленіи себѣ мѣста покая послѣ смерти, преобладавшія въ мірѣ античномъ, объясняютъ многочисленность обществъ погребенія и свободу, которой они пользовались, тогда какъ экономическія товарищества разрѣшались съ большею трудностію. Не безъ основанія можно предположить, *) что многія изъ религіозныхъ конгрегаций, слѣды которыхъ часто встрѣчаются въ надписяхъ, были въ тоже самое время погребальными коллегіями. Они состояли преимущественно изъ бѣдняковъ, рабовъ, отщепенниковъ.

Богатый человѣкъ въ Римѣ языческомъ умирая съ увѣренностію, что будетъ кому позаботиться о его прахѣ, но пролетарій не оставившій послѣ себя никакого имущества, кончая жизнь, не могъ быть такъ покоенъ относительно участи его тѣла: оно могло или пропасть въ общихъ ямахъ (*puticuli*), или сгорѣть безъ всякихъ церемоній на общественныхъ кострахъ (*ustrina publica*). Чтобы отвратить подобное, по мнѣнію древнихъ, большое несчастье, бѣдные люди составляли союзы,

*) De Collegiis et Sodalicis Romanorum. Accedit Inscriptio Lanuvina. Th. Mommsen. Kiliae 1843.

дѣляли между собой складчины, вносили ежемѣсячно известную плату до своей кончины, и обязывались взаимно совершать надъ умирающимъ товарищами должные обряды и доставить имъ приличное мѣсто покая. Такимъ образомъ бѣднякъ былъ утѣшенъ мыслью, что тѣло его сожгутъ на отдѣльномъ кострѣ въ присутствіи членовъ общества, что оставшіяся пепель, заботливо собранной, положить въ урну, которую помѣстятъ въ нишѣ колумбарія, и подъ нею напишутъ его имя; а память его будетъ почтена приличнымъ образомъ братскимъ пиршествомъ. Особенно рабы должны были страшиться, что послѣ смерти съ ихъ прахомъ поступатъ такъ же безцеремонно, какъ съ особами ихъ обращались при жизни. *) Потому то они составляли большинство въ коллегіяхъ погребенія и лишали себя самаго необходимаго, жертвуя послѣднимъ, чтобы сдѣлаться ихъ членами.

Союзы подобного рода не могли казаться опасными правительству, и въ законахъ, запрещавшихъ ассоциация, было исключеніе въ пользу бѣдныхъ людей Рима (*tenuiores*), которымъ дозволялось составлять общества погребенія, имѣть казну и дѣлать собранія. Известныя ограниченія стѣсняли ихъ до нѣкоторой степени: они обязывались заниматься только погребеніемъ умершихъ членовъ, ни подъ какимъ предлогомъ не переступать предѣлы своихъ правъ, и не собираться чаще одного раза въ мѣсяцъ. Это право было распространено императоромъ Септیمیемъ Северомъ на провинціи. Погребальныя коллегіи около этого времени свободно размножились подъ разными именами. Врѣзочно онѣ могли составляться не испрашивая на это позволенія властей. Въ концѣ втораго столѣтія и въ третьемъ ихъ такъ было много, что имъ стали давать названіе коллегій (*collegium*) безъ другаго прибавленія или объясненія.

Изъ дошедшихъ до насъ надписей погребальныхъ обществъ самая интересная своими подробностями та, которая заключаетъ уставъ коллегіи, основанной въ 133 г. по Р. X. въ городѣ *Lanuvium* близъ Рима подъ покровительствомъ Дианы и Антіноя. **) Въ ней очень подробно объяснены цѣль и управленіе общества состоявавшего преимущественно

*) Въ одной надписи рабъ говоритъ что сдѣлавъ себѣ гробницу на свои экономія, «*frugalitate mea feci*». Въ другой открытой на югѣ Италіи сказано, что трое друзей умершаго, рабы какъ и онъ, соединились для сооруженія ему гробницы.

**) Этотъ замѣчательный эпиграфическій памятникъ былъ открытъ въ 1816 году въ развалинахъ термъ города *Lanuvium*, теперь *Civita di Livigna*.

изъ рабовъ. *) Въ началѣ цитировано сенатское постановление позволявшее составленіе collegia funeraticia. Поступающій обязывался внести въ казну сто сестерцій (на наши деньги приблизительно 4 руб. 50 к. с.) и угостить членовъ амфорой хорошаго вина; потомъ до самой смерти платить ежемѣсячно 5 асовъ (въ это время равнялся 1 съ 1/4 к. среб.). Общество это, которое какъ видно было очень бѣдно, не владѣло погребальнымъ монументомъ, но каждому умершему товарищу дѣлало похороны въ 300 сестерцій, изъ которыхъ 50 раздавались присутствующимъ членамъ. На похороны умиравшимъ въ Lanuvium, но не дальше двадцати миль отъ города, посылали трехъ представителей коллегіи, которые получали за это 20 сестерцій. Если жестокосердый хозяинъ отказывалъ отдать тѣло своего умершаго раба, то похороны дѣлали его изображенію. Самоубійцы терли право на погребеніе, равно какъ и несправно платящіе члены. Освобожденный рабъ долженъ былъ угостить общество амфорой вина, а глава или старшина при его избраніи обязанъ былъ дать ужинъ. Въ опредѣленные дни происходили жертвоприношенія богамъ. Кромѣ возліанія вина и обѣдовъ (которые можно назвать поминками) при похоронахъ умершихъ членовъ, въ дни рожденія ихъ и т. д. общество дѣлало шесть торжественныхъ (разумѣется относительно) банкетовъ въ честь Дианы и Антиной и для прославленія своего покровителя. **) На эти пиры каждый членъ долженъ былъ приносить свои съѣстные припасы, и одинъ изъ нихъ поочередно приготавливалъ всѣ необходимыя принадлежности обѣда какъ-то, посуду, хлѣбъ и вино, раздаваемое между товарищами, теплую воду, постели для возлежащихъ у стола, иногда и одежду для пирующихъ и т. д.

*) Они могли вступать въ коллегіи только съ разрѣшеніемъ ихъ владыкъ, но ихъ низкое состояніе не было препятствіемъ избранію ихъ архитратора и владетеля.

**) Почти у всякой коллегіи былъ покровитель, обыкновенно значительное или важное лице, иногда просто богатый человѣкъ, сдѣлавшій какою нибудь подарокъ обществу, за что оно въ видѣ благодарности избирало его своимъ протекторомъ. Въ одной надписи сказано, что нѣкто Gaius Lollius оставляетъ обществу извѣстную отъ суммъ назначенную изъ для своихъ похоронъ, чтобы на проценты этихъ денегъ ежегодно въ день его рожденія столько то было употреблено на жертвоприношеніе, столько на извѣстнаго надгробнаго черемухи и столько то на покупу для этого розъ. Другая свидѣтельствуетъ о пошертвованіи сдѣланномъ обществу L. Domitius Phaedr. извѣстныхъ земель съ условіемъ, что на лодомъ ихъ, ежегодно въ день рожденія императора Домиціана и жены его Домиціи, было сдѣлано жертвоприношеніе богамъ и вѣздъ за нихъ обѣдъ членамъ.

Если кто либо хотѣлъ принести жалобу или выразить свое неудовольствіе на управленіе, то долженъ былъ дѣлать это на обыкновенномъ, а не на праздничномъ собраніи, «дабы мы», какъ сказано въ уставѣ общества поклонниковъ Дианы и Антиной, «во время пиршествъ нашихъ были веселы и покойны»; за нарушеніе этихъ правилъ, за обиду нанесенную товарищу или за несправное или безпокойное поведеніе на банкетѣ были положены штрафы въ 4, 12 и 20 сестерцій. Въ заключеніе каждый желающій вступить въ общество обязанъ былъ предварительно ознакомиться съ его уставомъ, чтобы не роптать потомъ и не жаловаться. *) Сколько видно изъ этого устава, беззаботная веселость преобладала на банкетахъ и праздникахъ коллегій, и было что то живое въ ея собраніяхъ, противрѣчащее похоронному ихъ назначенію. Можно даже подумать, что для этихъ бездомныхъ людей забота погребенія была только предлогомъ для полученія права собираться, братски пировать виѣстѣ и связывать узы дружескихъ сношеній. Исключенные по своему рожденію и состоянію изъ ассоціи государственныхъ правилнымъ и практичнымъ, но строгимъ и холоднымъ строемъ римскихъ гражданскихъ учрежденій, разведенные между собой, лишенные часто въ сдѣствіе крайней бѣдности или рабства отрадъ и утѣшеній семейной жизни, эти бѣдняки находили въ погребальныхъ товариществахъ нѣкоторое довольство, мгновенную независимость, своего рода родственная связь, или по крайней мѣрѣ компанію такихъ же пролетаріевъ, какъ они, и забывали свое бездомное положеніе во время банкетовъ, веселость которыхъ не позволялось нарушать ж. злобами и неприятностями. Дружескія отношенія ихъ рождались въ сдѣствіе равно тягостной доли, но ихъ сближали также и взаимное обѣщаніе провожать тѣло умершаго до кюстра и вспоминать его въ извѣстныхъ дни. Не удивительно потому, что бѣдный народъ такъ охотно составлялъ погребальныя братства, и что ихъ было такъ много во всѣхъ концахъ имперіи.

*) Въ надписи нѣсколько комическаго содержанія, найденной въ Давии и сдѣланной въ 167 г. по Р. Х., одинъ изъ претрентовъ (magistri) коллегіи, рабъ магуетиса, что число членовъ отъ пятидесяти четырехъ уменьшилось до семнадцати, нѣкто болѣе не платитъ и не приходитъ на собранія, говоритъ онъ, онъ сдѣлалъ счеты и предуведомляетъ бывшихъ членовъ, чтобы въ случаѣ смерти онъ не воображалъ себя, что товарищество существуетъ и не разчитывалъ болѣе на безвозмездное погребеніе. Въ другомъ эпиграфическомъ памятникѣ объясняется покупа обществомъ земли съ цѣлю устроить мѣсто погребенія для членовъ, для ихъ женъ, дѣтей и т. д.

Коллегии погребальных, равно какъ и экономическія, если онѣ не были очень бѣдны, имѣли свое мѣсто сходовъ, алтарь для жертвоприношеній божеству покровителю, залу (triclinium) и особенное здание для собраний, которая служила также мѣстомъ отдыха и бесѣдъ членовъ и называлась schola collegii, exedra; эти послѣднія были иногда покрыты, иногда безъ свода и часто имѣли форму полузружія; развалины ихъ до прошлаго столѣтія видны были въ Римѣ. Тутъ же находилась и общаа гробница, если коллегія не ограничивалась однимъ погребеніемъ умершихъ, но и устраивала кладбище въ землѣ купленной ею, или подаренной ея богатымъ благодѣтелемъ, *) обыкновенно съ условіемъ исполнять различные религиозные обряды надъ его гробницей въ положенные дни. Внутреннее управление погребальныхъ обществъ было копіей въ миниатюрѣ муниципальнаго управления и республиканскихъ учрежденій древняго Рима. Члены избирали ежегодно двухъ старшинъ (magistri), какъ консуловъ въ республикѣ, и другихъ второстепенныхъ распорядителей. Эти власти составляли высшій классъ союза (ordo), подобно куріи въ муниципіи или сената въ Римѣ; они пользовались нѣкоторыми привилегіями, занимали почетныя мѣста на банкетахъ, получали лучшія порціи и больше другихъ при раздачѣ денегъ. Остальная часть членовъ называлась plebs и все общество взятое вмѣстѣ populus или respublica. **)

Иногда бѣдные люди соединялись только для постройки колумбарія. По надписямъ можно прослѣдить ***) какъ составлялись и вели свои дѣла подобныя ассоціаціи.

Когда правительство разрѣшало составленіе общества, члены его, съ тою наклонностію къ порядку и правильности постоянно отличавшей Римлянъ, дѣлялись на декуріи (decuria), и каждая изъ нихъ выбирала своего декуріона (decurio); они разумѣются не были знатные люди, и

*) Въ 1864 г. была открыта въ окрестностяхъ Рима, вѣздъ дороги Nomentana, надпись приблизительно третьяго столѣтія; въ ней сказано, что имѣло Nuclejus Januarius купить землю съ цѣлюю построить здание для собраний товарищества Serrensium (Schola sodalium Serrensium), названнаго такъ вѣроятно по мѣстечку Serrenses. Вмѣстѣ съ этимъ эпитафическимъ памятникомъ были найдены двѣ вазы для изверженія жидкостя, привлежавшія этому же братству.

**) Подобное же управление имѣли и экономическія ассоціаціи, о которыхъ было говорено выше.

***) Monumenti ed Annali pubblicati dall' Instituto di Corrispondenza Archeologica nel 1856 sui colombarii di Vigna Codini. Henzen.

между ними не рѣдко встрѣчаешь каменщиковъ, цирюльниковъ и другихъ ремесленниковъ. За тѣмъ всѣ декуріи принимали участіе въ избраніи казначея (quaestor) и одного или нѣсколькихъ старшинъ (magistri, curatori); эти послѣдніе должны были вести дѣла коллегіи, распоряжаться постройкой колумбарія и заботиться потомъ о его сохраненіи и содержаніи въ приличномъ видѣ. Подобно муниципальнымъ властямъ, которые платили щедростями городу за свое избраніе, старшины общества и декуріоны благодарили за честь сдѣланную имъ, украшая входъ и внутренность колумбарія, предпринимаая на свой счетъ различныя работы для поддержки и сбереженія его, угощая членовъ и т. д. Особенно отпущенники отличаются своимъ великолѣпіемъ и первенствуютъ среди этого бѣднаго народа; ихъ обыкновенно выбираютъ въ декуріоны, старшины, и такъ какъ они побогаче другихъ, то дѣлаютъ различные подарки коллегіи, за что она благодаритъ ихъ въ надписяхъ, превознося ихъ великодупіе. Колумбаріи (colombaria) строили на общія деньги старшины и окончивъ работы созывали членовъ, чтобы получить ихъ одобреніе. Если они были довольны своей гробницей, то принимали ее и посвящали назначенію, при чемъ происходили банкеты. За тѣмъ по жребію распредѣляли мѣста, и каждый членъ писалъ свое имя подъ нишей, указанной ему судьбой, въ которой со временемъ должна была помѣститься урна съ его послѣдними остатками. Смотра по суммѣ, вносимой членомъ для постройки колумбарія, ему опредѣлялось извѣстное число нишъ, дѣлавшихся его собственностію: онъ могъ сохранить ихъ для своего семейства, подарить или продать ихъ. Женщины были приняты въ эти ассоціаціи, даже иногда избираемы въ декуріоны.

X.

Образованіе многочисленныхъ союзовъ подобнаго рода, разрѣшаемыхъ правительствомъ съ большою легкостію, на составленіе которыхъ иногда и не требовалось дозволенія, было какъ нельзя болѣе удобно христіа-

намъ. Вѣроятно они не замедлили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы приобрести безопасность катакомбъ и придать законную форму своимъ собраниямъ, организуя коллегии и принимая видъ обществъ погребеній. Это можно заключить изъ открытій, произведенныхъ въ послѣднее время G. B. de Rossi.

Что у христіанъ въ Римѣ и въ другихъ городахъ имперіи были уже въ концѣ втораго столѣтія мѣста погребенія и собранія принадлежатія всей общинѣ, въ этомъ нельзя сомнѣваться: памятники, надписи и творенія христіанскихъ писателей подтверждаютъ этотъ фактъ. Точно также и императоры въ серединѣ третьаго вѣка говорятъ въ эдиктахъ о катакомбахъ, какъ о кладбищахъ христіанъ, существовавшихъ съ давняго времени и извѣстныхъ правительству, пользование которыми было иногда дозволено имъ, иногда запрещено.^{*)} Невольно слѣдовательно рождается вопросъ, въ силу какого закона, какой привилегіи могли существовать катакомбы какъ мѣста погребенія цѣлаго общества (collegium) законнаго только при извѣстныхъ условіяхъ.^{**)} Если частные люди и объявляли себя владѣтелями ихъ передъ властями, то подобное оправданіе могло быть достаточно въ первомъ столѣтіи, пожалуй и во все второе, но въ началѣ третьаго, когда община значительно увеличилась, едва ли стало возможно таить далѣе настоящій характеръ и назначеніе катакомбъ. Предполагивъ, что христіане искусно скрывали послѣднія, покажутся невѣроятнымъ, что власти ничего не знали объ этомъ до середины третьаго столѣтія, когда въ первый разъ появляются эдикты конфискаціи подземныхъ кладбищъ и запрещеніе собираться въ нихъ. Сходиться и хоронить въ катакомбахъ и въ то же время совершенно скрыть ихъ отъ язычниковъ и правительства, особенно въ тѣ періоды, когда они начали разрастаться и дѣлались съ каждымъ годомъ все обширнѣе и обширнѣе, вполнѣ невозможно. Притомъ по расположенію и формамъ катакомбъ какъ нельзя яснѣе видно, что христіане вовсе не усиливались достигнуть этого. Вообще они были болѣе осторожны въ своихъ дѣйствіяхъ чѣмъ таинственны, они старались не обращать на себя внима-

^{*)} Тертуліанъ свидѣтельствуетъ о разореніи въ первыхъ годахъ третьаго столѣтія народомъ въ Карагенѣ христіанскихъ кладбищъ, изъ чего видно, что ихъ тамъ было нѣсколько. Невозможно потому, чтобы община христіанъ въ Римѣ столь многочисленная не имѣла бы въ это время своего большого кладбища.

^{**)} Очень мало могла помочь въ этомъ случаѣ терпимость и даже покровительство нѣкоторыхъ императоровъ, сдѣланныхъ на престолѣ гонителями христіанъ,

на язычниковъ, не возбуждать ихъ подозрѣнія и любопытства, чтобы люди чуждые имъ или враждебные не слѣдили за ними; но не думали утаивать существованіе своихъ кладбищъ. Послѣ того какъ начались преслѣдованія въ подземельяхъ, христіане заваливали входы ихъ, иногда и ближайшія къ нимъ галереи; тутъ они въ самомъ дѣлѣ производили различныя работы, чтобы скрыть, на сколько это было возможно, гробницы и мѣста собраній; но не видно, что подобныя предосторожности были приняты ими раньше середины третьаго столѣтія. Такъ было въ Римѣ; но тамъ, гдѣ почва не позволяла выкапывать катакомбы, гдѣ гробницы находились на поверхности земли, существованіе ихъ было еще болѣе явно; можно потому объяснить странный фактъ, что христіане въ періодъ гоненій обладали катакомбами и дѣлали въ нихъ собранія, только тѣмъ, что все это происходило въ законной формѣ, которая не могла быть ни чѣмъ другимъ, какъ погребальнаго коллегіей.^{*)}

Нельзя въ самомъ дѣлѣ представить себѣ учрежденія болѣе удобнаго, болѣе благопріятнаго христіанамъ, какъ эти погребальныя коллегии. Подъ видомъ ихъ они могли владѣть имениями, зданіями, землями и получать право собираться для совершенія религиозныхъ обрядовъ, молитвъ, проповѣдей, почтенія праха мучениковъ, и для братскихъ трапезъ, про которыя Плиній писалъ Траяну, что они имѣютъ совершенно безобидный, невинный характеръ.

Позволеніе организовать collegia funeraticia, которое вѣроятно почти всегда нужно было испрашивать у правительства и влекло за собою вмѣшательства гражданскихъ или религиозныхъ властей и считалось мѣрой сохраненія общественного порядка. Большое число погребальныхъ

^{*)} Слѣдуетъ замѣтить, что число ихъ особенно увеличилось въ Римѣ въ концѣ 2-го столѣтія, т. е. въ то самое время, когда игоген должны были превратиться въ кладбища общественныя; можно даже предположить, что это умноженіе погребальныхъ ассоціацій и было произведено христіанами. Въ это же время появляется первый дошедшій до насъ приказъ распорядившагося властями церкви катакомбами Рима, именно назначеніе папой Зосаріаномъ Каллиста управителемъ подземнаго кладбища, которое теперь носитъ его имя; а такъ какъ въ первые годы управленія этого папы былъ обнародованъ эдиктъ Септімія Севера, которымъ оный утверждалъ привилегіи collegia funeraticia, и распространялъ на провинціи право бѣдныхъ людовъ (tenuiores) составлять ихъ, то нельзя не прийти къ заключенію, что должна существовать нѣкоторая связь между эдиктомъ Септімія Севера и одновременнымъ съ нимъ повелѣніемъ христіанскихъ мѣстъ погребенія, несомнѣнно принадлежащихъ всей общинѣ и управляемыхъ главою ея.

общества в Риме во втором столетии причаю смотрять без удивления на гробницы различных корпораций. Collegia христианские попадали в массу языческих, и вероятно не обращали на себя внимание правительства даже и в том случае, если христиане иногда дѣлали собрания и хоронили умерших, не составив предварительно товарищество по всем установленным правилам. Законы касающиеся союзов этого рода приводились в действие в Риме очень либерально, и без сомнѣния давали мѣсто существованію христианским братствам. Они не должны были во многом отличаться отъ языческих collegii для не посвященныхъ въ таинства ихъ внутренней жизни. Исключая жертвоприношений христиане совершали на гробницахъ своихъ умершихъ тѣ же обряды какъ и язычники, или по крайней мѣрѣ очень приближающіеся къ нимъ внѣшними формами. Подобно послѣднимъ, они собирались въ извѣстные дни и имѣли свою назву. Братскія благотворительныя трапезы христианъ, агаре, имѣли характеръ пиршествъ collegii, при которыхъ общественная касса снабжала бѣдныхъ членовъ пищею и одеждою. *)

Обыкновеніе языческихъ союзовъ называть себя поклонниками (cultores) какого нибудь бога или героя, Юпитера, Геркулеса (Iovis, Herculis), должно было затруднять христианъ; потому что никакимъ образомъ нельзя предположить, что они согласились, хотя бы только передъ лицомъ римскихъ властей и для соблюденія одной формальности, называть себя читателями языческаго божества, но это прештствие или вѣрнѣе неудобство легко было обойти. Языческія братства иногда называли себя по мѣсту, гдѣ собирались, и чтли память своего благодѣтеля или покровителя; точно также и христианскія общества могли принять имя мѣстности, гдѣ находились ихъ катакомбы, и объявить себя читателями памяти мученика или христианина, давшаго землю для устройства кладбища. Мы видѣли, что они давали имя первоначального владѣтеля семей-

*) Во время послѣдняго гоненія христианъ при императорѣ Диоклеціанѣ въ зданияхъ построенныхъ надъ катакомбами, гдѣ происходили собранія, были найдены золотыя и серебряныя чаши, сосуды и лампы, большое количество обуви, мужского и женскаго платья, запасы вина, оливковаго масла, хлѣба въ зернѣ и т. д. Тертуліанъ въ такомъ смыслѣ говорить о собраніяхъ христианъ, происходившихъ подъ пресѣдательствомъ избранныхъ ихъ членовъ, и объ общей казѣ ихъ, составленной изъ добровольныхъ періодическихъ взносовъ, употребляемой на погребеніе бѣдныхъ, что нельзя не видѣть во всемъ этомъ сѣдовъ организаціи погребальной collegii.

наго шлога той группѣ галерей и комнатъ, которая впоследствии образовалась кругомъ его. Наконецъ христиане могли дать своей collegii название не имѣющее ничего языческаго; **) могли, однимъ словомъ, употребить въ этомъ случаѣ тѣ же приемы, тѣ же условки, къ которымъ прибѣгали, когда, не желая обнаружить своего вѣрованія и подвергнуть осверженію язычниковъ выраженіе своихъ догматовъ и идей, придумывали различные символическіе знаки и фигуры скрытаго значенія, понятныя только однимъ вѣрующимъ. **) Название впрочемъ не было существеннымъ вопросомъ въ этомъ дѣлѣ, и законъ, позволявшій бѣднымъ людемъ составлять общества погребенія, не требовалъ, чтобы они приняли или другое названіе и объявили его.

*) Какъ напримеръ въ роцѣ слѣдующаго: collegium convictorum qui una erulo vesce solent, т. е. collegii сожителей имѣющихъ обыкновеніе питаться одинъ разъ въ день, которое приняло одно языческое товарищество въ г. Фано, какъ видно по надписи.

**) Въ развалинахъ города Cesarea въ Аеріи, видѣтъ со многими другими христианскими памятниками наши надписи, въ которой сказано, что вѣсто Evelpio, называющій себя обожателемъ слова (cultor verbi), построялъ на свой счетъ здание для собраній погребальнаго назначенія (cellam) и отдалъ его съ землей (area) для устройства шлога святому собранію (Ecclesia sanctas). Названіе cultor verbi очень напоминаетъ тѣ, которыя принимали не христианскія collegii, какъ напримеръ: Cultores Jovis, Dianae, Herculis и т. д., но разумеется не имѣтъ языческаго характера послѣднихъ. По мнѣнію G. V. de Rossi надписи эта христианскаго происхожденія и была сдѣлана раньше Константина, около середины 3-го столѣтія, но она не оригиналь, — въ концѣ прибавлено, что Ecclesia fratrum т. е. собраніе братьевъ возстановила ее. Можетъ быть она была уничтожена во время гоненій 257-го или 304 г., но нельзя предположить, что при возстановленіи въ содержаніи ея были сдѣланы перемѣны. Привозное выше названіе Ecclesia fratrum также часто принимали братства посвященныхъ въ таинства покаянія кому нибудь божеству, и очень вѣроятно, многіе христианскіе союзы давали себѣ это имя, потому что въ немъ не только нѣтъ ничего языческаго, но напротивъ, оно какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ чувству братскаго соединенія и согласія одушевлявшаго христианъ. Ихъ община въ ениграическихъ памятникахъ часто названа ecclesia fratrum, uncti fratres или просто fratres (братья). Названіе Ecclesia fratrum снова дано христианамъ въ другой надписи, открытой въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и первая, но болѣе позднаго времени, — въ ней говорится о пристройкѣ сдѣланной въ гробницѣ въ память умершихъ и погребенныхъ тутъ.

XI.

Памятник, открытый в последние годы G. V. de Rossi и находящийся возле входа в семейный ипогей катакомбь Домитиллы, о котором уже говорено, подтверждает все сказанное выше. Съ обѣихъ сторонъ выступающаго отъ срубанной отлогости холма преддверія показались при дальнѣйшихъ раскопкахъ здания, сложенная изъ туфа, совершенно на поверхности земли. Они—внѣшнее прибавленіе къ ипогею, имѣютъ однако другое назначеніе и состоятъ изъ слѣдующихъ частей: съ правой стороны къ преддверію примыкаютъ развалины нѣсколькихъ небольшихъ комнатъ безъ гробницъ; въ послѣдней изъ нихъ, немного обширнѣе остальныхъ, находится колодезь или водохранилище и чаша фонтана; въ стѣнѣ устроены небольшія ниши (подобныя тѣмъ, которыя видны въ развалинахъ римскихъ бань), чтобы ставить сосуды и вазы; кругомъ вдоль стѣнъ идетъ возвышеніе формы ступеньки для сидѣнья. Можно подумать, что тутъ находишься въ углу какого нибудь небогатаго помпеевскаго дома. Съ лѣвой стороны пристроена большая зала, также безъ слѣда гробницъ, и съ такимъ-же сидѣньемъ въ видѣ ступеньки. Стѣны и своды этихъ комнатъ покрыты стуккомъ и овращены красной краской, по которой мѣстами проведены цвѣтныя полосы; все-гдѣ видны остатки фресокъ въ классическомъ стилѣ, но плохого и небрежнаго исполненія. Большая зала находится въ сообщеніи съ двумя комнатами (cubicula), вырытыми въ холмѣ и назначенными для гробницъ.

Разсматривая формы, размѣры и расположеніе этихъ строеній и сравнивая ихъ съ другими памятниками подобнаго-же рода или съ тѣми, что намъ извѣстно изъ описаній о зданіяхъ принадлежавшихъ погребальнымъ коллегіямъ, нельзя не придти къ заключенію, что эта пристройка къ ипогею Domitilla ничто иное, какъ одна изъ тѣхъ scho'la sodalium, воздвигаемыхъ товариществами около своихъ кладбищъ для сходокъ и пиришествъ погребальнаго характера (funerum causa). Большая зала рассчитана на многочисленное собраніе и не похожа на комнаты, обыкновенно находящіяся возле фамильныхъ гробницъ для семейныхъ поминокъ; не далеко отъ нея находится водохранилище и видны несомнѣнные слѣды хозяйственнаго устройства необходимаго для банкетовъ коллегіи; въ отдаленномъ углу оставлено мѣсто для сторожившихъ

монументъ (custodia monumenti). По кладкѣ зданія и по стилю живописи, сохранившейся мѣстами на стѣнахъ, видно, что оно было построено послѣ преддверія, къ которому примыкаетъ, но раньше Константина. Нельзя предположить, что эта scho'la принадлежала языческому товариществу, основанному тутъ, возле христіанскаго подземелья, и совершавшему въ двухъ шагахъ отъ гробницъ и религиозныхъ изображеній другаго вѣрованія свои сходки и жертвоприношенія; это было бы въ прямомъ противрѣчій съ обычаями античнаго міра и съ отвращеніемъ, постоянно преобладавшимъ среди древнихъ народовъ хоронить своихъ родныхъ и друзей въ сосѣдствѣ съ могилами чужаго вѣрованія. Едва ли можно потому сомнѣваться, что семейный ипогей катакомбь Домитиллы превратился до торжества церкви въ общественное кладбище христіанъ Рима, и что мы имѣемъ тутъ передъ глазами зданіе, гдѣ не разъ во второмъ и третьемъ столѣтіи происходили собранія и совершались братскія трапезы послѣдователей ученія Спасителя подъ видомъ погребальной коллегіи.*)

Открытие этого памятника даетъ намъ возможность прослѣдить преобразование, совершившееся въ христіанской живописи въ первые три столѣтія, особенно что касается выбора сюжета религиознаго изображенія смотря по мѣсту его назначенія. Существованіе христіанской общины, какъ погребальной коллегіи, хотя и вполне законнымъ образомъ, не могло быть очень прочно и представляло немало неудобствъ; оно непримѣрно должно было подвергаться христіанъ постоянному надзору властей, обязанныхъ наблюдать, не переступаютъ ли общества постановленныхъ ограниченій, не собираются ли больше дозволеннаго числа разъ, не превращаются ли въ ассоціаціи экономическія и т. д. Сверхъ того власти иногда покровительствовали коллегіямъ, что для христіанъ во многихъ случаяхъ было болѣе опасно, чѣмъ полезно. Условія такого исключительнаго положенія отразились въ христіанскомъ искусствѣ. Мы уже видѣли, что во фрескахъ катакомбъ и въ барельефахъ саркофаговъ, которые изготовлялись только на поверхности земли, было различіе въ выборѣ сюжетовъ и въ свободѣ выраженія догматовъ и идей новой вѣры. Подобная

*) Надъ другими римскими катакомбами, какъ напримѣръ Претекстата и Балласта, видны развалины, но неже ли убывшія, подобныя-же зданія, также совершенно сходны по формамъ своимъ съ scho'la товариществъ: они, разумеется, могли принадлежать только христіанскимъ коллегіямъ.

же разница существовала и въ стѣнной живописи ипогеевъ, смотря по тому, была ли она скрыта въ глубинѣ подземелья, или находилась въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ее видѣли люди непосвященные въ таинства христіанскаго ученія и враги его. Такъ напримѣръ на стѣнахъ schola collegii описанной выше, построеной приблизительно въ третьемъ столѣтїи, и вѣроятно не разъ посѣщаемой римскими властями, не открыто ни одного библейскаго изображенія (даже и въ двухъ cubicula, вырытыхъ въ холмѣ позади большой залы), но только декоративныя украшенія, не имѣющія никакого опредѣленнаго значенія или очень скрытаго символическаго смысла. Въ этихъ фрескахъ нѣтъ ничего языческаго, напротивъ тутъ не видно ни одной изъ мифологическихъ сценъ, часто представленныхъ въ римскихъ гробницахъ и на барельефахъ саркофаговъ; но очень заботливо и съ большимъ умѣніемъ избраны сюжеты, которые, имѣя мало установленное значеніе въ мірѣ античномъ, могли выражать догматы Евангелія. Такъ напримѣръ мы видимъ, что птицы, корзины наполненныя зеленью и плодами, виноградныя кисти, гирлянды цвѣтовъ, которыя въ сосѣднемъ ипогее, и вообще въ отдаленныхъ комнатахъ катакомбъ, являются на второмъ планѣ и употреблены только какъ украшеніе въ углахъ расписанныхъ потолковъ, между раздѣлений, тутъ напоминаютъ мѣста обыкновенно занятые библейскими сценами и легендами, а вмѣстѣ послѣднихъ въ одной изъ погребальныхъ комнатъ, гдѣ лучше, чѣмъ въ другихъ частяхъ всего памятника, сохранилась стѣнная живопись, три раза въ различныхъ позахъ представлена Психея (эмблематическое изображеніе безсмертія души въ мірѣ классическомъ *) у христіанъ), одѣтая въ длинную тунику и наполняющая вмѣстѣ съ крылатыми гениями корзину цвѣтами. Эта наивная и граціозная композиція ни разу до сихъ поръ не была открыта въ отдаленныхъ cubicula катакомбъ, но очень напоминаетъ барельефъ одного христіанскаго саркофага *) представляющей Психею и Амура занятыхъ жатвой винограда. Нельзя приписать одному случаю повтореніе той же сцены вполнѣ классическаго стила на двухъ христіанскихъ памятникахъ, изъ которыхъ первый легко могли видѣть язычники, а второй вѣроятно вышелъ изъ мастерской скульптора язычника. Напротивъ въ самомъ ипогее Домитиллы хотя и менѣе угаеннаго, чѣмъ многія отдаленныя комнаты и галереи подземелій, но все таки не до такой степени открытаго, какъ пристроенная къ его преддверію schola хри-

*) Она находится въ Римѣ, въ христіанскомъ отдѣленіи Латеранскаго музея.

стіанской collegii, мы видимъ стѣнную живопись представляющую не только виноградную лозу (одинъ изъ главныхъ евангелическихъ символовъ), но и часто библейскія сцены, — Давидъ между львами, Ной въ ковчегѣ и т. д., тогда какъ ландшафты, гирлянды цвѣтовъ, птицы и танцующіе гении употреблены только съ декоративной цѣлью.

XII.

Со времени Траяна до середины третьяго вѣка отношенія христіанъ къ правительству Рима были слѣдующаго рода: законы противъ нихъ существовали въ полной силѣ и были приводимы въ исполненіе иногда съ меньшою, иногда съ большей послѣдовательностію, съ большимъ или съ меньшимъ рвеніемъ, согласно личнымъ чувствамъ и взгляду на это дѣло императоровъ и ихъ представителей въ провинціи. Каждый обвиненный въ слѣдованіи ученія Спасителя, если онъ не отвергалъ его въ опредѣленныхъ формахъ, долженъ былъ подвергнуться казни. Но гробницы и собранія христіанъ, имѣвшія видъ кладбищъ и сходокъ, collegia funeraticia, не трогали и не запрещали. Все второе столѣтіе въ эдиктахъ императоровъ противъ или въ пользу христіанъ ни разу ни упомянуты катакомбы, и этотъ фактъ казался необыкновенно страннымъ, пока G. B. de Rossi не нашелъ отношеній между погребальными коллегіями и общиною послѣдователей ученія Спасителя.

Въ первые годы третьяго вѣка, во время преслѣдованія Септимія Севера римскія власти отступили нѣсколько отъ этого правила. Когда папа Зефиринъ наслѣдовалъ папѣ Виктору въ 202 г., міръ для христіанъ продолжался уже долгое время; число ихъ въ Римѣ очень увеличилось, это испугало правительство; началось преслѣдованіе. Они были такъ многочисленны, что не могли сходитьса не будучи замѣчены, и власти старались застигнуть ихъ въ мѣстахъ собранія и захватить вмѣстѣ. Изъ этого видно, что если христіане могли какъ погребальное общество владѣть кладбищами, землями, постройками и производить собранія, то эти

последних не всегда были вне опасности. Надо однако заметить, что после смерти Септимия Севера до преследования Валериана, в средине третьего столетия, было два других гонения не коснувшихся ни катакомб, ни собраний. В этот промежуток времени царствовали два императора покровителя христиан, Александр Север и Филипп Араб; второй, как предполагают, принял христианство *).

Великодушное поведение с христианами Александра Севера представляет особенный интерес. Уважение к религии Спасителя было внушено ему до всей вероятности его матерью Маммею. Известно, что она была благосклонно расположена к христианам, и проезжая через город Антиохию слушала речи Оригена, о благочестии и учености которого шла молва по всему востоку. В сын ее, Александр Север, выразилось с большей силой, чем в других императорах второго и третьего века, желание, преобладавшее тогда в римском обществе, соединить восточную верования и религии с официальным римским поклоном; примирить христианские догматы и принципы с язычеством и суевериями Востока. Были сданы неоднократно попытки в этом смысле даже во дворце Цезарей. В божище Александра Севера между домашними его богами стояли изображения Орфея, Авраама, Иисуса Христа, Аполлония Тианского, которых он почитал как мудрецов научивших людей различным формам поклонения божеству всевышнему и всемирному. При таком религиозном настроении, неудивительно, что сын Маммеи был снисходителен к христианам, и если нет достаточно оснований предполагать, что он в начале своего царствования хотел, как уверяют, торжественно признать христианскую религию и позволить ей распространение, то нет сомнения, что этот император не ограничивался обуздывать ненависть язычников к христианам, но и явно покровительствовал последним. Очень вероятно потому, что во время его правления христианские погребальные коллегии вошли в сношение с языческими властями, как общество моральное и вполне законное; это видно между прочим из следующего факта. В его царствование христиане Рима хотели построить церковь на землях не зани-

* Из творений христианских писателей видно, что многие императоры второго и третьего столетия и особенно восточного происхождения выказали в сношении с христианами большую терпимость.

той; *) ее начали оспаривать у них роринаги, т. е. содержатели народных трактиров, в которых происходили оргии и собирались солдаты и вообще люди из низших классов общества. Роринаги принесли жалобу Александру Северу, но он решил дело в пользу христиан и утвердил их во владении спорной земли, сказав, что предпочтает видеть тут поклонение Богу под какой бы то ни было формой скорбе, чем оставить это место в руках людей безразличной жизни и ремесла. При этом случае, сколько до сих пор известно, в первый раз упоминается о христианской церкви в Риме построенной на поверхности земли до прекращения преследований, т. е. до Константина; и тут снова является вопрос, на каком основании христиане в этот период могли в самой столице иметь храмы, не представлявшиеся уже как schola collegii, но настоящий характер которых—сколько видно из процесса с роринаги—был вполне известен римскому правительству. Слѣдует потому предположить, что до конца 2 го столетия христиане производили собрания и владели катакомбами как collegia funeraticia, но в первых годах третьего века Александр Север, или может быть один из предшественников его на престоле, благосклонный к христианам, сдѣлал еще больше, признав их за общество моральное, и позволил им строить храмы.

Когда, кѣм и при каких обстоятельствах это было сдѣлано, осталось неизвестно. **) Несомненно однако, что у христиан в Римѣ и провинциях были в концѣ третьего столетия многочисленныя церкви. Во всяком случае один фактъ рѣшения процесса христианъ съ содержателями народных трактировъ въ пользу первыхъ, есть доказательство, что Александръ Северъ смотрѣлъ на нихъ какъ на общество, законнымъ образомъ организованное, имѣющее право строить храмы. Эти привилегии, вѣроятно утвержденныя другими императорами третьего столетія, до такой степени обратились въ дѣло оспоренное и рѣшенное, что правительство стало смотрѣть на земли, постройки, игоги и церкви христианъ, какъ на собственность правильно принадлежащую ихъ об-

*) Предполагают, что это правительстве то место, гдѣ теперь стоятъ церковь S-ta Maria in Trastevere.

**) Всего вѣроятнѣе, что имѣло эту оказію христианамъ Александръ Северъ, постоянно отличавшійся большою вѣротерпимостію и усерднымъ покровительствомъ погребальныхъ и экономическихъ коллегій; въ которыхъ изъ нихъ онъ даже самъ новалъ.

ществу, и когда имущество это при последних гонениях было конфисковано, то не на основании обыкновенных законов, а в силу специальных эдиктов. Если потому нужно было исключительное действие высшей власти для подобной конфискации, то это достаточно доказывает, что в 3-м столетии христиане могли владеть гробницами и религиозными зданиями; факт этот еще более подтверждается тем же обстоятельством, что после прекращения преследования отобранную собственность христиан правительство возвращало не частным лицам из среды их, а властям церкви. *)

XIII.

Но не следует предполагать, что эти права и покровительство некоторых императоров 3-го века были гарантией прочной безопасности для христиан; религия их не была пока признана и законы запрещавшие ее не уничтожены. Место императора покровителя занимал император гонитель, и преследование возобновлялось с новой силой. А так как гонения в это столетие наступали после продолжительных периодов, спокойствия и терпимости, во время которых христианская община увеличивалась, приобретала значение и умножала свое имущество, то они постепенно принимали большая размеры и более кровавый характер.

До середины третьего века преследования касались только каждого

*) В 3-м столетии были построены над катакомбами многочисленными здания для собраний. Папа Фабьян, погребенный впоследствии, во время гонения императора Деция, разделив христианский Рим на приходы, приказал каждому из них «отстроить на кладбищах»; а так как в самых катакомбах нельзя строить, а только производить различные второстепенные работы, например, делать подпорки для сводов и ставить в том виде, где туго не представляется достаточной твердости и т. п., то нужно предположить, что тут было много построек на поверхности земли. G. V. de Rossi нашел над катакомбами Callisto развалины зданий, которые следует отнести к этому времени.

христианина как лица отдельного, и не были направлены против собраний и владений общины; но с тех пор как существование и организация ее делались с каждым годом известнее и всюду начали проявляться, гонения также изменили характер и имели в виду уже не наказание упорства отдельных лиц, а уничтожение всего союза их и выেষт конфискацию его катакомб, церквей и других зданий.

Преследование Деция, как видно из его эдиктов, из дельных мучеников и истории церкви, не приняло этого направления; но совершенно иной характер получают несколько лет спустя действия императора Валериана против христиан. Особенным эдиктом в 257 г. этот император конфисковал земли, постройки и игоген христиан, запретив им собираться под каким бы то ни было предлогом и посещать кладбища. Нарушителю этого повеления грозила смертная казнь. С появления новой вры в первый раз гонение относилось к христианам как к обществу, и с этой минуты наступает период разрушения его памятников.

Перед законам христиане были collegia funeraticia и, чтобы лишить их преимуществ сенатского постановления, нужно было определить, что они вышли из предель прав данных этим последним и составляют неповоленную коллегию; *) последствием этого преступления было уничтожение ее и наказание его членов. Этому признанию христианских коллегий противозаконными и преступными равнялся каждый из специальных эдиктов, которыми им запрещали собираться и конфисковали их кладбища и места сходов.

Повеление императора, как видно, исполнялось с большою строгостью. Папа Сикст II-й, застигнутый в здании над катакомбами Претекстата среди христиан в минуту исполнения религиозных обрядов, был умерщвлен на месте. Солдаты Валериана отрубили ему и четырем его диаконам головы. Каменное епископское сиденье или кресло Сикста, окращенное его кровью, было поставлено у его гробницы в одной из комнат катакомбы Каллиста. Надпись, сделанная папой Дамасом, которую несколько столетий спустя видела в этом месте богомольца, объясняла и подтверждала это событие.

*) *Dimmodo hoc praetextii collegium illicitum non coeat t. e.* „но чтобы под этим предлогом коллегия незаконная не собралась“, как связано в сенатском постановлении разрешавшем образование collegia funeraticia.

Скоро потомъ императоръ Валеріанъ предпринялъ войну противъ Персовъ, былъ взятъ ими въ плѣнъ и умеръ въ неволѣ. Сынъ и наследникъ его Галліенъ, въ несчастное царствованіе котораго увеличались еще болѣе бѣдствія имперіи, не смотря на жестокость и безправственность своихъ дѣйствій, былъ однако благосклоненъ къ христіанамъ. Въ 260-мъ году онъ прекратилъ гоненіе ихъ; отъменилъ эдикты отца и отдавъ по всему государству повелѣніе возвратить земли и постройки, конфискованныя у христіанъ, ихъ епископамъ. Многихъ изъ нихъ Галліенъ самъ уведомилъ объ этомъ отдѣльными письмами. Такимъ образомъ христіанская община снова приобрѣла свои права и имущество какъ погребальная коллегія. Въ Римѣ катакомбы были отданы не частнымъ людямъ, а папѣ Діонисію, который раздѣлилъ ихъ между двадцатью приходами города и поручилъ священникамъ. Управление кладбищемъ Callisto осталось за самимъ епископомъ.

Изъ распоряженій Галліена можно заключить, что въ слѣдствіе эдиктовъ Валеріана не однимъ образомъ поступили съ зданіями, гдѣ происходили собранія христіанъ, и съ ихъ ипогеями. Первые были конфискованы властями и даже проданы; вторые только, и можетъ быть не повсюду, заняты и отобраны, но не какъ кладбища запрещеннаго вѣрованія, а какъ мѣста собранія людей исповѣдующихъ его. При томъ надо замѣтить, что въ эдиктахъ Валеріана и впоследствии Діоклеціана противъ христіанъ не говорится объ обладаніи ими землями, ипогеями и постройками, какъ о дѣлѣ противузаконномъ, но какъ о правѣ, которое высшая власть государства лишаетъ ихъ или уничтожаетъ на время. Что касается до кладбищъ, то въ нихъ не переставали хоронить даже и въ періодъ конфискацій, такъ напримѣръ умерщвленный папа Сизъ II былъ похороненъ въ катакомбѣ Callisto вблизи гробницъ его предшественниковъ. Точно также тѣло казненаго въ это же время карагенскаго епископа Кипріана было торжественно передано языческимъ властямъ и при большомъ стеченіи народа предано землѣ.

Галліенъ, обратившись къ христіанскимъ епископамъ, непосредственно призналъ ихъ этимъ какъ представителей и старшинъ общины. Не будучи окончательно уничтожены, законы противъ новой вѣры пали въ забвеніе на нѣкоторое время. Изъ дѣяній мучениковъ видно, что власти Рима языческаго въ концѣ 3-го столѣтія уже очень хорошо отличали христіанъ отъ сектъ вѣры Спасителя.

Спокойное состояніе церкви продолжалось до конца царствованія Діоклеціана, т. е. 43 года, если исключить очень кратковременное преслѣдованіе Авреліана, окончившееся съ его смертію. Что принудило его начать вдругъ гоненіе послѣ большой терпимости, можно даже сказать покровительства христіанамъ, осталось неизвѣстно; но изъ этого факта видно, до какой степени было ненадежно для нихъ даже личное заступничество Цезарей. Во второй половинѣ 3-го столѣтія большая терпимость христіанъ сдѣлалась жестокими гоненіями, но такъ какъ послѣднія оканчивались скоро и за ними слѣдовали продолжительныя періоды безопасности, то довѣренность къ своему положенію снова восстанавлилась среди общины. Забывая перенесенныя бѣдствія и преслѣдованія всегда готовыя обрушиться на ея голову, она, какъ видно по памятникамъ, пренебрегала всякою предосторожностью, совершая свои собранія и религиозныя обряды, строила на поверхности земли и расширяла подземелья.

Между Валеріаномъ и Діоклеціаномъ въ катакомбѣ Callisto были произведены въ большихъ размѣрахъ разнаго рода работы. Комнаты украшены колоннами, карнизами и другими архитектурными элементами, а стѣны ихъ покрыты мраморными плитами. Изъ криптъ проведены широкія трубы (luminaria) къ поверхности земли и самое кладбище соединено со многими соседними ипогеями. Въ этотъ періодъ христіане воздвигли многочисленныя зданія религиознаго назначенія, разрушили старыя церкви, а на ихъ мѣстѣ построили новыя большихъ размѣровъ, и украсили великолѣпно гробницы мучениковъ. Послѣдніе годы правленія императора Діоклеціана, который до того времени былъ постоянно благосклоненъ къ христіанамъ, ознаменовало самое страшное гоненіе, которое когда либо претерпѣвала церковь, и самое разрушительное для ея памятниковъ. Оно началось въ 303-мъ году тѣмъ, что отъ священниковъ и епископовъ языческой власти начали требовать выдачу церковныхъ книгъ, архива общины и всего, чѣмъ она владѣла. Всѣ христіанскія церкви *) и постройки были сожжены и разрушены, а ипогеи и земли конфискованы. **) Противъ духовенства былъ обнародованъ особенный

*) Въ это время ихъ было болѣе сорока въ одномъ Римѣ, въ самомъ городѣ или надъ катакомбами.

**) Зданія религиознаго назначенія и гробницы, находящіяся на поверхности земли, христіане первыхъ трехъ столѣтій вѣроятно не въ такой степени украшали какъ комнаты катакомбъ; но если и были такіе извѣстные памятники искусства, фрес-

эдикт. Много произведений христианского искусства погибло въ это послѣднее преслѣдованіе. Приблизительно въ 306-мъ году оно было прервано въ Римѣ, а въ 311-мъ году папѣ Милліаду возвратили имущество или, какъ тогда называли *мѣста церкви* „*locus ecclesiasticus*“, принадлежавшія „*Corpus christianorum*“ т. е. христианской общинѣ. Этимъ снова были признаны ея власть и законность ея существованія. Скоро потомъ эра гоненій для христианской вѣры окончилась и она сдѣлалась официальной религіей имперіи.

XIV.

Запрещеніе собраний и конфискація имущества, сопровождавшія послѣднія гоненія, принудили христианъ скрыть по возможности свои крѣпты и искать потаенныя мѣста для сходаго. При преслѣдованіяхъ Валеріана, Диоклеціана и Авреліана въ подземномъ Римѣ производились съ этой цѣлью особеннаго рода работы, которыхъ прежде не видно и слѣда. Застигнутые опасностію, христиане разрушали широкія дѣстины и входы въ катакомбы, а ближайшія къ нимъ галереи заваливали землей; пропавшавшіе скрытые спуски въ штопи изъ арсенарій и другихъ удаленныхъ мѣстъ. Не выносили болѣе набравшіеся при работахъ тупѣ, а складывали его въ галереяхъ уже наполненныхъ гробницами. Необходимость заставляла христианъ въ это время превращать оставленные копи пощоланы въ кладбища или вынашивать слепы въ близкомъ ихъ сосѣдствѣ. Подъ вліяніемъ этихъ исключительныхъ обстоятельствъ об-

ли, саркофаги и т. д. въ церквахъ и другихъ христианскихъ строеніяхъ, то на нихъ должна была прежде всего обрушиться злоба гонителей 3-го вѣка, такъ какъ они постоянно были передъ глазами язычниковъ. Много убѣло въ катакомбахъ именно потому, что было скрыто. Перевинная у народовъ восточныхъ странъ обычай хоронить въ подземельяхъ, христиане первоначально вѣроятно не думали таить свои гробницы, но этотъ образъ погребенія впоследствии какъ нельзя лучше удовлетворялъ требованіямъ ихъ непрочнаго положенія и необходимости утаить по временамъ отъ глазъ язычниковъ свои памятники и скрывать свои собранія.

разовалось нѣсколько катакомбъ совершенно различныхъ по формамъ и расположенію отъ существовавшихъ прежде. *) Но всего больше старались христиане спасти тѣла особенно почитаемыхъ мучениковъ, — они переносили ихъ въ отдаленныя комнаты катакомбъ, заваливали землей и камнями гробницы, гдѣ они лежали, и такъ тщательно заботились скрыть эти послѣднія, что послѣ торжества церкви многія изъ нихъ были потеряны, забыты и снова открыты и раскопаны — одни при папѣ Дамазѣ, другіе только въ наши дни. Можно сказать, что разрушеніе и забвеніе катакомбъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ частей ихъ, начинается съ этой поры.

Такъ какъ подобныя работы не требовали много времени, то христиане вѣроятно успѣвали производить ихъ въ первые дни гоненій или даже раньше. Они не начинались одновременно повсемѣстно, и не трудно ихъ было предугадать. Эдикты Диоклеціана — напримеръ, были приведены въ исполненіе — гдѣ раньше, гдѣ позже — приблизительно по второй половинѣ 303-го года. Но не всюду съ одинаковой послѣдностію, и извѣстно, что въ концѣ того же года нѣсколько христианскихъ церквей въ Римѣ были еще открыты и посѣяемы. Разрушеніе многочисленныхъ мѣстъ собранія, конфискація стольагого имущества были разумеется актами постепенными, продолжавшимися долгое время, и христиане имѣли полную возможность принять должныя предосторожности, чтобы драгоценныя для нихъ святыни не попали въ руки язычниковъ.

Въ катакомбѣ Callisto, которая была тогда главнымъ кладбищемъ Рима, легко можно отличить работы произведенныя въ это время. Такъ

*) Въ 1864-мъ году при проведеніи желѣзной дороги открыто подземное кладбище *Castulo* возлѣ *via Labicana*, которое сѣверно отстоитъ по второй половинѣ третьаго столѣтія; этотъ мученикъ, служитель въ домѣ Диоклеціана, былъ застигнутъ въ арсенаріи, находившейся подъ водопроводомъ *Claudia*, и погребенъ живой подъ грудою неса. (Около его уваваемыхъ остатковъ, какъ это часто происходило въ подобныхъ случаяхъ, сгруппировались гробницы другихъ христианъ и образовалась катакомба. При такихъ же условіяхъ произошла катакомба, находящаяся въ пяти миляхъ отъ Рима возлѣ дороги *Portuensis* и недалеко отъ Тибра, открытая въ 1868 году. Она развѣвалась въ холмѣхъ подъ священною рощей и храмомъ братства *Prates Arvales*.) Странное положеніе ея объясняется тѣмъ, что это древнее и очень уважаемое религиозное товарищество уже не существовало болѣе, когда были погребены въ землѣ, прежде принадлежавшей ему, тѣла мучениковъ *Simplicius* и *Faustinus*, брошенные въ Тибръ во время гоненія Диоклеціана. Гробницы эти, выкопанныя вблизи арсенарія, положили начало образованію небольшой катакомбы.

напримѣръ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ изъ нея прорыты ходы въ сосѣднія копи поццоланы, находящіяся въ другомъ уровнѣ; и эти сообщенія, пересѣченныя нѣсколько разъ стѣнами, проходящими среди стѣн перекрещивающихся галерей, составляютъ настоящий лабиринтъ. Въ другомъ мѣстѣ соединенія съ ближайшей пещерой расположены такъ, что если гонители проникали изъ послѣдней въ катакомбу черезъ одно отверстіе, христіане, находившіеся тамъ, могли, не будучи замѣчены, перейти въ аренарію черезъ другой потаенный ходъ, и потомъ войти въ кампанію посредствомъ узкой и скрытой лѣстницы. Иногда съидъ изъ копи поццоланы въ криштъ прерываеца не дойдя до него, такъ что спуститься можно только съ помощью деревянной лѣстницы, поданной снизу. *)

Весь первый этажъ галерей и комнатъ катакомбъ Callisto былъ заваленъ глыбами туфа во время преслѣдованія Діоклетиана, и всѣ лѣстницы его разрушены. Въ другихъ ярусахъ завалили только гробницы особенно уважаемыхъ мучениковъ. Комната, гдѣ были погребены многіе папы, долгое время и послѣ прекращенія гоненія оставалась засыпана землей. Собранія христіанъ происходили въ эти тяжелыя для нихъ періоды въ отдаленныхъ мѣстахъ катакомбъ, въ копияхъ поццоланы, вообще всюду, гдѣ они могли найти болѣе или менѣе надежное убѣжище. Въ владѣищѣ Callisto открыли шесть кубиклуловъ, расположенныхъ одинъ противъ другаго и раздѣленныхъ галерей, вдоль стѣнъ ихъ были устроены мраморныя сидѣнья. G. B. de Rossi предполагаетъ, что первоначально эти комнаты были гробами; владѣтель ихъ и виноградника, находившагося надъ ними, вѣроятно христіанинъ, позволилъ своимъ братьямъ по вѣрѣ собираться въ нихъ. Въ послѣдствіи онѣ были соединены галерей съ сосѣднимъ ипогеємъ.

Слѣдовательно только во время гоненій Валеріана, Авреліана, и Діоклетиана катакомбы принимаютъ тотъ таинственный и скрытый характеръ, который, какъ до сихъ поръ предполагали, они постоянно имѣли до торжества церкви; и всѣ преданія и легенды о христіанахъ, искавшихъ убѣжище въ аренаріяхъ, собиравшихся тамъ для молитвъ, и муче-

*) Нѣкоторыя изъ этихъ работъ были произведены въ царствованіе Септимія Севера; но такъ какъ при гоненіи этого императора, хотя и старались застигнуть христіанъ во время ихъ собраній, но не разрушали памятниковъ и не иконосожили катакомбъ, то они не заваливали входы и сиски въ ипогеи, гдѣ хоронили, а только прошивали изъ нихъ скрытыя сообщенія съ копиями поццоланы, въ которыхъ тайно собирались.

нигахъ, застигнутыхъ гонителями въ копияхъ поццоланы и погребенныхъ живыми подъ глыбою песка, о папкахъ, скрывавшихся и убитыхъ въ катакомбахъ и т. д., относится въ этимъ временамъ. Поэтической и таинственный характеръ подземнаго Рима значительно уменьшается въ слѣдствіе его изученія, но за то открываются много новыхъ подробностей существованія христіанской общины, имѣющихъ немалый интересъ.

Надо также прибавить, что если иногда катакомбы дѣлались мѣстомъ убѣжища для живыхъ, то они не могли скрываться тамъ продолжительное время въ значительномъ количествѣ. Что христіане въ періоды послѣднихъ гоненій, когда ихъ собранія сдѣлались невозможны на поверхности земли, находили въ катакомбахъ болѣе удобное и безопасное мѣсто для совершенія религиозныхъ обрядовъ, проникая туда изъ копей поццоланы или черезъ другія потаенныя отверстія, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Престолы, кресла епископовъ въ комнатахъ относительно большихъ размѣровъ и самое расположеніе и сгруппированіе кубиклуловъ доказываютъ намъ это; очень вѣроятно также, что вѣрующіе, которыхъ особенно искали гонители, епископы Рима и ихъ приближенные могли укрываться въ катакомбахъ непродолжительное время въ періоды преслѣдованій, равно какъ при торжествѣ святы Арія въ 4-мъ столѣтіи и при смутахъ сопровождавшихъ избраніе нѣкоторыхъ папъ; но никакимъ образомъ нельзя предположить, что христіане массами обитали тамъ, это физически невозможно, не только потому, что они задохнулись бы въ узкихъ ходахъ и небольшихъ комнатахъ, лишенныхъ воздуха, но и потому, что снабженіе при такихъ условіяхъ многочисленнаго собранія съѣстными припасами и всѣмъ необходимымъ для жизни представило бы непреодолимую трудность. Притомъ до сихъ поръ въ катакомбахъ не нашли и слѣда приспособленія ихъ къ продолжительному пребыванію христіанъ. Все въ этихъ подземельяхъ, какъ мы уже говорили, устроено прежде всего для погребенія мертвыхъ и потомъ для совершенія религиозныхъ обрядовъ, тогда какъ напротивъ, ничего въ нихъ не указываеца, что они когда либо служили жилищемъ людей.

XV.

Собрания христианъ происходили также съ самых раннихъ временъ и въѣ подземелій. Первоначально они соединялись у богатыхъ братьевъ по вѣрѣ, въ ихъ домахъ. *) Послѣдніе, превратясь въ базилики, сохранили имя и иногда были посвящены памяти тѣхъ благодѣтельныхъ людей, часто мучениковъ, въ жилищахъ которыхъ, совершались первыя сходки христианъ. Многие церкви Рима, какъ напримѣръ, св. Цециліи, св. Пуденціаны и т. д. имѣютъ это происхожденіе. Въ скоромъ времени потомъ надъ семейными христіанскими шпюгеями появлялись зданія, служившія также мѣстомъ собранія. Они назывались *cellae* въ Римѣ языческомъ, у христіанъ иногда *memoriae martyrum* и имѣли видъ небольшихъ храмиковъ; вѣроятно въ нихъ помѣщали саркофаги и кругомъ устраивали гробницы. Эти зданія постепенно расширялись и послѣ Константина сдѣлались великолѣпными базиликами; **) нѣкоторыя изъ нихъ до сихъ поръ стоятъ въ окрестностяхъ Рима.

Въ періодъ существованія общины вѣрующихъ, какъ *collegia fune-reticia*, у христіанъ явилась возможность совершать религиозныя об-

*) Въ верхней, удаленной части, въ мѣстѣ называемомъ *coenaculum*.

**) *Базиликами* (*Basilicae*) начали называть христіанскія церкви только со времени Константина; въ мирѣ классическомъ базилики были мѣстомъ пребыванія царей и верховнаго судьища. Эти зданія имѣли форму продолговатаго четырехугольника, обыкновенно раздѣленнаго въ длину колоннами на три отдѣленія (корабли, *navis*, *nef*), изъ которыхъ среднее было шире и выше остальныхъ и означивалось съ противоположной отъ главнаго входа стороны полуруглою нишей, она называлась абсидой или трибуной, и въ ней на возвышеніи сидѣли судьи. Надъ боковыми отдѣленіями находились иногда галереи, открывавшіяся на центральный корабль. Подобнымъ расположеніемъ, какъ нельзя лучше, соответствовали требованіямъ христіанскаго служенія и были очень удобны для помѣщенія многочисленнаго собранія людей, которое должно было видѣть совершеніе таинства и церковную службу, для раздѣленія покровъ и т. д. Вѣрующіе помѣщались въ трехъ отдѣльныхъ базиликахъ и въ галереяхъ, нужнымъ отдѣльно отъ женщинъ; а духовенство заняло абсиду, передъ которой ставили престолы. Христіане строя свои церкви давали имъ форму базилики, но впоследствии дѣлали въ нихъ различныя измѣненія; самое главное состояло въ томъ, что поперечное отдѣленіе, нѣсколько выступавшее съ обѣихъ сторонъ, пересѣло базилику въ томъ мѣстѣ, гдѣ центральный корабль соединялся съ абсидой, что придало всему зданію форму вѣста. Форму небольшихъ базиликъ вѣроятно также иногда имѣли тѣ зданія, которыя христіане воздвигали до торжества церкви надъ катакомбями. До нашихъ дней на западѣ строятъ церкви на подобіе базиликъ.

ряды въ мѣстахъ ея собранія. Вообще подъ видомъ зданій и храмиковъ семейныхъ гробницъ, *cellae* или какъ *schola* товариществъ, христіане могли имѣть церкви до полученія этого права, въ первой половинѣ третьяго столѣтія.

XVI.

Съ Константиномъ наступила новая фаза существованія катакомбъ; но можно сказать, что торжество христіанской религіи принесло имъ больше вреда, чѣмъ пользы, и повело скорѣе къ разрушенію, чѣмъ къ сохраненію ихъ.

Значительныя работы были произведены въ подземномъ Римѣ вскорѣ послѣ прекращенія гоненій; крытыя всего болѣе пострадавшія поправили, тѣ, въ которыхъ лежали мученики, расширили и украсили, потопили ихъ укрѣпили каменными сводами, провели къ нимъ широкія трубы съ поверхности земли, и устроили новые входы и удобныя лѣстницы. Но все это измѣнило первоначальный характеръ катакомбъ. Главною причиною ихъ раззоренія было построеніе базиликъ надъ прахомъ особенно уважаемыхъ мучениковъ. До сихъ поръ въ нѣкоторыхъ катакомбахъ слышатся изъ церквей, воздвигнутыхъ надъ ними. Обыкновенно при этомъ не трогали самой гробницы святого, которая часто находилась въ одной изъ галерей низшихъ этажей, и не переносили его мощей, но строили такъ, чтобы престолъ церкви былъ помѣщенъ прямо надъ его могилою; цѣлость послѣдней была сохранена, но при постройкѣ фундамента зданія, почти постоянно довольно обширнаго, разрушала тысячи другихъ соедѣнныхъ гробницъ. Иногда для этого приходилось срывать или уравнивать холмы, въ которыхъ развивалась катакомба, и такимъ образомъ уничтожали нѣсколько ярусовъ ходовъ и комнатъ со всѣмъ, что въ нихъ находилось; и теперь еще можно видѣть, какъ велики были эти раззоренія и сколько интересныхъ памятниковъ они насъ лишили.

Такъ были построены базилика св. Петра, *) св. Агнии, св. Севастіана, св. Лаврентія и т. д. Но исключая большихъ базиликъ, вскорѣ послѣ торжества церкви христіане воздвигли надъ катакомбами множество незначительныхъ церквей или часовенъ, которыя, не будучи такъ крѣпко и тщательно сложены и впоследствии исправляемы какъ базилики, не имѣли судьбу послѣднихъ, и почти всѣ разрушились съ теченіемъ времени. G. B. de Rossi открылъ нѣсколько подобныхъ зданій, измѣненныхъ поздними пристройками и болѣе или менѣе уцѣлѣвшихъ. Одно изъ нихъ находится вблизи дороги Ardeatina, и долго служило складомъ вина, но сохранило свои первоначальныя формы. По мнѣнію римскаго археолога оно было построено не раньше 3-го и не позже 5-го вѣка,

*) Существующій теперь соборъ св. Петра былъ построенъ въ 16-мъ столѣтіи на развалинахъ древней базилики, посвященной тому же святому и воздвигнутой императоромъ Константиномъ на мѣстѣ царя Нерона, гдѣ согласно преданію, этотъ апостолъ принял мученическую смерть. Катакомба выкопанная въ окрестностяхъ Ватиканской холмъ, заключающая первоначальную гробницу св. Петра и представлявшая, какъ легко себѣ можно представить, не малый интересъ, уже сильно пострадала при постройкѣ первой базилики и была уничтожена окончательно болѣе обширныхъ зданіемъ новаго собора. Не только все, что заключало это кладбище, погибло, но невозможно даже опредѣлять теперь его форму и величину. Три христіанскія эпохи стоятъ тутъ одна надъ другою, и если нельзя не сожалѣть о разрушеніи ересей и другихъ памятниковъ Ватиканской катакомбы, то также невозможно подумать равнодушно, что древняя базилика, построенная Константиномъ и великолѣпно украшенная изъ мозаиками, которую папы, постоянно обогащая въ продолженіи одиннадцати столѣтій, превратили въ настоящій музей христіанскаго искусства, что это неоправданно въ археологическомъ отношеніи зданіе было сорвано для постройки новаго колоссальнаго собора, — колоссальнаго безъ всякаго сомнѣнія, но не болѣе; возмущающаго столько же своими громадными размѣрами, сколько и беззастѣнливостью архитектурныхъ формъ и украшеній, представляющаго какъ нельзя вѣрнѣе наглядный примѣръ постепеннаго упадка въ Италіи художественнаго вкуса въ концѣ эпохи возрожденія. Виднѣе шло соборъ согласится со мной, что войны въ него были поражены его громадностью, но не получали никакого пріятнаго впечатлѣнія и не останавливали съ удовольствіемъ напередъ однимъ изъ его архитектурныхъ деталей. Самая замѣчательная часть этого зданія, его куполъ всего лучше представляется издали, когда не видна или мало замѣтна остальная постройка. Потеря древнаго собора св. Петра сдѣлалась еще ощутительнѣе послѣ пожара базилики св. Павла (въ городскихъ стѣнахъ Рима, вблизи Тибра), построенная также императоромъ Константиномъ, но значительно увеличенная и богато украшенная въ 5-мъ столѣтіи императоромъ Гоноріемъ; она сгорѣла почти совершенно въ 1833-мъ году въ слѣдствіе неосторожности рабочихъ, направившихъ ее кривую; уцѣлѣла только часть мозаикъ и нѣсколько другихъ незначительныхъ памятниковъ. Теперь ей снова возстановили въ первоначальной формѣ, но въ новомъ вкусѣ.

и по всей вѣроятности посвящено святымъ Сиксту и Цециліи, потому что стоитъ надъ криптомъ, гдѣ были погребены эти мученики. Развалины подобныхъ же небольшихъ церквей были найдены въ окрестностяхъ Рима, преимущественно у Аппіеваго пути и у входа въ катакомбу Претекстата. Большая часть ихъ принадлежитъ къ первымъ временамъ торжества христіанской вѣры, но нѣкоторые могли быть воздвигнуты раньше Константина, какъ cellae и какъ memoriae martyrum. Зданія эти представляютъ нѣкоторый интересъ, потому что образуютъ въ христіанской архитектурѣ переходъ отъ подземныхъ церквей къ большимъ базиликамъ. Они копи, на сколько возможно близкія, квадратныхъ cubacula: по нишѣ полуокруглой формы устроено въ каждой изъ трехъ внутреннихъ сторонъ ихъ для постановки саркофаговъ служившихъ престолами, въ четвертой сдѣланъ входъ, — т. е. совершенно то же расположеніе, какъ и во многихъ катакомбныхъ комнатахъ.

XVII.

Погребеніе въ ипогеяхъ не прекратилось немедленно послѣ победы христіанской религіи надъ язычествомъ: нѣсколько катакомбъ, правда незначительныхъ, образовались даже послѣ Константина. Однажды принятый обычай продолжался по традиціи еще довольно долгое время. При томъ эти подземелья, сгоронившія столбныхъ мучениковъ, гдѣ собирались вѣрующіе, сдѣлались предметомъ особеннаго уваженія, что и повело къ желанію покоиться въ нихъ послѣ смерти.

Большая часть надгробныхъ надписей временъ Константина происходитъ изъ катакомбъ, но въ царствованіе этого императора стали также умножаться и кладбища расположенныя на поверхности земли, которыя уже прежде были въ употребленіи у христіанъ. Базилики, воздвигнутыя имъ около Рима, назывались cœmeteria; это доказываетъ, что въ нихъ и кругомъ ихъ хоронили мертвыхъ. Уже въ четвертомъ столѣтіи папы начали предавать землѣ видъ катакомбъ, около базиликъ, построенныхъ

надъ послѣдними; примѣру этому послѣдовали и другіе христіане. При сыновьяхъ Константина катакомбныя эпитафіи уменьшаются и напротивъ возрастаетъ число надгробныхъ. Въ царствованіе Юліана богоотступника, при которомъ положеніе христіанской церкви измѣнилось въ худшему, катакомбныя надписи не увеличиваются. Послѣ него обычай хоронить въ иногдѣхъ значительно ослабился. Съ 364 до 369-го г. изъ двухъ погребеній одно подземное. Но въ 370 и 371 году только очень рѣдко хоронятъ въ катакомбъ; это объясняется тѣмъ, что въ эти два года много могилъ мучениковъ, заваленныхъ при послѣднихъ гоненіяхъ, были открыты папой Дамазомъ; въ слѣдствіе чего увеличилось почитаніе ихъ и проявилось желаніе быть погребеннымъ въ ихъ соудѣствѣ. Но вѣроятно устройство гробницъ въ криптахъ представляло больше трудностей, чѣмъ на поверхности земли, потому что послѣ 374-го года употребленіе катакомбъ какъ кладбищъ замѣтно уменьшается. Это произошло не по причинѣ недостатка удобной земли для пропашиванія новыхъ галерей, а въ слѣдствіе измѣненія образа погребенія: ходы проведенныя, но лишенныя гробницъ, loculi назначенныя и не въисчѣнныя, работы начатыя и не оконченныя догадываютъ это.

Съ 410-го года до середины пятаго столѣтія погребеніе въ криптахъ производится очень рѣдко и послѣ 455-го года прекращается совершенно. Всѣ надгробныя надписи, памятники искусства, находящіяся въ катакомбахъ, когда они не служатъ украшеніемъ гробницъ мучениковъ и комнатъ, гдѣ они находились, принадлежатъ потому въ первымъ четыремъ столѣтіямъ. Если есть исключенія, то они встрѣчаются не часто. Нѣсколько памятниковъ слѣдуетъ отнести въ первой половинѣ пятаго вѣка, но ихъ не много.

Какой видъ имѣли катакомбы въ пятомъ столѣтіи, можно судить изъ словъ св. Иеронима; вотъ что говорить онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: *) „Когда я былъ ребенкомъ и воспитывался въ Римѣ, то имѣлъ обыкновеніе вмѣстѣ съ другими дѣтьми, моими товарищами, посѣщать по воскресеньямъ гробницы апостоловъ и мучениковъ. Мы спускались въ подземныя галереи, стороны которыхъ наполнены до верха тѣлами умершихъ, и гдѣ царствуетъ столь непроницаемая тьма, что годовъ примѣнить къ себѣ слова пророка: „живые они спустились въ

адъ.“) Только рѣдко дневной свѣтъ, скудно проникая сквозь отверстія, устроенныя на поверхности земли, которыя нельзя назвать окнами, умѣряетъ на небольшое пространство ужасошую мглу подземелья, и когда бродишь въ немъ, ступая шагъ за шагомъ, овруженный глубокой ночью, невольно вспоминаешь стихъ Виргілія: „Всюду ужасъ вмѣстѣ съ самой тишиной пугаютъ воображеніемъ“ **).

XVIII.

Катакомбы долгое время посѣщали съ благочестивою цѣлью послѣ прекращенія погребенія въ нихъ. Драгоцѣнныя воспоминанія были связаны съ ними, и богомольцы со всѣхъ концовъ христіанскаго міра приходили въ Римъ молиться у гробницъ мучениковъ. Стеченіе ихъ было очень значительно, и потребовало особеннаго рода работы. Чтобы облегчить имъ входъ въ подземелья прямо съ поверхности земли, проводили двѣ лѣстницы къ вѣсту, гдѣ лежало тѣло святого: по одной они спускались внизъ, и сейчасъ же находили его; по другой съ противоположной стороны поднимались вверхъ. Широкая луминари были проведены изъ криптъ особенно посѣщаемыхъ, и иногда пересѣкали каменными стѣнами соудія галерей, дабы увлеченные любопытствомъ эти богомольцы не удалялись въ подземный лабиринтъ ходовъ, рискуя заблудиться и навсегда остаться въ немъ. Обыкновенно они уносили съ собой какое нибудь воспоминаніе посѣщенія криптъ, или въ изобилии драгоцѣнныя благовопія въ отверстіи, нарочно сдѣланное въ верхней части плиты loculus, и потомъ съ большою заботливостію собирали эту жидкость выходящую внизу черезъ другое отверстіе, тронувъ остатки святого; или брали масло изъ лампадъ горящихъ передъ гробницами ихъ и разносили его по всему свѣту. Такъ продолжалось до перенесенія тѣлъ мучениковъ въ церкви Рима.

*) In Ezechiel. c. XL.

*) Ps. LIV. 16.

**) Horror ubique animos, simul ipsa silentia terrent. Aeneid. II. 755.

Одно из самых вѣрныхъ указаній замѣчательнаго мѣста въ подземномъ Римѣ это надписи (graffiti), дѣлаемые богомольцами. Какъ ни ничтожны кажутся съ перваго взгляда имена, вызваны и отрывки молитвъ, начерченныхъ ими поспѣшно какимъ нибудь остріемъ на стѣнахъ кубинкуловъ, галерей и лѣстницъ, они имѣютъ свое значеніе, и помогаютъ вопервыхъ опредѣлить мѣста историческихъ гробницъ, (особенно когда пишущій, молясь и поручая себя покровительству мученика погребеннаго тутъ, упоминаетъ его имя), а вовторыхъ передаютъ чувства религиознаго восторга этихъ наивныхъ, но сильно убежденныхъ людей, готовыхъ во всякой гробницѣ видѣть прахъ умершаго за вѣру.

Всего чаще богомольцы пишутъ только одно свое имя, но иногда смиренно просить молиться за него слѣдующимъ образомъ: „Eustathius humilis peccator; tu qui legis, ora pro me, et habes Dominum protectorem“, т. е. „Евставій смиренный грѣшникъ; ты, читающій эти слова, молись за меня, и да покровительствуетъ тебѣ Господь“; или выражаетъ благочестивыя желанія и надежды въ пользу близкихъ, друзей, прося за себя и за своихъ родныхъ живыхъ и мертвыхъ святыхъ угодниковъ, какъ напримѣръ: Святыя души (spiritus sancti) *) помяните (in mente habete) Діонисія. Святые мученики, испросите покой моему отцу и братьямъ; святой Сивестъ, помни въ молитвахъ твоихъ такогото. Святыя души, испросите благополучное плаваніе для Верекундіи и его спутниковъ (ut Verecundus cum suis bene naviget). Можетъ быть подъ словомъ плаваніе понято тутъ земное существованіе. Въ одной надписи набожный богомольецъ называетъ крипитъ Сикста Иерусалимскомъ мучениковъ. Всего чаще въ graffiti (вообще очень приближающихся смысломъ и характеромъ къ катакомбнымъ эпитафіямъ раннаго времени) употреблена слѣдующая фраза: такой-то или такіе-то живутъ въ Богѣ, или да живутъ они въ Богѣ (vivat in Deo). У входа въ крипитъ Lucina, на стѣнѣ при входѣ лѣстницы начерчены были по всей вѣроятности въ 4-мъ столѣтіи нѣсколько разъ слѣдующія слова: „Sofronia vivas in Domino“; т. е. да живетъ Софронія въ Богѣ. Тутъ выражено только упованіе, что Софронія спасена и находится въ вѣчномъ блаженствѣ; вѣроятно написавшій это сошелъ въ крипитъ и у гробницы мученика укрѣпился въ своей надеждѣ молитвой, потому что съ другой

*) Въ катакомбныхъ эпитафіяхъ третьяго столѣтія душа человѣка часто названа „spiritum“ вмѣсто „spiritus“.

стороны у выхода начерчено той-же рукой: „Sofronia dulcis, semper vivet Deo; т. е. Софронія сладчайшая ты вѣчно будешь жить въ Богѣ; и еще утвердительно: „Sofronia vivis!“ т. е. Софронія ты живешь въ Богѣ. *)

XIX.

Роговой для Рима 410-ый годъ обозначаетъ также въ исторіи катастрофу начало эпохи совершеннаго оставленія ихъ. Неизвѣстно, какая судьба постигла христианскія кладбища и базилики при взятіи Рима Готфами въ 410-мъ году и Вандалами въ 455-мъ году: слѣды того, что произошло съ ними при этомъ, слабы и не ясны. Въ немногихъ надписяхъ

*) Обычай поминать съ оныхъ рождественіемъ и просить за нихъ боговъ, храмы которыхъ посѣщали, существовалъ и у язычниковъ. Graffiti были открыты по многихъ святаящахъ античнаго міра въ Египтѣ, Италіи, Греціи и т. д. Такъ напримѣръ около Фивъ въ развалинахъ храма Изиды, на островѣ Филе видна надпись, объясняющая что нѣкто Серапіонъ, сынъ Аристомахъ, пришелъ поклониться великой богинѣ, вспоминая тутъ въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ своихъ родныхъ для блага ихъ. Многие языческіе graffiti этого рода не имѣютъ религіознаго характера, но писаныя путешественниками, которые, любясъ помянуть оныя и дѣлаемые при этомъ дѣлательныя чувствами, вспоминая близкихъ и друзей, какъ бы желая похвалиться съ ними своими впечатлѣніями и восторгомъ. Въ гробницахъ египетскихъ царей разобрана слѣдующая надпись: „Я Наполеобіусъ изъ Гелиополиса совершаю гробницы царей и вспоминаю всѣхъ своихъ.“ Интересна также надпись одной римлянки, которая возлѣ пирамидъ вспоминаетъ своего умершаго брата и пишетъ слѣдующія трогательныя слова: „Я увидѣла пирамиды безъ тебя и это наполнило горестію мою душу. Тутъ я оплакивала твою участь и въ свидѣтельство моея нескончаемой печали пишу эти слова“.

Особенно драгоценны для изучающихъ нравы римскаго общества graffiti, открытыя на стѣнахъ храмовъ, общественныхъ зданій и частныхъ домовъ возставшей изъ пепла Везувія Помпеи. Неудовольныя иговыми дѣяніями Азъ ежедневной жизни обитателей этого города, мнѣніе ихъ о томъ или другомъ событіи, о той или другой новизнѣ отражаются въ этихъ оракахъ, стихахъ и восклицаніяхъ, начерченныхыхъ ланжи нибудь остріемъ, написанныхъ углемъ или краскою. Тутъ попадаются и выраженіе любви, рекомендація для муниципальныхъ выборовъ, описанія побѣдъ глади-

свах, указывающих работы произведенные в подземном Римѣ послѣ этихъ событий, не упоминается, что они сдѣлались необходимы въ слѣдствіе разрушеній причиненныхъ варварами. Очень вѣроятно, что послѣдніе лишили церкви и гробницы мучениковъ тѣхъ цѣнныхъ украшеній, которыя возможно было унести, но многого разрушить они не могли, если бы и желали этого, не имѣя достаточно времени. Конечно больше должны были пострадать катакомбы въ 6-мъ столѣтіи при осадахъ Рима, во время войнъ Велисарія съ Готфами. Несомнѣнно только то, что съ 410-го года начинается запущеніе ихъ. Безпрестанно повторяющіяся бѣдствія, упадокъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ жителей Рима не были благоприятны для предпріятія новыхъ построекъ и поддержанія старыхъ, для украшенія уважаемыхъ гробницъ и сохраненія катакомбъ. Подземная работа въ кладбищахъ, которая уже долгое время была очень незначительна, послѣ ваятія Рима Готфами прекращается совершенно. Съ 648 папы начинаютъ переносить тѣла святыхъ изъ крипты въ базилики Рима, потому что Кампанія въ слѣдствіе войнъ предшествовавшего столѣтія постепенно превращалась въ пустыню. Въ 8-мъ вѣкѣ Лонгобарды разорили многіе крипты и похитили изъ нихъ тѣла мучениковъ; это принудило папу Павла I открыть большое количество гробницъ и раздать остатки, найденные въ нихъ, церквамъ Рима; а премирныя его стали расылать части святыхъ во все концы католическаго міра.

Катакомбы лишились того, что заставляло сохранять, украшать и посѣщать ихъ, и это было главной причиною ихъ забвенія; оно начинается съ девятаго столѣтія и идетъ постоянно возрастая; имена ихъ перепутали, забыли, скоро никто больше не думалъ о ихъ существованіи *). Опустошенныя и оставленныя гробницы мучениковъ обвалились; зданія, стоявшія надъ ними на поверхности земли, обрушались, ихъ развалины упали или были брошены въ luminaria **).

горювъ, горюскія сплетні, рисунки-каррикатуры, сдѣланныя неопытными руками, и какъ въ христіанскихъ graffiti катакомбъ мы находимъ самое искреннее выраженіе благочестивыхъ порывовъ ихъ набожныхъ посѣтителей, точно также graffiti Помпеи (которыхъ было издано уже въскользко собраній) передаютъ намъ задуманныя чувства и мысли ея жителей.

*) Только въ XVI столѣтіи, какъ мы видѣли, совершенно случайно попали на ихъ слѣды.

***) Комнаты съ трубами, гдѣ теперь открываютъ груды мусора и вашиной, еоримъ конуса, почти всегда служатъ указаніемъ гробницы извѣстнаго мученика.

Входы въ катакомбы заросли или были нарочно завалены въ средніе вѣка крестьянами римской Кампаніи. Въ продолженіи многихъ столѣтій песокъ, вносимый дождевою водою, заносилъ галереи. Мѣстами онѣ обрушились, частью потому что изъ Ioculi были вынуты плиты и черепицы, которыя поддерживали свода хода и придавали крѣпость его бокамъ, частью въ слѣдствіе землетрясеній, движения на поверхности земли, воздѣлыванія ея и построекъ. Изъ крипты, открытыхъ случайно, выносили все, что могло идти въ торговлю или быть употреблено какъ строительный матеріалъ, — мраморъ, плиты, кирпичи, и разбивали ихъ гробницы, надѣясь найти драгоценности. Многія галереи, находившіяся въ соседствіи съ аренаріями, были разрушены работниками при добываніи пощоланы. Большой вредъ подземному Риму причинили также ученые и собиратели древностей прошлаго столѣтія, которые выносили изъ него саркофаги, отбивали отъ стѣнъ фрески, отбивали плиты съ надписями и т. д.

Въ слѣдствіе всего этого нужны теперь особенныя работы, чтобы снова проникать въ катакомбы уже открытыя и извѣстныя *). Но не смотря на постоянное опустошеніе этихъ кладбищъ, продолжавшееся многія вѣка, онѣ такъ велики, что мѣстами избѣжали разрушенія и сохранили первобытный видъ. Можно даже сказать, что забвеніе ихъ, потеря входовъ, обвалы, претравившіе въ нихъ дорогу, отчасти способствовали этому, и сберегли многіе фрескамъ, надписямъ и другимъ памятникамъ цѣлостъ и неприкосновенность, которыя они вѣроятно бы утратили, если бы тѣ галереи и комнаты, гдѣ ихъ нашли, не были удалены отъ входовъ, потеряны въ лабиринтѣ обширнаго подземелья и недоступны всѣмъ опустошавшимъ катакомбы съ различными цѣлями въ предшествовавшіе вѣка.

*) Раскопки въ нихъ, требуя большихъ расходовъ, идутъ довольно тихо, и прекращаются совершенно въ злѣніе вѣсницъ, когда посѣщеніе катакомбъ и всѣ работы въ нихъ дѣлаются невозможными, по причинѣ ливней, порождая свѣршастающихъ въ окрестностяхъ Рима.

ВАЖНѢЙШИЯ ОПЕЧАТКИ.

	<i>Напечатано.</i>		<i>Слѣдует читать.</i>
Стр.	Строка		
12	8 и 9,	гражданскія учрежденія	гражданскихъ учрежденій
42	12 снизу	агепна	агепна
102	5 сверху	частнаго	частаго
109	9 —	новый	новыиъ
121	5 —	Saecili	Saecilia
142	5 —	Flavia Domitilla	Flavia Domitilla
163	24 —	различныхъ властей и считалось	различныхъ властей, счита- лось
180	16 —	funereticia	funeraticia

ИЗДАНИЯ К. СОЛДАТЕНКОВА.

АФАНАСЬЕВА. Народы России Азии. Выпуск 1 и 2 . . .	1 р.
« « « « « Выпуск 7	1 р.
« « « « « Выпуск 8	1 р. 50 с.
Поэтическое, возрѣн. Славянъ на природу. 3 Т.	8 р.
БЕРГА Записки объ осаде Севастополя. 2 части. 2 р.	50 к.
БЕРГА Севастопольскій альбомъ (37 рисунковъ). 7 р.	
ВОЛЬСКАГО Историческое народно-хозяйственное значеніе обработки крестьянами-собственниками.	2 р. 50 к.
ГЕТТНЕРА Исторія всеобщ. литерат. XVIII вѣка. Т. III, Кн. I. Перев. А. Пыпина и А. Пяцеева. 2 р.	
ГРАНОВСКАГО Сочиненія. 2 части.	2 р.
ЕШЕВСКАГО Сочиненія. 3 части	6 р.
ЗАВЪДИНА Опыты изученія русскихъ древностей и исто- рии. Часть 1-я	2 р.
КАВЕЛИНА Сочиненія. 4 части.	5 р.
КАРРЬЕРА Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I и II. Перев. Е. Корша. 6 р.	50 к.
КЛЮЧЕВСКАГО Древнерусскія житія святыхъ какъ исто- рическій источникъ.	2 р.
КОЛЬЦОВА Стихотворенія. Изд. 5	20 к.
КУТЛЕРА Руководство къ исторіи искусства. Перев. Е. Корша. Ч. I и II.	10 р.
ЛОТЦЕ Мавровомъ. Перев. Е. Корша. 3 части. 6 р.	50 к.
ЛЮБЕКЕ Исторія властии. Перев. В. Чаева.	6 р.
ОГАРЬЕВА Стихотворенія. Изд. 3.	50 к.
ПОПОВА Россія и Сербія. 2 части	4 р.
РИХТЕРА Вліяніе цефаларной патологіи на практи- ческую дѣятельность врача	1 р.
ТАЦИТА Лѣтопись, 2 тома. Пер. А. Кроневберга. 1 р.	50 к.
ТРАЧЕВСКАГО Польское беззороделье.	3 р.
— Испанія XIX вѣка. Часть 1-я	2 р. 50 к.
ТРЕНДЕЛЕНБУРГА. Логическія изслѣдованія. 2 части	4 р.
ФЕТА Стихотворенія. 2 части	2 р.
ФЮСТЕЛЬ-КУЛАНЖА Гражданскія община античнаго міра. Переводъ Е. Корша.	2 р. 50 к.
ЦИММЕРМАНА Путешествіе по Америкѣ, въ 1869—1870 г. Изд. 3	1 р.
ЧИЧЕРИНА Письмо о современныхъ вопросахъ.	1 р.
— Опытъ по исторіи русскаго права.	1 р.
— Очерки Англій и Франціи	1 р.
— О народномъ представительствѣ.	3 р.
— Областныхъ учрежденій.	3 р.
— Исторія политическаго ученія. Часть 1-я	3 р.
ШЕКСЦИРА Драматическія сочиненія. Переводъ Н. Бет- чега. Части I—6-я; за каждую.	1 р.
ШИЛОВА Ключъ или алфавитный указатель къ исто- риіи Россіи С. Соловьева съ 6-ю родо- словными таблицами.	3 р.

1-я и II-я томъ Исторія всеобщ. литерат. XVIII в. Г. Геттне-
ра издали въ переводѣ А. Пыпина въ 1863 и 1865 годахъ.